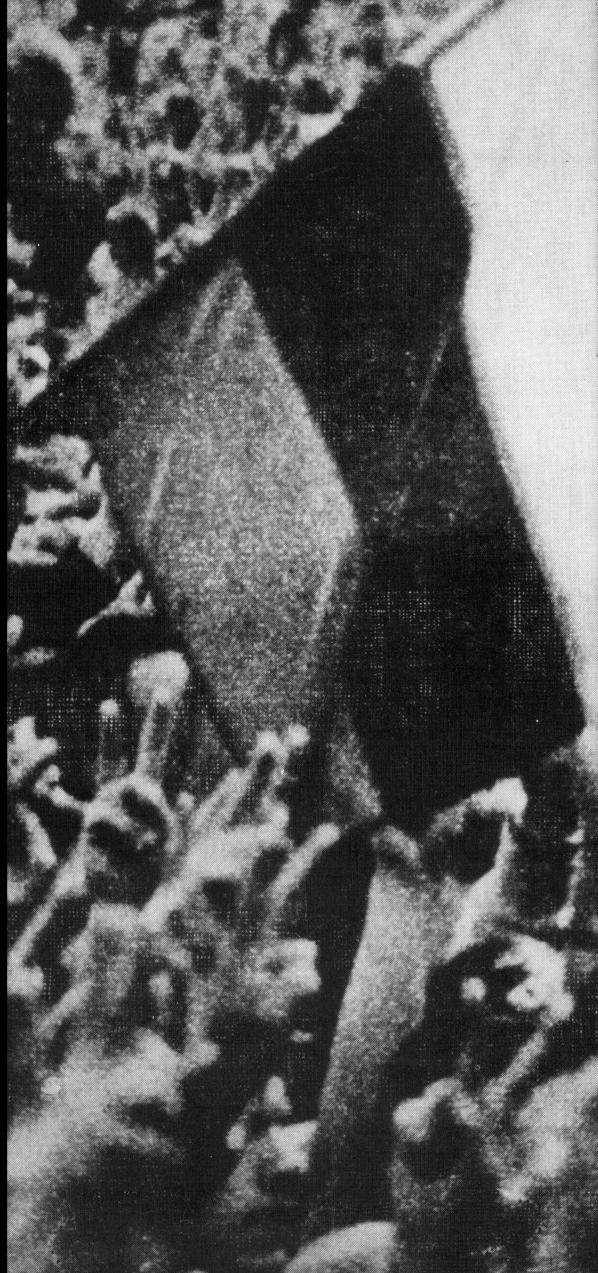
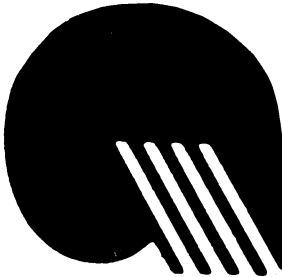
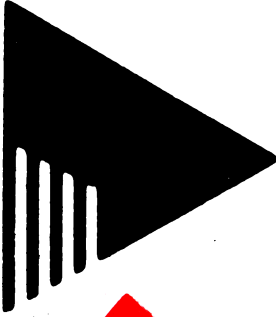
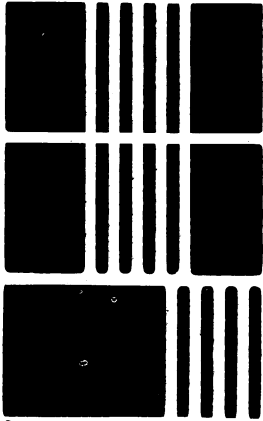

Август-91

Август-91

Август-91

**Москва
Издательство
политической
литературы
1991**

ББК 66.3(2)6
А18

А18 **Август-91.**— М.: Политиздат, 1991.— 272 с.
ISBN 5—250—01921—8

В сборник включены опубликованные в советской печати материалы о событиях 19—21 августа 1991 года. В выступлениях М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина говорится о том, почему все же стала возможной попытка переворота.

П 0803010200—329
079(02)—91

ББК 66.3(2)6

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редакторы *В. А. Зогова, Т. К. Сперанская*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 9472

Сдано в набор 14.10.91. Подписано в печать 01.11.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,23. Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 2334.
Цена 2 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва. И-473. Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—01921—8

© Политиздат 1991

УРОКИ АВГУСТОВСКИХ СОБЫТИЙ

[из выступления М. С. Горбачева перед участниками московского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе]

...С огромным трудом выросшая в годы перестройки, наша демократия, далеко еще не окрепшая, подверглась смертельной опасности.

Три главных урока следуют из августовских событий.

Первое.

Подтвердился необратимый характер изменений, к которым привели демократизация и гласность.

Перестройка, как бы ее ни критиковали, и часто заслуженно, уже сделала великое дело. За шесть лет пройден огромный путь. Произошел настоящий прорыв к новой жизни.

Огромные массы людей осознали себя гражданами, для которых — вопреки всем тяготам повседневности — свобода стала высшей ценностью. Они-то и преградили дорогу заговорщикам, сорвали их замысел — вернуть страну в тоталитарное прошлое.

Второе.

Переворот не удался также и потому, что окружающий мир осудил путч, выступил в защиту демократии у нас, рассматривая ее как часть всего демократического мира.

Такая позиция естественна: Советский Союз, благодаря новому мышлению и основанной на нем внешней политике, перестал быть антагонистом в этом мире. В успехе перестройки видят теперь необходимое условие безопасности и прогресса всего человечества.

Но почему все же стала возможной попытка переворота? Здесь — **третий урок** для нас.

То, что произошло во время переворота, — в какой-то степени неизбежная схватка сил реакции и демократии. Накопившиеся противоречия должны были найти выход.

Но мы должны судить обо всем трезво, быть беспощадными в анализе, твердо стоять на позиции реа-

лизм и признать, что были условия, с которыми заговорщики связывали свои планы.

Они рассчитывали, что удастся использовать социально-экономическую напряженность в обществе, недовольство неустроенностью повседневной жизни, падение жизненного уровня, отсутствие порядка, когда власти оказались неспособными обеспечивать личную и имущественную безопасность; поэксплуатировать тревогу по поводу жестокости национальных конфликтов и угрозы хаотического распада страны.

Путчисты полагали, что в этой ситуации народ может пойти за ними, надеясь на стабилизацию и улучшение материального положения.

Они рассчитывали также и на то, что приверженность народа к демократии еще не приобрела достаточной устойчивости. Да и сами демократические силы как следует не осознавали жизненной необходимости взаимодействия и сотрудничества.

Они не смогли подчинить все свои действия тому, что их объективно объединяло. Часто вступали в острую борьбу друг с другом, ослабляя себя перед лицом реакционных сил.

Сколько раз подобное случалось в истории, когда силы прогресса погрязали в выяснении нюансов отношений между собой, а реакция пользовалась этим и прибирала власть к рукам.

Когда заговорщики увидели, что на базе ново-огаревского процесса растет тенденция к консолидации демократии, они и решили выступить, боясь опоздать. Но они не учли главного. Да, народ хочет законности и стабильности, но не через диктатуру, не через чрезвычайщину.

Глубоко просчитались они и сделав ставку на то, что страну вновь можно отгородить от других, опять противопоставить цивилизованному миру. Пройгнорировали огромные, принципиальные изменения в международном положении нашей страны, особенно в отношениях с европейцами.

Оба фактора во взаимодействии — демократические завоевания перестройки и новые отношения с внешним миром — предопределили поражение путчистов.

С самого начала кризисных процессов, связанных с коренным преобразованием общества, я видел свою задачу в том, чтобы не допустить взрывной развязки

копившихся противоречий, стремился выиграть время, чтобы дать демократическому процессу приобрести достаточную устойчивость, укрепить в народе приверженность к новым ценностям.

Мой замысел состоял в том, чтобы, вопреки любым трудностям, сохранить курс преобразований, чтобы, несмотря на болезненность этого процесса, он шел в политических формах. Да и как иначе могли себя вести инициаторы перестройки? Какими же тогда они были бы демократами! Точно так же, как и на внешней арене, мы твердо держали курс, чтобы исключить решение проблем силой, предотвратить попытку реакционного поворота.

Но не могу не сказать при этом о допущенном просчете с моей стороны. На этапе, когда начался демонтаж тоталитарной системы управления, надо было действовать решительнее и быстрее по разрушению старых структур. Ведь именно там сосредоточивались силы прошлого, на которые смогли опереться заговорщики.

Однако тот факт, что переворот быстро захлебнулся, показал, что усилия твердых сторонников перестройки в руководстве страны не прошли даром. Случись переворот полтора-два года назад, результаты могли быть другими.

Скоротечность путча, помимо всего прочего, показала оторванность заговорщиков от народа, который стал другим, другой стала и армия. Обнажилась убогость мышления путчистов, не позволившая им понять, что в обществе произошли такие изменения, которые неизбежно обрекут их авантюру на провал.

Итак, главный урок для нас из августовских событий — решительнее, смелее, быстрее идти вперед по пути демократических преобразований к новому Союзу и рыночной экономике...

В переходный период, после подавления путча с новой остротой встали проблемы обеспечения прав человека на всем пространстве огромной страны.

Есть ли надежные гарантии от повторения чего-либо подобного? Отсылаю вас к решениям Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. Там предусмотрены механизмы защиты конституционного строя.

Другой серьезный аспект — недопущение произвола при расследовании обстоятельств переворота. Ор-

ганизаторы заговора и конкретные исполнители преступных действий должны быть строго наказаны по закону.

Но недопустимы расправы с политическими противниками, преследование за инакомыслие, за принадлежность к тем или иным политическим организациям.

Наше общество, пережившее чудовищные репрессии сталинского режима, десятилетия произвола, особенно чувствительно к таким вещам.

И еще. Теперь хорошо знаем: недостаточно провозгласить права человека или заявить о приверженности Всеобщей декларации на этот счет. Чтобы стать реальностью, права человека должны быть обеспечены законодательно и экономически...

ИСТИННЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ НАРОДА

[из выступления Б. Н. Ельцина перед участниками московского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе]

...Август показал, каковы истинные устремления народа. Стало ясно, что будущее России связано с утверждением общечеловеческих ценностей, демократии и свободы. Что бы скептики ни говорили, народ сам показал, какой путь он избрал. Именно нынешнему поколению открывается величайшая истина: только один путь не ведет человеческое сообщество в тупик. Это путь, который соответствует гуманистической традиции, путь, по которому шли и идут большинство стран мира...

Чтобы оценить, насколько он сложен, нужно обязательно учитывать ту бездну, в которой мы оказались. И поэтому я убежден — нужны особые критерии оценок того, что у нас получается и что не получается...

Ключевая проблема вашей конференции — человеческое измерение — для России имеет особый смысл. Без обретения человеческого облика нашей стране просто не подняться. Мы реалисты и поэтому понимаем, что ценности, которые отстаивает СБСЕ, только начали воплощаться в российскую жизнь. Сделают их реальностью радикальные реформы. Но пока наша страна принадлежит к числу тех, где все еще недостаточны гарантии для основополагающего права человека — права на жизнь. Печальным свидетельством этого являются события в Сумгаите и Тбилиси, Фергане и Баку, Вильнюсе и Москве.

В стране сохраняются очаги острой напряженности, уносящие все новые и новые жизни мирных людей. Но категорически не могу согласиться с тем, что все это пришло к нам в последние годы, что право человека на жизнь подрывает политика реформ. (К сожалению, есть и такие утверждения.) На самом деле оно попиралось десятилетиями тоталитаризма, кото-

рый превратил насилие в главное средство политики, сделал его привычным и повседневным. И сегодня мы все еще сталкиваемся с готовностью решать любую проблему силовыми методами... Ситуация усугубляется тем, что в течение многих лет законодательная база, защищающая права и свободы человека, оставалась слабой. Долгие годы ни один государственный институт не был ориентирован на защиту прав человека, скорее наоборот. Тем самым закреплялась диктатура государства над личностью. В результате положение огромных групп людей в течение длительного времени продолжает оставаться крайне уязвимым. При этом нас особенно беспокоят проблемы детей, которые воспитываются в детских домах, юношей, проходящих службу в армии, одиноких стариков и многих других.

Многонациональной России особенно близка и понятна проблема национальных меньшинств. Богатство культур, уникальный опыт каждого народа — это бесценное достояние, которое в прошлом способствовало ее процветанию. Мы на собственном опыте убедились, насколько пагубно недооценивать фактор многонациональности, а тем более стремиться его устранить, провозглашая так называемое сближение и слияние наций. Российское руководство исходит из принципа, что каждый народ, независимо от его численности, должен обладать всей полнотой прав и возможностей. Мы намерены настойчиво укреплять гарантии сохранения народов, их культуры, языка, традиций.

В то же время Российское государство взяло на себя роль гаранта прав и свобод наших соотечественников, проживающих за пределами России и прежде всего в других республиках Союза. Речь идет не только о русских, но и о людях других национальностей, выходящих из Российской Федерации.

Российское руководство исходит из признания права народов на самоопределение...

Стал предельно острым вопрос содержания заключенных в тюрьмах и лагерях нашей страны. Мы не забываем о том, что это преступники. Но наказанием для них является лишение свободы, а не произвол по отношению к ним. Особенно болезненной для нашей страны является проблема «узников совести». Это люди, которые испытали на себе в полной мере месть

тоталитарной системы за инакомыслие. Последние страницы этой темы еще не закрыты, но мы имеем твердое намерение снять ее с повестки дня.

Среди проблем, которые ждут своего решения,— гарантии свободы передвижения. СССР — одна из немногих стран, где сохранилась так называемая прописка, по-прежнему закрытыми для посещения остаются некоторые регионы. Россия стремится стать по-настоящему открытым государством...

Мы приняли законы об иностранных инвестициях и гарантиях со стороны государства. Надеемся, что наше участие в общеевропейском процессе станет благоприятным фактором превращения прав и свобод человека в реальность общественной жизни нашей страны. Мы исходим из того, что обеспокоенность мирового сообщества нарушением прав человека в той или иной стране не есть вмешательство в ее внутренние дела.

Пришло время создать постоянно действующий механизм контроля за соблюдением прав человека с участием всех стран СБСЕ.

Со своей стороны, мы намерены предложить Верховному Совету РСФСР принять новые кардинальные меры по обеспечению важнейших прав и свобод граждан России. В частности, уже подготовлены проекты законов «О гарантиях права граждан на объединение без какого-либо предварительного контроля», «О гарантиях свободы печати и других средств массовой информации». Принят в первом чтении Закон о реабилитации лиц, ставших жертвами политических репрессий.

Новые законы будут полностью соответствовать международным стандартам в области прав человека. Впереди радикальная реформа законодательства и правоприменительной практики. Завершается работа над новой Конституцией России. В ней найдет достойное отражение система прав и свобод, закрепленная в международно-правовых актах. Мы намерены создать систему парламентского контроля за соблюдением этих прав и свобод в республике.

Начата подготовка коренной реформы судебной системы... Активно обсуждается проблема альтернативной воинской службы. Мое мнение таково: должен быть подготовлен и принят соответствующий закон. Ведь в республике есть молодые люди, подвергнутые

уголовному наказанию за отказ от службы в армии по религиозным или иным мотивам.

Считаем также неотложным максимально ограничить применение смертной казни в качестве меры уголовного наказания, а в дальнейшем — продвигаться к ее полной отмене...

Именно в Москве в 1976 году зародилась первая общественная хельсинкская группа. В сложнейших условиях ее члены ценой свободы, а иногда и ценой собственной жизни отстаивали ценности демократии. Даже в то время они оказывали влияние на власти, но главное — будили общество. Правозащитные группы стали предтечей того массового демократического движения, которое выросло за годы перестройки. Без них не произошла бы в стране духовная революция, освободившая людей от страха. Мы кровно заинтересованы сегодня в существовании независимых организаций, которые ставят своей целью защиту прав и свобод человека. Будем и впредь способствовать их развитию, а также контактам с международными правозащитными организациями...

В нашей стране идет процесс интенсивного политического творчества, поиска оптимальных форм сосуществования государств и народов. В силу уникальности страны, того пути, который уже пройден, нам не удастся воспользоваться какой-то готовой моделью, о существовании которой меня часто спрашивают. Убежден, что Россия и союзные государства создадут новые формы взаимоотношений. Но мы не стремимся действовать изолированно от мира...

Пока коммунистический догматизм сковывает деятельность человека, определяет стиль работы российских учреждений, присутствует в политике и культуре, страна будет оставаться больной. В то же время декоммунизация не означает запрета на коммунистические убеждения, на существование партий, разделяющих коммунистическую идеологию. Мы не собираемся изгонять коммунистические идеи со страниц газет, запрещать произведения классиков марксизма-ленинизма. И самое главное — этот процесс не направлен против рядовых коммунистов.

Задача декоммунизации — покончить с тотальным господством коммунистической идеологии и практики. Восстановить в правах общечеловеческие ценности, все многообразие воззрений, взглядов, идей.

События 19—21 августа еще раз показали, кто в мире является нашим другом. Отныне наш главный партнер, а в перспективе и союзник — демократические страны. И государства Запада, и наши восточно-европейские соседи, которые стремятся влиться в общество цивилизованных народов. Мы благодарны многим руководителям государств, мировому сообществу, которое осудило путчистов, выразило нам поддержку. Россия выступает за восстановление единства мира на основе общечеловеческих ценностей. Военная угроза для нас со стороны Запада — это миф, рожденный идеологией классового противоборства. Россия и Союз уже расстаются с логикой соревнования в количестве и разрушительной силе вооружений со всем остальным миром. Обеспечение надежной обороны возможно при существенном сокращении оборонных расходов. Этому будут способствовать радикальные реформы армии, КГБ, МВД. На территории России сосредоточена значительная часть ядерного потенциала страны. Мы готовы взять на себя роль гарантов сохранения его целостности. Наши обязательства, вытекающие из Договора о нераспространении ядерного оружия, незыблемы. Мы призываем прекратить подземные испытания ядерного оружия в Семипалатинске, Новой Земле...

Россия. 1991. № 37

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ.
ДОКУМЕНТЫ.
ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ.**

День первый, 19 августа

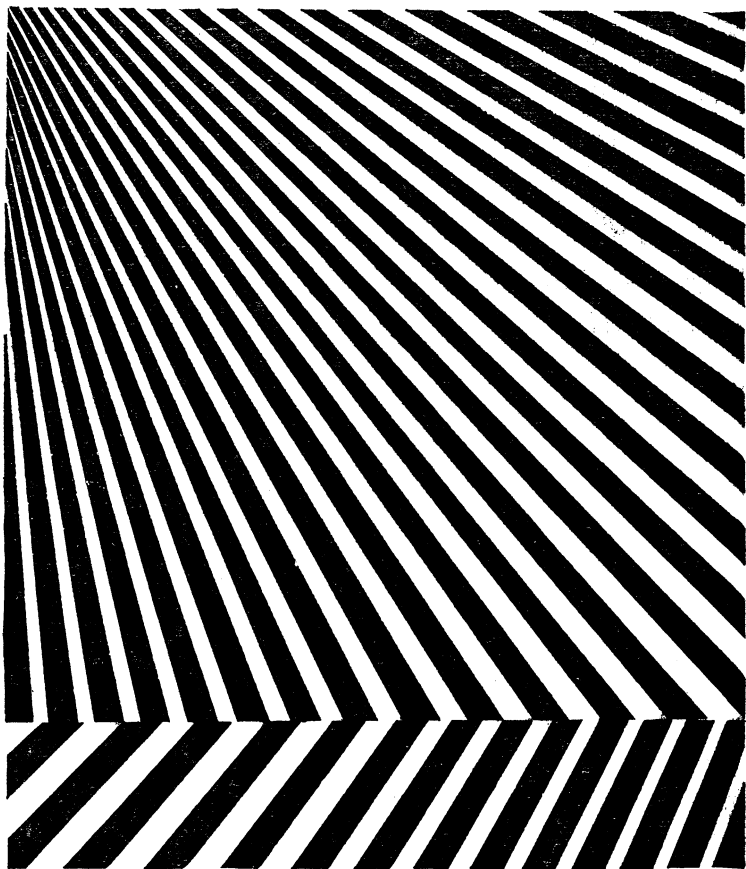
День второй, 20 августа

День третий, 21 августа

**Несколько дней после путча,
22—25 августа**

**СВИДЕТЕЛЬСТВА.
РАЗМЫШЛЕНИЯ.
ОЦЕНКИ.**

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ
ДОКУМЕНТЫ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ,

19 АВГУСТА

4.30 — Заместителям министра обороны СССР, главнокомандующим войсками направлений и Дальнего Востока, командующему ВДВ, командующим группами войск, войсками округов и флотов, начальникам главных и центральных управлений Министерства обороны СССР ушла секретная шифротелеграмма № 8825 за подписью Язова, приказывающая привести войска в боевую готовность.

6.00 — Телевидение и радио в руках путчистов. Работает один общесоюзный канал. Передают:

Заявление Председателя Верховного Совета СССР А. Лукьянова (в тексте Союзного договора позиция Верховного Совета СССР не нашла отражения).

Указ вице-президента СССР Г. Янаева (Президент болен, на его место заступаю я.)

Заявление «Советского руководства» за подписью Г. Янаева, В. Павлова, О. Бакланова. (Идя навстречу требованиям широчайших слоев населения, вводим чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени.)

«Обращение к советскому народу». (Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества... потеряли радость жизни десятки миллионов советских людей... в самом недалеком времени неизбежен новый виток обнищания.)

Обращение к главам государств и правительств и генеральному секретарю ООН.

Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Раннее утро. В Москву стягивается военная техника.

После 7.00 — В киоски «Союзпечати» и подписчикам поступили утренние газеты. Ни слова о происшедшем в них нет.

9.00 — Б. Ельцин, И. Силаев, Р. Хасбулатов обращаются к гражданам России. (Мы имеем дело с кровавым, реакционным переворотом. Призываем к всеобщей бессрочной забастовке.)

11.30 — Подписано заявление членов Комитета конституционного надзора СССР, которое назавтра появится в прессе, разрешенной ГКЧП, в виде туманного изложения ТАСС.

12.30 — Указ Президента РСФСР Бориса Ельцина: все решения ГКЧП признать не имеющими силы на территории РСФСР.

Президиум ВС РСФСР назначает внеочередную сессию на 21 августа.

Народные депутаты СССР атакуют А. Лукьянова. Он объявляет, что намерен созвать внеочередную сессию ВС СССР 26 августа.

Москва оправляется от шока. Появились первые листовки, призывающие к сопротивлению: «Нет — хунте!», «Долой хунту!», «Создавайте группы сопротивления!»

11.00—13.00. На улицах Москвы танки и бэтээры, но порохов не пахнет. На Манежной площади военные спорят. Один говорит: «В народ стрелять не буду!» Второй уверяет митингующих, что его коллега перепутал танк с бульдозером. Народ вручную катает троллейбусы. Чиновничья Москва прилипла к окнам. В стволах некоторых танков цветут гвоздики и розы, в руках у солдат указы и обращения российского правительства.

Указ незаконного и. о. Президента СССР. В связи с фактами подстрекательства к беспорядкам в Москве вводится чрезвычайное положение. Комендантом назначен командующий войсками Московского военного округа генерал-полковник Н. Калинин, который наделяется правами издавать приказы.

Появились очевидцы выступления Бориса Ельцина на танке № 110 Таманской дивизии в 12 часов 10 минут с обращением к гражданам России. Народ ожил, готовится к сопротивлению.

Ельцин обращается к военнослужащим. («Порядок», который обещают нам новоявленные спасители Отечества, обернется подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами.)

Открылся первый в истории страны Конгресс соотечественников. «Блажен, что посетил сей мир в его минуты роковые» (Ф. Тютчев).

Вместо ожидавшегося выступления Президента России был зачитан его Указ. Эмигрант из США предложил встать в знак траура. Раздались голоса: «Траура нет! Не хороните Россию!».

Постановление № 2 ГКЧП «О выпуске центральных, московских городских и областных газет». (Вопрос о гласности будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.)

Непримиримую позицию заняла демократическая пресса, запрещенная хунтой. Разворачивается полуполигальное издание листовок, бюллетеней и т. д. Много листовок — от руки, напечатанных на машинках и прочих множительных аппаратах. Народ не безмолвствует!

Телевидение «гонит» концерты и развлекательные передачи.

А. Лукьянов предлагает комитетам ВС СССР подготовить свои заключения по предлагаемым ГКЧП документам.

Становится известно о документе об интернировании лиц из числа руководства РСФСР. Первым в списке — Борис Ельцин.

16.55 — На Зубовской площади танки. В пресс-центре МИД СССР ждут начала встречи «советского руководства» с журналистами. Открывает пресс-конференцию Г. Янаев, здоровье у него отличное, только немного из носа течет и руки трясутся. А вот у Горбачева, по его словам, здоровье неважное. За эти годы он сильно устал. По поводу Союзного договора, обращаясь к дамам, господам и товарищам, Янаев пояснил, что каждый гражданин СССР будет иметь право осмыслить этот акт. Г. Янаев не стыдится своих патриотических чувств и считает естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения в том же духе.

На вопрос, как будет комитет заботиться об интересах «самых широких слоев населения», Янаев в числе мер назвал: «провести своеобразную инвентаризацию того, что есть в стране».

Реакция мировой общественности на переворот процеживается через цензурное сито хунты.

Но из передач «Свободы» и других зарубежных радиостанций становится известна позиция лидеров ведущих стран мира: от выжидательной она переходит в резко отрицательную.

Указ Президента РСФСР. Объявляются вне закона: Г. Янаев, В. Павлов, В. Крючков, Б. Пуго, Д. Язов, В. Стародубцев, О. Бакланов, А. Тизяков.

17.30 — Б. Ельцин подписал Указ о создании группы оперативного управления. По сути, запасная команда российского правительства. В нее вошли вице-премьер О. Лобов, член Президиума Верховного Совета РСФСР С. Красавченко и член Госсовета РСФСР А. Яблоков. Дубль-правительство вылетело в Свердловск, где в 70 км от города находилась спецбаза.

За подписью и. о. Генерального прокурора СССР Васильева на места ушла телеграмма, смысл которой сводится к тому, что надо выполнять решения ГКЧП.

18.00 — На своем заседании Кабинет министров СССР поддержал решения ГКЧП.

21.00 — 00.00 — Вокруг «Белого дома» кипит работа. Растут баррикады. Десять танков прибыли для защиты российского парламента. По словам вице-президента России А. Руцкого, 8 БРДМ с российскими флагами на бортах прибыли по приказу зам. командующего ВДВ СССР генерал-майора Лебеда. Лебедь сослался на приказ командующего ВДВ Грачева.

О судьбе Президента СССР ничего неизвестно.

Демонстранты требуют: «Долой хунту!», призывают: «Фашизм не должен пройти!»

Становится известным, что Ленинградское ТВ прервало показ кинофильма и на экранах появились А. Собчак, вице-мэр В. Щербаков, председатель Лен-облсовета Ю. Яров. Они призвали всех питерцев (в том числе и военнослужащих) хранить верность законным властям, а утром 20 августа выйти на Дворцовую площадь на митинг.

Питер вместе с Москвой!

УКАЗ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127⁷ Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР **Г. И. ЯНАЕВ**

18 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответ-

ствии со статьей 127⁷ Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу;

в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества;

исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик;

руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей,

ЗАЯВЛЯЕМ:

1. В соответствии со статьей 127³ Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О. Д.— первый заместитель председателя Совета Оборона СССР, Крючков В. А.— председатель КГБ СССР, Павлов В. С.— премьер-министр СССР, Пуго Б. К.— министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А.— председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А. И.— президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д. Т.— министр обороны СССР, Янаев Г. И.— и. о. Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми орга-

нами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Г. Янаев, В. Павлов, О. Бакланов

18 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Соотечественники! Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах — лишь ширма для удовлетворения амбиций. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей. Сегодня те, кто, по существу, ведет дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев.

Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, еще вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями.

Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права.

Вместо того чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения. Потоки слов, горы заявлений и обещаний только подчеркивают скудость и убогость практических дел. Инфляция власти, страшнее чем всякая иная, разрушает наше государство, общество. Каждый гражданин чувствует растущую неуверенность в завтрашнем дне, глубокую тревогу за будущее своих детей.

Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стали резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики. Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных и решительных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания, от которых один шаг до массовых проявлений стихийного недовольства с разрушительными последствиями. Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы. Никакие подачки не решат наших проблем, спасение — в наших собственных руках. Настало время измерять авторитет каждого человека или организации реальным вкладом в восстановление и развитие народного хозяйства.

Долгие годы со всех сторон мы слышим заклинания о приверженности интересам личности, заботе о ее правах, социальной защищенности. На деле же человек оказался униженным, ущемленным в реальных правах и возможностях, доведенным до отчаяния. На глазах теряют вес и эффективность все демократические институты, созданные народным волеизъявлени-

ем. Это результат целенаправленных действий тех, кто, грубо попирая Основной Закон СССР, фактически совершает антиконституционный переворот и тянется к необузданной личной диктатуре. Префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры все больше явочным путем подменяют собой избранные народом Советы.

Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос.

Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой. Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония. Никогда в истории страны не получала такого размаха пропаганда секса и насилия, ставящих под угрозу здоровье и жизнь будущих поколений. Миллионы людей требуют принятия мер против спрута преступности и вопиющей безнравственности.

Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает наши позиции в мире. Кое-где послышались реваншистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшийся за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия.

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по

нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и терри-

ториальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущее поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса.

Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР

18 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ОБРАЩЕНИЕ К ГЛАВАМ ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ И ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ООН

По поручению советского руководства уведомляю, что с 19 августа 1991 года в соответствии с Конституцией и законами СССР в отдельных местностях Союза

Советских Социалистических Республик сроком на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение. На этот период вся полнота власти в стране передается Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР.

Принимаемые меры являются временными. Они никоим образом не означают отказ от курса на глубокие реформы во всех сферах жизни государства и общества. Эти меры носят вынужденный характер и диктуются жизненной необходимостью спасти экономику от развала, а страну — от голода, предотвратить нарастающие угрозы широкого гражданского конфликта с непредсказуемыми последствиями для народов СССР и всего мирового сообщества.

Важнейшая цель чрезвычайного положения — обеспечить условия, гарантирующие каждому гражданину личную и имущественную безопасность. Предусматривается ликвидация антиконституционных, бесконтрольных, а по существу преступных военных формирований, сеющих моральный и физический террор в ряде регионов СССР и являющихся катализаторами дезинтеграционных процессов.

Весь комплекс предпринимаемых мер направлен на скорейшую стабилизацию положения в СССР, нормализацию социально-экономической жизни, осуществление необходимых преобразований и создание условий для всестороннего развития страны.

Иной путь вел бы к нарастанию конфронтации, насилия, к неисчислимым страданиям наших народов и созданию опасного очага напряженности с точки зрения международной безопасности.

Временные меры чрезвычайного характера ни в коей мере не затрагивают международные обязательства, принятые на себя Советским Союзом в соответствии с действующими договорами и соглашениями. СССР готов и впредь развивать свои отношения со всеми государствами на общепризнанных принципах добрососедства, равноправия, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Мы уверены, что наши нынешние трудности носят преходящий характер и вклад Советского Союза в сохранение мира и укрепление международной безопасности будет по-прежнему весомым. Руководство СССР надеется, что временные чрезвычайные меры найдут

должное понимание со стороны народов и правительств, Организации Объединенных Наций.

И. о. Президента СССР Г. ЯНАЕВ

18 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1 ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается.

6. Гражданам, учреждениям и организациям незамедлительно сдать незаконно находящиеся у них все виды огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, военной техники и снаряжения. МВД, КГБ и Министерству обороны СССР обеспечить строгое выполнение данного требования. В случаях отказа — изымать их в принудительном порядке с привлечением нарушителей к строгой уголовной и административной ответственности.

7. Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР.

Проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается.

В необходимых случаях вводить комендантский час, патрулирование территории, осуществлять дозор, принимать меры по усилению пограничного и таможенного режима.

Взять под контроль, а в необходимых случаях под охрану важнейшие государственные и хозяйственные объекты, а также системы жизнеобеспечения.

Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения.

8. Установить контроль над средствами массовой информации, возложив его осуществление на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР.

9. Органам власти и управления, руководителям учреждений и предприятий принять меры по повышению организованности, наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества. Обеспечить нормальное функционирование предприятий всех отраслей народного хозяйства, строгое выполнение мер по сохранению и восстановлению на период стабилизации вертикальных и горизонтальных связей между субъектами хозяйствования на всей территории СССР, неукоснительное выполнение установленных объемов производства, поставок сырья, материалов и комплектующих изделий.

Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с бесхозяйственностью и разбазариванием народного добра.

Решительно вести борьбу с теневой экономикой, неотвратимо применять меры уголовной и административной ответственности по фактам коррупции, хищений, спекуляции, сокрытия товаров от продажи, бесхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики.

Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в соответствии с законами Союза ССР, в экономический потенциал страны и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несовместимой работу на постоянной основе в структурах власти и управления с занятием предпринимательской деятельностью.

11. Кабинету министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличных ресурсов продовольствия и промышленных товаров первой необходимости, доложить народу, чем располагает страна, взять под строжайший контроль их сохранность и распределение.

Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства, жестко контролировать соблюдение такого порядка.

Особое внимание уделить первоочередному снабжению дошкольных детских учреждений, детских домов, школ, средних специальных и высших учебных заведений, больниц, а также пенсионеров и инвалидов.

В недельный срок внести предложения об упорядочении, замораживании и снижении цен на отдельные виды промышленных и продовольственных товаров, в первую очередь для детей, услуги населению и общественное питание, а также повышении заработной платы, пенсий, пособий и выплат компенсаций различным категориям граждан.

В двухнедельный срок разработать мероприятия по упорядочению размеров заработной платы руководителей всех уровней государственных, общественных, ко-

оперативных и иных учреждений, организаций и предприятий.

12. Учитывая критическое положение с уборкой урожая и угрозу голода, принять экстренные меры по организации заготовок, хранения и переработки сельхозпродукции. Оказать труженикам села максимально возможную помощь техникой, запасными частями, горюче-смазочными материалами и т. д. Незамедлительно организовать направление в необходимых для спасения урожая количествах рабочих и служащих предприятий и организаций, студентов и военно-служащих на село.

13. Кабинету министров СССР в недельный срок разработать постановление, предусматривающее обеспечение в 1991—1992 годах всех желающих городских жителей земельными участками для садово-огородных работ в размере до 0,15 га.

14. Кабинету министров СССР в двухнедельный срок завершить планирование неотложных мероприятий по выводу из кризиса топливно-энергетического комплекса страны и подготовке к зиме.

15. В месячный срок подготовить и доложить народу реальные меры на 1992 год по коренному улучшению жилищного строительства и обеспечения населения жильем.

В течение полугода разработать конкретную программу ускоренного развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного строительства на пятилетний срок.

16. Обязать органы власти и управления в центре и на местах уделять первоочередное внимание социальным нуждам населения. Изыскать возможности существенного улучшения бесплатного медицинского обслуживания и народного образования.

Правда. 1991. 20 августа

В КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Кабинет министров СССР на своем заседании 19 августа рассмотрел неотложные задачи, вытекающие из заявления советского руководства и решений Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. Кабинет министров СССР поддержал эти решения, направленные на преодоление охватив-

шего страну глубокого политического и экономического кризиса, угрожающего самому существованию Советского государства, на восстановление законности и правопорядка, обеспечение нормального функционирования народного хозяйства как важнейшего условия жизнедеятельности общества и стабилизации обстановки.

Как подчеркивалось на заседании, в центре внимания Кабинета министров СССР должны находиться вопросы организации заготовок, хранения, переработки и распределения продовольствия, обеспечения народного хозяйства и населения страны топливом и энергией. В рамках стратегического курса на продолжение экономической реформы Кабинет министров СССР будет направлять свои усилия на преодоление дестабилизирующих проявлений в экономической жизни, осуществляя свои функции в соответствии с Конституцией и законами СССР, в тесном взаимодействии с республиканскими и местными органами управления.

Кабинет министров СССР поддержал решение его Президиума от 17 августа, одобдившего в принципе текст Союзного договора и в то же время высказавшегося за то, чтобы в качестве неотъемлемой части договора принять пакет предложений, предусматривающий механизм реализации положений договора и обеспечения функционирования экономики страны и суверенных республик на весь переходный период.

Информация

19 августа утром у премьер-министра СССР В. С. Павлова развился гипертонический криз, максимальное артериальное давление возросло до 200 миллиметров и более. В результате проведенных лечебных мероприятий состояние улучшилось. Однако после вечернего заседания Кабинета министров СССР оно вновь ухудшилось. В настоящее время сохраняется необходимость строгого постельного режима. Общее состояние соответствует тяжести заболевания и опасений не вызывает.

На время болезни В. С. Павлова исполнение обязанностей премьер-министра СССР возложено на первого заместителя премьер-министра В. Х. Догужиева.

Правда. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

В связи с поступающими в мой адрес многочисленными обращениями трудящихся с просьбой высказать свое отношение к проекту опубликованного Договора о Союзе суверенных государств считаю необходимым отметить следующее:

Как известно, проект договора был в основном поддержан Верховным Советом СССР 12 июля 1991 года. При этом Верховный Совет образовал полномочную союзную делегацию и поручил ей при доработке и согласовании проекта договора исходить из ряда положений, сформулированных высшим органом власти страны.

Прежде всего было указано на необходимость отразить в наименовании и основных принципах договора результаты всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Аналогичный подход к наименованию и характеру нашего союзного государства был сформулирован и Съездом народных депутатов СССР. На заседании руководителей полномочных делегаций в Ново-Огареве эта позиция Верховного Совета СССР была подробно аргументирована. Однако она не нашла отражения в окончательном тексте договора. И естественно, что данный вопрос, несомненно, потребует дополнительного обсуждения Съездом народных депутатов СССР, а возможно, и всесоюзным референдумом, связанным с принятием новой Конституции.

Верховный Совет СССР признал целесообразным предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства. Особо было оговорено требование установления самостоятельных налоговых поступлений в союзный бюджет. К сожалению, эти важнейшие положения не нашли достаточно четкого отражения в опубликованном тексте

договора. Об этом свидетельствуют и недавние заявления Кабинета министров СССР, правления Государственного банка СССР, ряда других союзных органов. Тут, видимо, тоже требуются немалые коррективы в тексте договора.

Исключительно серьезное внимание уделил Верховный Совет СССР прекращению так называемой «войны законов», на деле означающей вопиющее беззаконие. В связи с этим для включения в договор была предложена норма, не допускающая приостановления Союзом ССР республиканских законов, а республиками — союзных законов, и разрешения возможных споров путем согласительных процедур или решениями Конституционного суда СССР. Несмотря на то что это предложение было поддержано виднейшими советскими юристами, оно также не нашло должного отражения в тексте договора, подготовленного в Ново-Огареве. Нет особой нужды доказывать, насколько это опасно для формирования устойчивой правовой системы в нашей стране.

Значительно более четкого определения в договоре требует порядок его реализации в переходный период, обеспечивающий преемственность в работе органов государственной власти и управления. Без этого невозможно будет поддерживать хотя бы в минимальной степени функционирование народного хозяйства в чрезвычайно тяжелой кризисной обстановке, сложившейся в стране.

Все эти проблемы требуют, по моему мнению, дополнительного обсуждения на сессии Верховного Совета СССР, а затем, видимо, и на Съезде народных депутатов страны.

Без этого такой наиважнейший для судеб нашего государства документ, как Союзный договор, не сможет в полной мере выражать волю советского народа о сохранении Союза ССР — великой державы, призванной служить интересам граждан всех национальностей и оказывающей серьезнейшее воздействие на международную обстановку во всем мире.

А. ЛУКЬЯНОВ,
Председатель Верховного Совета СССР

16 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О созыве внеочередной сессии Верховного Совета СССР

В связи с внесением на утверждение Верховного Совета СССР решения о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР созвать внеочередную сессию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик 26 августа 1991 года в городе Москве.

Председатель Верховного Совета СССР А. ЛУКЬЯНОВ
Москва, Кремль, 19 августа 1991 года

Правда. 1991. 20 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

Уже первый день действия чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР показал, что люди вздохнули с некоторым облегчением. Сколько-нибудь серьезных эксцессов нигде не отмечалось. В ГКЧП СССР поступают многочисленные обращения граждан в поддержку принимаемых мер по выводу страны из тяжелейшего кризиса. Первая реакция из-за рубежа на события в нашей стране также характеризуется определенным пониманием, потому что худший из мыслимых сценариев развития, который больше всего беспокоит иностранные государства,— это хаос и анархия в нашей ядерной стране. Разумеется, и внутри нашего общества, и за границей в связи с введением чрезвычайного положения высказываются и недоверие и опасения. Что ж, они имеют под собой основание: ведь в последние годы, к сожалению, очень часто реальные дела в нашем государстве не имели ничего общего с провозглашенными целями. Надежды народа неоднократно оказывались обманутыми. На этот раз мы сделаем все, чтобы деятельность советского руководства заслужила доверие.

В большинстве союзных и автономных республик нашей Родины поддерживают принятые меры, вызванные исключительно острой ситуацией. Народы по-

нимают, что ГКЧП СССР никоим образом не намерен посягать на их конституционные суверенные права.

Диссонансом в этот критический момент, когда требуется общенациональное согласие, прозвучало обращение, подписанное утром 19 августа сего года руководителями РСФСР Б. Ельциным, И. Силаевым и Р. Хасбулатовым. Оно выдержано в конфронтационном духе. Есть в этом обращении и прямое подстрекательство к противоправным действиям, несовместимое с установленным законом режимом чрезвычайного положения.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, проявляя терпение и стремление к конструктивному сотрудничеству, считает возможным ограничиться на этот раз предупреждением против безответственных, неразумных шагов. В очередной раз в российском руководстве возобладала амбициозность, а ведь народ ждет внесения таких коррективов в политику, которые отвечали бы коренным интересам россиян.

Хотели бы еще раз подчеркнуть, что на всей территории Союза ССР отныне и впредь восстановлен принцип верховенства Конституции СССР и Законов СССР. Заверяем, что наша практика в отличие от набивших оскомину пустых обещаний будет безусловно подкрепляться реализацией принятых решений.

Известия. 1991. 20 августа

ПОЗИЦИЯ РУКОВОДСТВА РОССИИ

Утром 19 августа площадь у центрального входа в Дом Советов РСФСР была заполнена представительскими автомобилями и людьми: на предполагаемую встречу с Президентом РСФСР Б. Ельциным прибыли послы иностранных государств, сотрудники дипломатических представительств и аккредитованных в Москве зарубежных средств массовой информации.

Б. Ельцин прибыл, но позже, вслед за предсовмина РСФСР И. Силаевым и госсекретарем России Г. Бурбулисом, которые до появления Б. Ельцина успели зачитать обращение «К гражданам России».

Затем прибывший в Дом Советов Президент России (в сопровождении вице-президента РСФСР А. Руцкого, Н. Воронцова, народных депутатов СССР Ю. Рыжова, А. Яблокова) заявил: «Мы будем стараться через средства массовой информации довести обращение до всех территорий и народов Российской Федерации...»

Руководство Российской Федерации будет твердо выполнять свои полномочия. Президент России эти полномочия получил от народа, и никто другой не может отстранить его от выполнения этих обязанностей. Поэтому в ответ на приказ № 1 сегодня последует Указ Президента России о невыполнении этого приказа на территории России».

В первом часу дня состоялась еще одна пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. В ней приняли участие Борис Ельцин, Иван Силаев, Руслан Хасбулатов и другие руководители республики. По словам Ельцина, в телефонном разговоре с Янаевым на вопрос, что с Горбачевым, вице-президент СССР ответил, что тот «не может выполнять свои обязанности».

Отдел информации Президента РСФСР распространил Указ Б. Н. Ельцина.

Известия. 1991. 20 августа

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом. При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласо-

вать его со всеми республиками и определить дату его подписания — 20 августа с. г. Такое развитие вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота. Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе «холодной войны» и изоляции Советского Союза от мирового сообщества. Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета. Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным законам и указам Президента РСФСР. Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно, необходимо обеспечить возможность Президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте. До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке. Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР ЕЛЬЦИН Б. Н.

Председатель СМ РСФСР СИЛАЕВ И. С.

И. о. Председателя ВС РСФСР ХАСБУЛАТОВ Р. И.

19 августа 1991 года, 9 часов

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организато-

ров как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силу на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действие Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР К СОЛДАТАМ И ОФИЦЕРАМ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР, КГБ СССР, МВД СССР

Военнослужащие!

Соотечественники!

Предпринята попытка государственного переворота. Отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр, председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственную измену — тяжчайшее государственное преступление.

Страна оказалась перед угрозой террора. «Порядок», который обещают нам новоявленные спасители Отечества, обернется трагедией, подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами. «Лучшая жизнь» останется пропагандистским обманом. Солдаты и офицеры России! В эту трагическую для России, всей страны минуту я обращаюсь к вам. Не дайте поймать себя в сети лжи, обещаний и демагогических рассуждений о воинском долге! Не станьте слепым орудием преступной воли группы авантюристов, поправших Конституцию и законы СССР.

Солдаты! Я обращаюсь к вам. Подумайте о своих близких, друзьях, о своем народе. В тяжелый миг выбора не забудьте, что вы давали присягу на верность народу. Народу, против которого пытаются обратить ваше оружие.

Можно построить трон из штыков, но долго на нем не просидишь. Возврата к прошлому нет и не будет. Дни заговорщиков сочтены.

Солдаты, офицеры и генералы! Час назад мною назначен председатель Комитета РСФСР по оборонным вопросам. Им стал ваш товарищ по оружию — генерал-полковник К. И. Кобец. Издан указ, согласно которому все территориальные и иные органы МВД, КГБ, Министерства обороны на территории РСФСР обязаны незамедлительно исполнять все распоряжения Президента РСФСР, КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам.

Над Россией, над всей страной сгустились тучи террора и диктатуры. Но они не могут превратиться в вечную ночь. Закон восторжествует на нашей земле и наш многострадальный народ вновь обретет свободу. Теперь уже — раз и навсегда!

Солдаты! Верю, в этот трагический час вы сумеете сделать правильный выбор. Честь и слава российского оружия не будет обагрена кровью народа.

Борис ЕЛЬЦИН, Президент Российской Федерации
17 часов 10 минут

ЗАЯВЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА СССР

Ознакомившись с официальными актами, сообщающими о невозможности исполнения М. С. Горбачевым по состоянию здоровья обязанностей Президента СССР, о принятии на себя Г. И. Янаевым обязанностей Президента СССР, о введении в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения, о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению и о переходе к нему функций высшего органа государственной власти СССР, члены Комитета конституционного надзора СССР выражают озабоченность сложившимся положением и считают своим долгом заявить, что подобные меры могут быть юриди-

чески оправданы лишь при условии строжайшего соблюдения требований Конституции и других законов СССР.

Прежде чем решить вопрос о принятии этих актов к своему рассмотрению и их юридической оценке, члены Комитета обращаются к Верховному Совету СССР, как постоянно действующему законодательному и контрольному органу государственной власти СССР, со следующими запросами:

а) имеются ли достаточные и надлежащим образом подтвержденные данные, позволяющие считать, что М. С. Горбачев действительно не может далее исполнять по состоянию здоровья обязанности Президента СССР;

б) намерен ли Верховный Совет СССР в соответствии с п. 15 статьи 127³ Конституции СССР рассмотреть вопрос об утверждении указа исполняющего обязанности Президента СССР о введении в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения.

Имея в виду, что Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» не предусматривает таких мер, как создание Государственного комитета по чрезвычайному положению и наделение его функциями высшего органа государственной власти СССР, Комитет конституционного надзора СССР обращается также к Верховному Совету СССР с предложением рассмотреть вопрос об обеспечении конституционной законности в этой области.

В связи с образованием Государственного комитета по чрезвычайному положению и принятыми им актами члены Комитета конституционного надзора СССР обращают внимание на то, что согласно п. 13 статьи 113 Конституции СССР и ч. 13 статьи 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» чрезвычайное положение во всей стране может быть введено только Верховным Советом СССР.

Имея надлежащую информацию, Комитет конституционного надзора СССР будет действовать в дальнейшем в соответствии со статусом и порядком, предусмотренными ст. 124 Конституции СССР и Законом о конституционном надзоре в СССР.

Председатель Комитета С. АЛЕКСЕЕВ
Члены Комитета С. БОСХОЛОВ, С. МИРЗОЕВ,
М. ПИСКОТИН, В. ФИЛИМОНОВ

19 августа 1991 года

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР № 61

Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. Вице-президент СССР, премьер-министр СССР, председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственное преступление. В результате этих действий деятельность закононо избранной исполнительной власти Союза ССР оказалась парализованной.

В сложившейся чрезвычайной ситуации постановляю:

1. До созыва внеочередного Съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР.

2. Комитету государственной безопасности РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов Союза ССР на территории РСФСР. Все территориальные и иные органы МВД, КГБ и Министерство обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять указы и распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

3. Всем органам, должностным лицам, гражданам РСФСР принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых решений и распоряжений антиконституционного комитета по чрезвычайному положению. Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета, отстраняются от исполнения своих обязанностей в соответствии с Конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль,
19 августа 1991 года

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Учитывая создавшуюся обстановку, постановляю:

Первому заместителю Председателя Совета Министров РСФСР тов. Лобову О. И., члену Государственного Совета РСФСР тов. Яблокову А. В., члену Президиума Верховного Совета РСФСР тов. Красавченко С. Н. организовать оперативное управление народнохозяйственным комплексом республики и в случае необходимости обеспечить эффективность действия основных государственных структур.

Уполномочиваю для выполнения поставленной задачи привлекать от имени Президента РСФСР необходимых должностных лиц.

Всем организациям, расположенным на территории РСФСР, оказывать необходимое содействие.

Президент РСФСР **Б. ЕЛЬЦИН**

Москва, Кремль, 19 августа 1991 года № 62

Независимая газета. 1991. 27 августа

СООБЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

Руководители ряда региональных органов внутренних дел сообщают о том, что в адрес некоторых учебных заведений МВД РСФСР поступил приказ заместителя министра внутренних дел РСФСР об откомандировании в Москву сотен вооруженных курсантов.

По сути дела, речь идет о создании незаконных вооруженных формирований, которые должны быть использованы в качестве инструмента силового давления на советское руководство.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР дал указание министру внутренних дел СССР безотлагательно провести по данному факту расследование.

Выяснилось следующее. Действительно, руководством МВД РСФСР такой приказ был дан. Исходя из

него к утру 21 августа в Москву должны вступить вооруженные формирования. Никакого сомнения в том, что это может стать детонатором опаснейших взрывоопасных процессов в столице СССР, нет.

По поручению Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР министром внутренних дел СССР вышеназванный приказ отменен. Руководству школ категорически запрещено откомандирование курсантов.

Информация доведена до соответствующих должностных лиц.

Руководители органов внутренних дел, не выполнившие приказ министра внутренних дел СССР, будут привлечены к строжайшей ответственности.

Правда. 1991. 21 августа

УКАЗ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

О введении чрезвычайного положения в городе Москве

В связи с обострением обстановки в г. Москве — столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127(3) Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н. В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

**Исполняющий обязанности
Президента Союза ССР Г. ЯНАЕВ**

Москва, Кремль.
19 августа 1991 года

Известия. 1991. 20 августа

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР**

**О выпуске центральных, московских городских
и областных газет**

В связи с введением с 19 августа 1991 года в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Временно ограничить перечень выпускаемых центральных, московских городских и областных общественно-политических изданий следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

2. Возобновление выпуска других центральных, московских городских и областных газет и общественно-политических изданий будет решаться специально созданным органом ГКЧП СССР.

**Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР**

19 августа 1991 года

Известия. 1991. 20 августа

ВСТРЕЧА С ЖУРНАЛИСТАМИ

**Пресс-конференция Г. И. Янаева состоялась
19 августа в пресс-центре МИД СССР**

Пресс-конференцию открыл заместитель начальника Управления информации МИД СССР Ю. Гремитских.

Уважаемые товарищи, дамы и господа!

Начинаем пресс-конференцию исполняющего обязанности Президента СССР Г. И. Янаева. Вместе с ним в президиуме пресс-конференции находятся О. Д. Бакланов, первый заместитель председателя Совета Оборона СССР, Б. К. Пуго, министр внутрен-

них дел СССР, В. А. Стародубцев, председатель Крестьянского союза СССР, и Тизяков А. И., президент Ассоциации предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР. Вступительное слово имеет Г. И. Янаев.

Янаев Г. И. Дамы и господа, друзья, товарищи! Как вы уже знаете из сообщений средств массовой информации, в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения М. С. Горбачевым обязанностей Президента СССР, на основании статьи 127(7) Конституции СССР вице-президент СССР приступил к временному исполнению обязанностей Президента.

Я сегодня обращаюсь к вам, дамы и господа, товарищи, в ответственный для судеб Советского Союза и обстановки во всем мире момент.

Вступив на путь глубоких реформ и пройдя в этом направлении значительный отрезок, Советский Союз сейчас оказался перед глубоким кризисом, дальнейшее развитие которого может как поставить под вопрос сам курс реформ, так и привести к серьезным катаклизмам в международной жизни.

Для вас, разумеется, не является секретом, что резкое падение производства в стране, невосполняемое пока деятельностью альтернативных промышленных и сельскохозяйственных структур, создает реальную угрозу дальнейшему существованию и развитию народов Советского Союза. В стране возникла обстановка неуправляемости и многовластия. Все это не может не вызывать широкого недовольства населения. Возникла также реальная угроза дезинтеграции страны, развала единого экономического пространства, единого пространства гражданских прав, единой обороны и единой внешней политики.

Нормальная жизнь в этих условиях невозможна. Во многих районах СССР в результате многонациональных, межнациональных столкновений льется кровь. Распад СССР имел бы самые тяжелые не только внутренние, но и международные последствия. В этих условиях у нас нет иного выбора, кроме как принять решительные меры, чтобы остановить сползание страны к катастрофе.

Как вам известно, для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения принято решение образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР

в следующем составе: товарищ Бакланов, первый заместитель председателя Совета Оборона СССР, товарищ Крючков, председатель Комитета государственной безопасности СССР, товарищ Павлов, премьер-министр СССР, товарищ Пуго, министр внутренних дел СССР, товарищ Стародубцев, председатель Крестьянского союза СССР, товарищ Тизяков, президент Ассоциации государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, товарищ Язов, министр обороны СССР, и Янаев, исполняющий обязанности Президента СССР.

Я хотел бы сегодня заявить о том, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет о глубине поразившего нашу страну кризиса. Он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый гражданин СССР будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно воюстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан. Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинные демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущих к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан. Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на

защите интересов самых широких слоев населения, тех, кому более всего угрожают инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной задачей станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа.

Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайший срок восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества.

Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний, мы хотим жить со всеми в мире и дружбе. Но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всякие попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться.

Наш многонациональный народ веками жил, исполненный гордости за свою Родину, мы не стыдились своих патриотических чувств и считаем естественным и законным растить нынешнее и грядущие поколения граждан нашей великой державы в этом духе.

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени.

Мы призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемер-

ную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса. Конструктивные предложения общественно-политических организаций, трудовых коллективов и граждан будут с благодарностью приняты как проявление их патриотической готовности деятельно участвовать в восстановлении вековой дружбы в единой семье братских народов и возрождении Отечества.

Благодарю за внимание.

Отвечая на вопрос, где сейчас находится М. С. Горбачев, Г. И. Янаев сказал:

Я должен сказать, что Михаил Сергеевич Горбачев находится сейчас на отдыхе и лечении в Крыму.

Действительно, за эти годы он очень устал и требуется какое-то время для того, чтобы он поправил свое здоровье. Хочу сказать, что мы надеемся на то, что Михаил Сергеевич, поправившись, вернется к исполнению своих обязанностей.

Тому курсу, который начинал Михаил Сергеевич Горбачев в 1985 году, мы будем следовать и дальше.

Что касается чрезвычайного положения, то, естественно, оно вводится, как я уже сказал, в очень трудный период, и, для того чтобы избежать каких-либо эксцессов, мы вынуждены были принять некоторые меры по безопасности наших граждан.

«Правда». У меня будут два вопроса. Перестройка не принесла ощутимых результатов, в том числе и потому, что не было точной тактики, стратегии ее реализации. Есть ли сейчас у вас конкретная программа возрождения экономики страны? В частности, будут ли действовать ранее принятые законы? Будет ли продолжаться движение к рынку?

И второй вопрос. Российское информационное агентство передало сегодня обращение Ельцина, Силаева и Хасбулатова к гражданам России. В нем события прошедшей ночи охарактеризованы как правый, реакционный, антиконституционный переворот. Ваше отношение к этому заявлению?

И вторая часть этого же вопроса. В этом обращении прозвучал призыв ко всеобщей бессрочной забастовке. На мой взгляд, подобные обращения могут привести к самым трагическим последствиям. Вот в связи с этим будут ли предприняты комитетом какие-то конкретные действия?

Янаев Г. И. Я отвечаю на второй вопрос, с тем чтобы на первый ответил товарищ Тизяков.

Тизяков А. И. Действительно, объявленная в 1985 году перестройка, как вы знаете, не дала результатов, которых мы все очень ждали. Наша экономика сегодня находится в тяжелейшем положении. Идет спад производства, обусловленный целым рядом факторов. Конечно, свою роль сыграл и тот факт, что перестройка в таких масштабах проводилась нами впервые.

Конечно, мы искали и ищем пути, а в любом поиске всегда могут быть какие-то определенные недостатки, ошибки. Ситуация, которая сложилась, и послужила главной причиной для введения чрезвычайного положения.

Вы знаете, что у нас очень разорваны сегодня горизонтальные связи между предприятиями. Многие, наверное, сидящие здесь знают, что в конце 1990 года было проведено всесоюзное совещание директоров, на котором был рассмотрен вопрос именно о формировании связей между предприятиями всех регионов. Нам удалось очень серьезно сдвинуть эту проблему. На начало января мы имели уже 85 процентов заключенных договоров, причем это те договора, которые дают продукцию. Это вроде создавало определенные условия.

Но в дальнейшем из-за целого ряда проведенных мероприятий так называемого суверенитетного характера были закрыты границы между республиками. В частности, были блокированы границы для предприятий такими республиками, как Украина, Белоруссия, Прибалтика, и другими республиками.

Это создало крайне тяжелую обстановку для работы предприятий. Наши предприятия начали пробуксовывать в своей работе. Это, конечно, вело к остановке производства, сеяло неуверенность в трудовых коллективах.

Каковы наши действия? Они прежде всего будут направлены на стабилизацию экономики, и мы, естественно, от своих реформ, нацеленных на рынок, не отказываемся. Мы считаем, что такой путь правильный, только нам его надо будет более четко проработать и организовать на более высоком уровне с учетом всех наших действий.

Янаев Г. И. Я отвечаю на второй вопрос. Действительно, сегодня, когда советский народ был информирован о создании Комитета по чрезвычайному положению, я имел, как и некоторые другие члены Комитета, контакт с руководителями всех девяти республик, которые заявили о своей готовности войти в состав обновленной Союзной Федерации. Мы имели контакт с руководством многих краев и областей Советского Союза. И я могу сказать, что в целом создание Комитета и попытку Комитета вывести страну из того кризисного положения, в котором она находится, они поддерживают.

Я имел сегодня разговор с Борисом Николаевичем Ельциным. Мне известно заявление Бориса Николаевича, товарища Хасбулатова и товарища Силаева, и я хотел бы сегодня подчеркнуть, что Комитет по чрезвычайному положению готов сотрудничать с руководством республик, краев и областей, руководствуясь при этом нашим стремлением найти такие адекватные формы развития и нашей демократии, и подъема экономики, развития культуры, обеспечения прав человека, которые дали бы возможность нам наиболее эффективно справиться с теми проблемами, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Я полагаю, что, если бы мы имели готовность руководства России к такому сотрудничеству, мы могли бы найти пути этого сотрудничества. Считаю, что призыв ко всеобщей бессрочной забастовке — это безответственный призыв, и мы, видимо, не можем позволить себе такой роскоши — когда страна находится в хаосе, еще играть в какие-то политические игры. Потому что в конечном счете эти политические игры в основном оборачиваются против нашего многострадального народа. Если нам небезразлична судьба Отечества, если нам небезразлична судьба России, мы должны найти действительно практические формы для взаимодействия.

Вопросы итальянского корреспондента. Два вопроса господину Янаеву. Первый вопрос. Можете ли нам сказать, какое состояние Вашего здоровья? Второй вопрос: чрезвычайное положение может быть введено, по Конституции, исключительно Президентом страны или Президиумом Верховного Совета СССР с обязательным соглашением республик. Кто из этих трех субъектов принимал это решение и не предусматривается ли формирование и какого-либо коми-

тета общественного спасения? Намерены ли Вы немедленно созвать сессию Верховного Совета СССР?

Янаев Г. И. Что касается моего здоровья, то я считаю, что оно вроде бы нормальное здоровье. Оно позволяет мне работать по 16—17 часов в сутки, и вот видите — я жив, перед вами сижу и вроде бы еще ничего вот так выгляжу, несмотря на то что у нас, действительно, была бессонная ночь сегодня. Что касается введения чрезвычайного положения, то мы исходили и исходим из того, что бывают такие критические ситуации, которые требуют немедленных действий, и мы намерены обратиться за подтверждением полномочий на введение чрезвычайного положения к Верховному Совету СССР, который будет созван 27 августа.

Советское телевидение. У меня вопрос к Геннадию Ивановичу Янаеву. Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР в своем обращении к народу заявил о том, что в первую очередь будет заботиться об интересах самых широких слоев населения, будет стремиться решить продовольственную и жилищную проблемы. Скажите, какие меры, конкретные меры, предполагается принять для этого и какими ресурсами, резервами располагает Государственный комитет?

Янаев Г. И. Вы знаете, этот вопрос, действительно, очень интересный, очень важный вопрос. Первый шаг, который мы намерены предпринять, это сделать максимум возможного для спасения урожая. Видимо, завтра мы примем соответствующий документ, который будет ориентировать на принятие экстренных, чрезвычайных мер по спасению урожая. Далее, мы намерены использовать все возможности государства для того, чтобы, во-первых, провести своеобразную инвентаризацию того, что есть в стране, и мы, как Вы помните, в заявлении сказали о том, что необходимо, после того как мы вот эту инвентаризацию сделаем; сказать народу о том, чем мы располагаем. В том числе и материальными ресурсами, которые мы можем мобилизовать для того, чтобы сдвинуть вперед жилищную проблему.

Последние три года мы очень плохо строили жилье, и многие граждане, которые ожидали, что мы будем выполнять ту программу жилищную, о которой в самом начале перестройки сказали. К сожалению, мы

оказались несостоятельными, и поэтому я считаю, что сейчас перед нами стоят три очень главные задачи. Первое — это продовольствие, второе — это жилье и третье — это транспорт, энергетика, потому что мы идем в зиму. Ситуация в энергетике сейчас крайне напряженная, и здесь тоже необходимы экстраординарные меры для того, чтобы мы страну не ввергли в тяжелую ситуацию в связи с зимним периодом.

Еженедельник «Аргументы и факты». Скажите, помимо поста Президента, Михаил Сергеевич Горбачев еще и Генеральный секретарь ЦК КПСС. Кто будет исполнять обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС? И второй вопрос. Насколько сегодня стало известно, ряд газет, в том числе «Аргументы и факты», «Московские новости», «Куранты», «Столица» и ряд других, объявлены закрытыми. На какой срок закрыты эти газеты, и когда они откроются? Спасибо.

Янаев Г. И. Я думаю, что если мы вводим режим чрезвычайного положения, то мы должны будем перерегистрировать некоторые наши массовые издания. Перерегистрировать. Речь не идет о закрытии газет, речь идет о перерегистрации, потому что в том хаосе, в котором оказалась страна, в значительной степени повинны и некоторые средства массовой информации. Что касается поста Генерального секретаря, то я бы не хотел это комментировать. У нас есть заместитель Генерального секретаря, он дееспособен, работает, и я думаю, что Пленум ЦК партии или съезд могут решить этот вопрос. Я сейчас исполняю обязанности Президента и поэтому не хотел бы использовать свой авторитет или отсутствие одного для того, чтобы влиять на решение партийных органов.

Вопрос. Господин Янаев, будьте любезны — какие отклики Вы получили на обращение к главам государств и правительств и к генеральному секретарю ООН?

Янаев Г. И. Я должен сказать, что мы очень внимательно анализируем высказывания зарубежных государственных и политических деятелей, и должен сказать, что реакция в общем-то достаточно сдержанная, поскольку, видимо, сейчас еще слишком мало фактического материала для того, чтобы занять какую-то позицию. Я знаком с последним заявлением президента Буша, где он выражает надежду, что те

внешнеполитические обязательства, которые брал на себя Советский Союз, будут исполняться, что я и подтвердил сегодня, выступая перед вами, что мы подтвердили в нашем заявлении сразу же после формирования Государственного комитета по чрезвычайному положению.

Информационное агентство «Новости». У меня два вопроса к Борису Карловичу Пуго и товарищу Стародубцеву. Борис Карлович, в последнее время очень много говорилось и писалось о необходимости войны с преступностью. Что нового сейчас Вы предполагаете внести в решение этого вопроса? И вопрос к товарищу Стародубцеву. Как Вы полагаете — Вы имеете связь с крестьянской массой, — поддержит крестьянская масса Комитет по чрезвычайному положению?

Пуго Б. К. Отвечая на вопрос, заданный мне по поводу состояния борьбы с преступностью, я бы хотел сказать о том, что, наверное, не следует полагать, что будут найдены и предложены какие-то совершенно принципиально новые меры, которые раньше не применялись. Я думаю, что прежде всего надо исходить из того, что правоохранительные органы, все правоохранительные органы, должны значительно улучшить свою обычную работу. Мы должны повысить требовательность к сотрудникам — в частности, я представляю сейчас МВД — поднять требовательность к сотрудникам МВД. Мы должны дать возможность лучше проявлять себя профессионалам, мы должны полагаться именно на профессионалов — это мое кредо. Работая в МВД, я считаю, что мы на этом пути сумеем добиться многого. Ну а если говорить о каких-то конкретных путях, то думаю, что уже сейчас себя во многих городах — более чем в 50 городах — оправдали такие методы, как совместное патрулирование на улицах городов. Вы помните, что эта мера была первоначально встречена с каким-то подозрением, но она показала, что очень эффективна, и могу даже напомнить, что не так давно мэр Ленинграда Собчак тоже прибег к тому, чтобы использовать эту форму работы.

Мы должны возродить наши связи с общественностью, но самое главное, я считаю, мы должны работать с руководителями правоохранительных органов таким образом, чтобы раскрылись все потенциальные возможности наших сотрудников.

Стародубцев В. А. Самые тяжелые потери в перестройке несет, разумеется, крестьянство, особенно в этом году — он нанес по нему самый сокрушительный удар. Большинство колхозов, совхозов и только что народившихся фермерских хозяйств находится сегодня на грани катастрофы. Нарушен ценовой паритет между городом и деревней. Отсутствие горючего, запасных частей, резкое снижение поставок сельскохозяйственному производству техники и других материалов приводят, прямо-таки скажем, к тяжелейшему состоянию крестьянства.

Думаю, что доведенные до отчаяния крестьяне надеются сегодня на то, что будет наконец наведен порядок, что взоры всего нашего общества будут обращены к крестьянству и что ему помогут встать на ноги, возродиться.

«Независимая газета», Малкина Т. А. Понимаете ли вы, что сегодня ночью вы совершили государственный переворот? В этой связи какое из сравнений вам кажется более корректным — с 1917-м или 1964 годом? Это первый вопрос.

Второй вопрос о газетах. Во-первых, сколько времени будет занимать перерегистрация газет? Во-вторых, каков будет критерий — надо ли перерегистрировать или нет издание? Кто будет этим заниматься и будет ли в перерегистрированных изданиях введена политическая цензура? Спасибо.

Янаев Г. И. Что касается перерегистрации газет, то мы постараемся этот процесс не затягивать. Я не хотел бы сейчас комментировать критерии, которые будут положены в основу этой перерегистрации.

Что касается вашего утверждения о том, что сегодня ночью был совершен государственный переворот, то я позволил бы себе не согласиться с вами, поскольку мы опираемся на конституционные нормы. Я полагаю, что подтверждение того решения, которое мы приняли, Верховным Советом СССР даст нам возможность констатировать, что абсолютно все юридические и, так сказать, конституционные нормы были соблюдены.

Мне не кажется корректным сравнение с 1917-м или 1964 годом. Я думаю, что любые аналогии здесь просто опасны.

Отвечая на вопрос испанского журналиста, **Г. И. Янаев** сказал: Я полагаю, что мы в свое время

опубликуем медицинское заключение о состоянии здоровья Михаила Сергеевича Горбачева.

Что касается вашего утверждения о том, что мы отняли власть у Президента Горбачева, то я хотел бы с этим тоже не согласиться, поскольку речь идет о временной неспособности Президента в силу состояния здоровья исполнять обязанности и в соответствии с Конституцией обязанности Президента временно переходят к вице-президенту или Председателю Верховного Совета СССР.

Ю. Гремитских обратился к испанскому журналисту с просьбой воздерживаться на пресс-конференции от эмоций.

Германское агентство АДН. Скажите, пожалуйста, скажется ли введение чрезвычайного положения на выполнении Договора с Германией, в частности на сроках вывода советских войск из Германии, и есть ли какая-нибудь реакция канцлера Коля?

Янаев Г. И. Я уже сказал в своем заявлении, и мы об этом сказали в том заявлении, которое Государственный комитет по чрезвычайному положению обнародовал, что мы подтверждаем те обязательства, которые Советский Союз взял на себя во внешнеполитической области, включая и те обязательства, которые мы имеем перед объединенной Германией.

Вопрос. Вы сказали, что консультировались с руководителями союзных республик по нынешней ситуации. Как бы вы могли прогнозировать развитие ситуации в тех республиках, которые не присоединились к соглашению «9 плюс 1» или перенесли подписание Союзного договора?

И второй вопрос: существует ли у вас план действий, направленный на прекращение межнациональных конфликтов, и каков он?

Янаев Г. И. Да, действительно, мы имеем программу действий по снижению той напряженности, которая есть у нас в области межнациональных отношений. У нас есть совершенно конкретные планы, связанные с урегулированием проблем между Арменией и Азербайджаном, у нас есть совершенно конкретные предложения по урегулированию других межнациональных проблем, и я полагаю, что это одна из самых важных проблем, которые стоят сейчас перед страной и руководством страны и руководством Комитета по чрезвычайному положению, который должен самым

незамедлительным образом заняться этими проблемами.

А что касается первого вопроса, я что-то забыл первый вопрос...

Вопрос. Я напомним. Вопрос касался следующего. Вы сказали, что консультировались с руководителями союзных республик, и как Вы можете прогнозировать ситуацию в союзных республиках.

Янаев Г. И. Значит, я должен сказать, что мы действительно переговорили практически с большинством руководителей союзных республик. Я сегодня встречался с руководителями российских автономий — было 15 руководителей этих автономий — и должен прямо сказать, что мы получили поддержку и от автономий, и от абсолютного большинства руководителей республик нашему намерению навести в стране порядок, спасти страну.

Телевидение. Геннадий Иванович, скажите, могли бы Вы расшифровать — «в отдельных местах введено чрезвычайное положение». Что означает — «отдельные места» и где они расположены географически? Это первый вопрос. И второй вопрос. Когда журналисты смогут встретиться с Михаилом Сергеевичем Горбачевым?

Янаев Г. И. Вы знаете, как только состояние здоровья Михаила Сергеевича позволит, я думаю, он с удовольствием встретится с журналистами и с представителями средств массовой информации. Что касается чрезвычайного положения, то я исхожу из того, что нет необходимости вводить чрезвычайное положение по всей стране. Есть регионы, где действительно накопились такие проблемы, что без чрезвычайных мер трудно найти их решение. Но в то же время я вижу, например, в Казахстане, в Узбекистане нет необходимости вводить чрезвычайное положение, поскольку ситуация там в общем-то достаточно стабильная.

Пока я не могу сказать количество этих мест. Я думаю, что Москва — это зона чрезвычайного положения, и с сегодняшнего числа в Москве будет введено чрезвычайное положение.

«Известия», Бовин А. Е. У меня вопрос к товарищу Стародубцеву. Вы могли бы сказать конкретно, кто Вас или избрал, или пригласил в этот Комитет? Как Вы оказались в этой компании, как это конкретно было?

Стародубцев В. А. Если Вас интересуют детали, пожалуйста. Вице-президент, создавая Комитет, естественно, пригласил меня как председателя Крестьянского союза нашей страны. И я тоже, естественно, не мог отказаться в эту трудную для крестьянства минуту от участия в работе Комитета.

Вопрос. Уважаемый товарищ Бакланов, скажите, пожалуйста, какие меры Вы собираетесь принять для того, чтобы решить именно жилищную и продовольственную программы для военнослужащих, которые в отдельных регионах после вывода наших войск из ряда стран находятся в бедственном положении?

Вопрос. Уважаемый товарищ Янаев, я помню, что Вы длительное время работали в профсоюзах, и довольно-таки успешно, на поприще даже международных связей профсоюзов. У меня к Вам вопрос такого порядка: скажите, пожалуйста, готовы ли Вы предпринять какие-либо конституционные и законные шаги против указа Ельцина, направленного не только на департизацию общества, но и против профсоюзных структур?

Вопрос. Уважаемый товарищ Пуго. Я знаю, что наше министерство находится буквально в бедственном, подвешенном состоянии и в финансовом, и в техническом оснащении органов внутренних дел. А кроме того, нарушены связи и с некоторыми регионами, и, в частности, с Прибалтикой, где министерство внутренних дел попало буквально под власть сепаратистов. Скажите, пожалуйста, Вы предпримете какие-то шаги для какой-то хотя бы сносной централизации службы общественного порядка? Благодарю за внимание.

Бакланов О. Д. Если можно, по порядку выступлений. Я должен сказать, что смысл наших мероприятий заключается в том, чтобы сконцентрировать все имеющиеся ресурсы для того, чтобы сейчас форсировать строительство жилья для военнослужащих и их семей. Вы знаете, наверное, эту цифру: около 200 тысяч нуждающихся семей, и это, конечно, явление явно ненормальное. Мы должны использовать свои ресурсы и те ресурсы, которые в соответствии с договоренностью должны получить от иностранных государств.

Янаев Г. И. Я хотел бы ответить на Ваш вопрос в отношении указа Президента Ельцина о департиза-

ции. Я полагаю, что все указы и все постановления, которые будут приниматься, будут рассматриваться с точки зрения того чрезвычайного положения, которое мы вводим в стране. Но, пользуясь этим случаем, я хотел бы подчеркнуть: то, чем сейчас занято руководство Российской Федерации — строит баррикады, зовёт к неповиновению, — я думаю, что это очень опасная политика.

И эта политика может привести к организации какой-то вооруженной провокации, с тем чтобы потом свалить, так сказать, вину за эту напряженность, за какой-то эксцесс, который может произойти, на руководство Государственного комитета по чрезвычайному положению. Мы хотим об этом очень серьезно предупредить всех советских людей, особенно жителей Москвы, где введено чрезвычайное положение. Мы надеемся на то, что спокойствие и порядок будут обеспечены.

Пуго Б. К. Мне был задан вопрос относительно дальнейшего улучшения централизации в системе МВД. Как представитель одного из союзных органов, я, наверное, должен был бы сказать, что я, с одной стороны, может быть, не удовлетворен состоянием этого, с другой стороны, мне думается, что порой рисуют картины, излишне их драматизируя. Хочу просто отметить, что мы регулярно проводим встречи министров внутренних дел союзных республик. На встречах, которые последнее время были, принимали участие министры внутренних дел всех союзных республик, включая и Прибалтику, и Закавказье, и Среднюю Азию, в общем, всех союзных республик. Но вместе с тем я говорю, что хотелось бы еще более тесной, более дружной работы. Когда говорили о том, что мы очень бедны, то с этим можно и согласиться, и не согласиться, потому что все относительно. В этом году средств выделено министерству больше, чем в прошлые годы, причем значительно больше. И нам удалось значительно поднять заработную плату работникам милиции, но, к сожалению, весь этот процесс сопровождался очень быстрым ростом цен. Поэтому прибавка получилась не очень существенная.

Вопрос. Господин Янаев, сейчас это первая пресс-конференция временного Президента СССР, и в Ваши обязанности входит много. Вы сейчас можете дать нам гарантии или слово — вот перед прессой и обще-

ственностью, — что все будет нормально со здоровьем Михаила Сергеевича Горбачева?

Янаев Г. И. Я вам должен сказать, что Михаил Сергеевич Горбачев находится в полной безопасности, ему ничего не угрожает. Единственное — надо определенное время для того, чтобы он просто восстановил свои силы. В таком режиме, дамы и господа, работать, в каком работал Президент Горбачев все эти последние шесть лет... естественно, и организм изнашивается немножко. Я надеюсь, что мой друг Президент Горбачев будет в строю и мы будем еще вместе работать.

Интерфакс. Скажите, пожалуйста, Вы вот тут упомянули, что каждый гражданин СССР будет иметь возможность обдумать свои позиции в отношении Союзного договора и каким-то образом их выяснить. Означает ли это, что будет проведен референдум? И еще. Какова позиция Чрезвычайного комитета в отношении республик Прибалтики, Грузии, Армении и Молдовы, которые намерены не подписывать Союзный договор? И знал ли Михаил Сергеевич о том, что сегодня вводится чрезвычайное положение и о создании этого Комитета? Спасибо.

Янаев Г. И. Ну, что касается создания этого Комитета, то Комитет, как уже кто-то из коллег сказал, был создан сегодня ночью. Я думаю, что Президент Горбачев понимает и поймет нас, что, действительно, в тот момент, когда страна находится в критической ситуации, мы должны будем найти и какие-то эффективные меры по выводу страны из этой критической ситуации.

Что касается нашего отношения к республикам Прибалтики, Молдовы, Грузии, Армении, то есть к тем республикам, которые заявляли о том, что они не готовы сейчас подписать Союзный договор, то наша позиция неизменна. Ее Президент Горбачев неоднократно обнародовал. Мы будем уважать волеизъявление народа. Вы знаете, я думаю, что мы найдем форму изучения настроения людей в отношении Союзного договора. Я не могу сейчас сказать — будет это референдум или что-нибудь другое, но мы постараемся, чтобы Союзный договор, от которого будет зависеть то, по какому направлению будет развиваться страна, был принят и обсужден всем нашим народом.

Журнал «Вопросы истории КПСС». У меня вопрос

к Геннадию Ивановичу. Геннадий Иванович, прежде всего к вам вопрос как к члену Политбюро — какова оценка, каковы реакция, действия Политбюро, секретариата по отношению ко всему происходящему? Первое: Вы как член Политбюро. Второе: уверены ли Вы, а если уверены, то на чем основана Ваша уверенность, что все реформы будут поддержаны народом? Ведь в противном случае Вы окажетесь полководцем без армии...

Янаев Г. И. Во-первых, я хотел бы сказать, что я не являюсь членом Политбюро, и полагаю, что столь интересному и уважаемому журналу можно было бы знать, кто у нас входит в состав Политбюро. Я член Центрального Комитета и, кстати, горжусь, что являюсь членом Центрального Комитета КПСС.

Что касается отношения Политбюро, Секретариата ЦК, то мы еще не обсуждали этого вопроса с руководством партии. Мы будем вести с ними консультации. Но, опираясь на те настроения, которые есть в партии и обществе, я очень рассчитываю на то, что мы не окажемся полководцами без армии, потому что народ требует наведения элементарного порядка в стране.

Опираясь на эти настроения, мы должны сделать все для того, чтобы вытащить страну из той ситуации, в которой она оказалась.

Мексиканское телевидение. Сегодня Председатель Верховного Совета Литвы на пресс-конференции предупредил, что он не будет подчиняться решению Комитета. Как вы к этому относитесь? Какие меры будут приниматься в Литве, чтобы там подчинялись введению чрезвычайной ситуации? И другой вопрос тоже господину Янаеву. Скажите, пожалуйста, на сколько временное ваше правительство? Будут ли проведены президентские выборы?

Янаев Г. И. Я полагаю, что я принял на себя обязанности, исполнение обязанностей Президента временно, как я уже заявил, и полагаю, что по мере нормализации ситуации в стране мы пойдем на прямые выборы Президента Советского Союза в соответствии с теми, так сказать, демократическими принципами, о которых мы говорили.

Информационное агентство «Новости». У меня вопрос к Борису Карловичу Пуго. Сегодня примерно с 15 часов дня москвичи смотрят на танки, стоящие

вокруг пресс-центра. Как вы технически представляете себе организацию режима в Москве, как я понял из ответа Геннадия Ивановича, положения, которое существует? Сегодня сотни, может, тысячи людей движутся в аэропорты и в отдаленные места столицы. Как будет осуществляться режим?

Пуго Б. К. Введение военной техники и войск на территорию Москвы — мера вынужденная. Она принята только для того, чтобы не допустить в Москве каких-либо нарушений порядка, чтобы не допустить каких-либо жертв. Это наша главная цель.

Мы были бы сторонниками того, чтобы как можно быстрее вывести все воинские части и технику из Москвы при условии, если никто не вынудит нас продлевать введенный режим.

Голос из зала. То есть свобода перемещения по Москве остается?

Пуго Б. К. Остается, конечно, круглосуточно. Комендантского часа мы не предусматриваем. Но это уже входит в компетенцию коменданта Москвы. Если вдруг его нужно будет ввести, то это уже компетенция коменданта. Мы на это дело не рассчитываем. Не считали необходимым делать это сегодня.

Агентство новостей «Постфактум». Геннадий Иванович, в вашем комитете 8 человек. Четное число, трудное для голосования. Как вы будете решать этот вопрос? Может быть, вы введете в него кого-нибудь, скажем, Анатолия Ивановича Лукьянова?

И второй вопрос. Возможно ли расследование отдельных фактов деятельности товарища Горбачева, скажем, его участие в сделке с нефтью Тенгиза?

Янаев Г. И. Я думаю, что мы будем принимать решение консенсусом. Ваши рекомендации в отношении товарища Лукьянова приняты нами к сведению, но мы полагаем, что должно быть разделение функций и Председатель Верховного Совета должен быть Председателем Верховного Совета.

Я не могу ничего сказать по поводу нефти. Я полагаю, что Михаил Сергеевич Горбачев сделал неизмеримо много для того, чтобы в стране начались те демократические процессы, которые начались в ней в 1985 году. Это человек, который заслуживает всеобщего уважения, а не расследования.

Вы знаете, я не могу ничего сказать по поводу нефти...

Вопрос. Возможно ли вообще такое расследование?

Янаев Г. И. Я полагаю, что Михаил Сергеевич сделал неизмеримо много для того, чтобы демократические процессы широко начались в стране в 1985 году. Это человек, который заслуживает всяческого уважения, а, извините, не расследования. Он не государственный преступник. Это человек, который сделал все для того, чтобы мы встали вот на этот демократический путь. И последний вопрос, пожалуйста.

Отвечая на последний вопрос, заданный иностранным журналистом, **Г. И. Янаев** сказал:

Во-первых, я хотел бы сделать все для того, чтобы не потребовалось применять силу в отношении гражданского населения. Мы должны сделать все для того, чтобы не допустить никаких эксцессов, и то, что мы сейчас предусматриваем — какие-то меры чрезвычайные, — они вовсе не связаны с каким-то наступлением на права человека. Наоборот, мы хотим максимально защитить права человека. И я очень бы хотел рассчитывать на то, что нас не вынудят, не спровоцируют на применение какой-то силы в отношении гражданского населения.

Ю. Гремитских. Уважаемые коллеги, мы просим понять, что участники пресс-конференции располагали одним часом времени. Благодарим вас за внимание, и я благодарю участников.

Публикуется по стенографическому отчету

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, — вице-президент СССР Янаев Г. И., премьер-министр Павлов В. С., председатель КГБ СССР Крючков В. А., министр внутренних дел СССР Пуго Б. К., министр обороны СССР Язов Д. Т., председатель Крестьянского союза Стародубцев В. А., первый заместитель председателя Совета обороны СССР Бакланов О. Д., президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи Тизяков А. И. и их со-

общники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70 прим., 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне закона.

На основании вышеизложенного постановляю: сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль

19 августа 1991 года 22 часа 30 минут

О СОЗЫВЕ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

В Доме Советов РСФСР 19 августа состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР. Пресс-служба Президиума Верховного Совета РСФСР сообщила, что вел заседание исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета Р. И. Хасбулатов.

В сообщении говорится, что принято постановление о созыве внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР 21 августа в г. Москве в Доме Советов РСФСР.

Известия. 1991. 20 августа

ДЕНЬ ВТОРОЙ,

20 АВГУСТА

00.00—6.00— Около «Белого дома» не менее 10 тысяч защитников. Журналисты «Радио России», «Взгляда» и «Пятого колеса» ведут трансляцию. В институте Склифосовского готовы принимать раненых.

«Белый дом» призвал радиолюбителей донести голос правительства России до народа. Что и было сделано. Газетчики обошлись своими силами. Город пе- стрит листовками.

9.00 — Военной техники на улицах Москвы становится больше. Контакты военных и населения растут. Московские девочки взбираются на броню танков. Танкисты не возражают. Их спрашивают: будете стрелять? Многие молчат, но многие твердо говорят: нет!

10.00 — А. Руцкой, И. Силаев, Р. Хасбулатов направляются в Кремль к Лукьянову. Лукьянов растерян. Обещает передать ультиматум руководства России Янаеву. В Москве непогодится. Над Москвой отнюдь не безоблачное небо.

«Московская правда» успокаивает москвичей их же собственными словами. «Главное чувство, которое я пережил, узнав о том, что образован ГКЧП: «Нако- нец-то» — из блиц-интервью «Мы стояли у края пропасти».

Указ и. о. Президента СССР об Указах Президен- та РСФСР: отменить.

Выходит Постановление № 3 ГКЧП.

По радио «Белого дома» раздаются призывы к на- селению собираться на площади Независимости у зда- ния российского парламента.

Из заявления ГКЧП. Уже первый день действия в отдельных местностях СССР чрезвычайного положения показал, что люди вздохнули с некоторым облегчением... Реакция из-за рубежа характеризуется определенным пониманием... Большинство союзных и автономных республик поддерживает принятые меры, а в российском руководстве в очередной раз возобладала амбициозность.

200-тысячный митинг у здания парламента России. Руцкой заявляет, что путчистам дано 24 часа на исполнение требований властей России. Выступают Ельцин, Боннэр, Шеварднадзе, Евтушенко, Федоров, Шагалин...

Шифрограмма начальника Генерального штаба генерала М. Моисеева (направляется на места). Суть: склонить армию к признанию ГКЧП.

Заявление Всеобщей конфедерации профсоюзов СССР. Требуют выступления Горбачева по Центральному телевидению.

16.00 — Ожидается штурм «Белого дома». Формируются добровольческие «сотни». С балкона парламента в адрес хунты звучит слово, непереводаемое ни на один язык мира. Срывает бешеные аплодисменты.

Сергей Станкевич выступил с сообщением о том, что Президент СССР жив, здоров, но блокирован на даче в Форосе.

Распространяются слухи, что на Псковский завод автоматических телефонных станций поступил срочный заказ из Москвы — выпустить 250 тысяч наручников. Гарантируемый навар — 12 миллионов. Не соглашаются. (Позже слух подтвердился.)

Политбюро ЦК КПСС помалкивает. Партия бросила своего Генсека в беде.

Госбанк СССР сообщает, что с 21.08.91 прекращается продажа валюты гражданам, выезжающим за границу по личным делам.

18.00 — Военная техника сосредоточена в центре, у метро «Кировская», на Ленинградском проспекте, в Кунцево.

От здания российского парламента просят уйти женщин. Проводится обучение по применению бутылок с зажигательной смесью. В городе неспокойно. Тревога нарастает.

У москвичей — крепкая надежда на «афганцев».

21.20 — Генерал Калинин ввел в Москве комендантский час с 23.00 до 5 утра, о чем сообщила программа «Время».

К «Белому дому» стекаются люди.

22.00—00.00 — Министр обороны РСФСР Кобец предупреждает защитников: на час ночи намечено блокирование Дома Советов спецназом, возможно применение психотропных генераторов. Людей много — противогазов мало.

Бурбулис обратился ко всем защитникам «Белого дома» с просьбой: не бросаться под машины, уступать дорогу технике: «Мы должны победить морально».

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Президент России Борис Ельцин направил на имя Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова письмо следующего содержания:

В связи с неконституционными действиями, предпринятыми группой лиц, именующих себя «советским руководством», считаем необходимым незамедлительно осуществить следующие действия:

1. Организовать в течение 24 часов с момента получения Вами этого документа встречу Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева, Р. И. Хасбулатова с Президентом СССР М. С. Горбачевым. К встрече привлечь Г. И. Янаева.

2. Провести в ближайшие 3 дня медицинское освидетельствование Президента СССР М. С. Горбачева с участием специалистов-экспертов Всемирной организации здравоохранения. Валютные расходы российского правительство принимает на себя.

3. Результаты освидетельствования предать гласности. При положительных результатах незамедлительно обеспечить ему условия для возобновления выполнения обязанностей Президента СССР.

4. Немедленно отменить все ограничения на деятельность российских средств массовой информации, тем более что в других республиках такие ограничения не вводились.

5. Отменить действие чрезвычайного положения по всей территории РСФСР на время работы сессии Верховного Совета РСФСР, обеспечить беспрепятственный выезд и прибытие в Москву народных депутатов РСФСР.

6. Отвести войска в места их постоянной дислокации.

7. Обеспечить Президенту РСФСР беспрепятственное функционирование в его резиденции в Кремле.

8. Немедленно восстановить все виды связи для нормального функционирования российского руководства.

9. Прекратить угрозы в адрес российского руководства, обеспечить его неприкосновенность и свободу передвижения.

10. Объявить о роспуске незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР и отменить все его постановления и распоряжения.

Президент РСФСР **Б. Н. ЕЛЬЦИН**

Вице-президент **А. В. РУЦКОЙ**

Председатель Совета Министров РСФСР **И. С. СИЛАЕВ**

И. о. Председателя Верховного Совета РСФСР

Р. И. ХАСБУЛАТОВ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

о назначении министра обороны РСФСР

Президент России Борис Ельцин подписал 20 августа Указ о назначении министра обороны РСФСР:
Для обеспечения четкой координации по управле-

нию войсками и предотвращения применения войск против мирного населения постановляю:

До восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти и управления назначить министром обороны РСФСР председателя Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам генерал-полковника Кобеца Константина Ивановича.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РСФСР
БОРИСА ЕЛЬЦИНА**

ДОРОГИЕ МОСКВИЧИ!

Действительно, приходится принимать меры предосторожности, поскольку хунта, которая пришла к власти, не задержится ни перед какими мерами для того, чтобы эту власть у себя удержать. Если они проиграют, то потеряют не только кресло, многие сядут на скамью подсудимых. И обратите внимание, что вся эта группа авантюристов сама же и виновна в том, в каком положении сегодня Россия и вся страна. Разве не аппарат виновен в том, что цены и инфляция раздуты до такой степени, что народ наш нищ и голоден?! Разве не на руках Язова кровь людей в других республиках?! Разве не на руках Пуго кровь народов республик Прибалтики и Закавказья?! Разве не Стародубцев виноват, руководя помещиками сельского хозяйства, которые гробят урожай?! Это антиконституционный переворот, и только так его надо характеризовать. Указы Президента России эти решения комитета признают на территории России неправомерными, и я призываю не выполнять их!

Прокуратуре и Министерству внутренних дел даны указания: кто будет выполнять команды этого незаконного комитета, будет привлекаться к ответственности.

Я благодарю москвичей за такую мощную поддержку демократии в самую тяжелую, может быть, минуту в жизни Российской Федерации. Вы обратили внимание, ведь эти действия имеют место не в Узбекистане, не в Казахстане. Они против демократической Рос-

сии. Чрезвычайное положение вводится только там, где руководят демократы. В основном в этих регионах. Понятно, против кого этот путч устроен. И ни в коем случае не провоцировать какие-то действия против военных. Военные тоже оказались слепым орудием в руках этих путчистов. Думаю, надо нам поддержать военных и вместе с ними соблюдать порядок и дисциплину. Самое главное. Должно проходить гражданское неповиновение решениям этого незаконного комитета. Народ России должен требовать его немедленной отставки и привлечения к суду. Я убежден, что здесь, в демократической Москве, агрессия, эта консервативная сила не пройдут. Пройдет демократия. Я призываю вас к этой демократии. А мы будем держаться здесь, в Доме Советов, столько, сколько надо для того, чтобы добиться смещения этой хунты и привлечения ее к судебной ответственности. Спасибо за поддержку. Хунта не пройдет! Пройдет демократия!

В соответствии с Указом Президента России, органы КГБ, МВД, Министерство обороны, расположенные на территории России, подчиняются только руководству России, Президенту Российской Федерации. И мы должны быть благодарны, что больше суток воздушно-десантные войска вместе с москвичами держали оборону. А ведь по плану путчистов мы должны были быть взяты штурмом. Не удалось!

Победит демократия. Спасибо за поддержку!

Московский комсомолец. 1991. 23 августа

РОКОВОЙ ЧАС

Обращение Президента РСФСР

В этот час я обращаюсь к вам, соотечественники.

Горстка политических авантюристов объявила себя верховной властью, вошла в антиконституционный сговор, совершив тем самым тягчайшее государственное преступление. Демократические перемены, которых наш народ добился за последние пять лет, растоптаны. В одну ночь уничтожены свобода слова, свобода шестивий и демонстраций, законное право граждан выражать свое мнение и отстаивать свою гражданскую позицию. Все средства связи находятся в руках путчистов. Законно избранные представители народов Рос-

сии не имеют возможности обратиться к своим избирателям.

В своих обращениях путчисты прибегают к испытанной годами демагогии, обвиняют в нынешних трудностях демократические силы, обещают восстановить экономику, обеспечить гражданам СССР лучшую жизнь, безопасность и процветание. Какая лицемерная ложь!

Разве не Павлов повинен в безудержной инфляции и беспрецедентном росте цен, происшедшем в текущем году?

Разве не Язов, возглавляющий коррумпированный высший генералитет, довел военнослужащих до нищеты и бесправия?

Разве не Пуго лично повинен за кровь в Прибалтике?

Разве не Стародубцев, возглавляющий организацию советских помещиков, своей позицией способствовал гибели прошлогоднего урожая?

И эти люди обещают «навести порядок в стране».

Своими преступными действиями они поставили страну перед угрозой террора, а себя — вне закона. «Порядок», который нам обещают новоявленные «спасители» Отечества, обернется «ежовыми рукавицами»: подавлением инакомыслия, концентрационными лагерями, ночными арестами.

Все происходящее может вызвать у нормальных людей одно чувство — презрение. Незаконно сформированный комитет требует ликвидации законно избранных органов государственной власти — что может быть абсурднее? Это не что иное, как попрание Конституции СССР, Конституции России. Это преступление, за которое неминуемо последует справедливое возмездие народа. Каждому воздастся должное.

Руководством России предприняты решительные шаги по пресечению деятельности самозванного комитета на территории республики.

Указом Президента РСФСР деятельность комитета признана незаконной, а его приказы на территории России — не подлежащими выполнению. Все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории Российской Федерации, переходят в непосредственное подчинение избранного

народом Президента РСФСР. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действие Уголовного кодекса РСФСР и будут преследоваться по закону. Председателем Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам назначен генерал-полковник Кобец К. И.

Организовано оперативное управление народнохозяйственным комплексом республики. В своем обращении к гражданам России 19 августа руководство Российской Федерации призвало граждан республики поддерживать законно избранные органы власти и использовать различные формы гражданского протеста для того, чтобы остановить деятельность самозванцев.

19 августа состоялось заседание Президиума ВС РСФСР, на котором было принято решение созвать 21 августа чрезвычайную сессию Верховного Совета Республики.

Граждане России, вдумайтесь во все сказанное и сделанное за истекшие сутки самозванным «Президентом СССР» Янаевым. В них красной нитью прослеживается цель — изолировать Россию от других республик СССР.

Украине, Казахстану, Узбекистану, Армении путчистами обещаны «послабления» в период чрезвычайного положения. Кирзовый сапог диктатуры занесен над Россией. Она — главная мишень заговорщиков.

Переворот совершен 19 августа. И дата — это совершенно очевидно — выбрана не случайно: последний день перед подписанием нового Союзного договора. Договора, который, несмотря на все компромиссы, должен был положить конец всевластию КПСС и военно-промышленного комплекса.

Слушаю выступления организаторов путча и поражаюсь: какова степень морального падения! Вчера клеймили руководство России якобы за нежелание подписывать Союзный договор. Сегодня убеждают народ в том, что наше стремление его подписать едва ли не направлено против обновленного Союза.

Объективно новый Союзный договор лишил должностей практически каждого из организаторов путча. Вот в чем секрет заговора. Вот в чем главный мотив действий его участников. Их разглагольствования о судьбе Отечества — не более чем игра, скрывающая личные корыстные интересы.

Я упомянул КПСС не случайно. Не будем закрывать глаза — именно эта партия стала «организующей и вдохновляющей» силой путча. Указами комитета распущены все партии, кроме Коммунистической. Запрещены все газеты, кроме коммунистических. Разве это не так? Убежден, придет время и правящая верхушка КПСС будет отрешиваться от участия в этом злодеянии против народа. Но вряд ли ей удастся демагогией прикрыть главную суть своей деятельности — борьбу с народом за сохранение своих привилегий.

Хочу еще раз решительно заявить: все происшедшее в истекшие сутки есть не что иное, как государственный переворот. Его лидеры — не кто иные, как государственные преступники. А потому исполнение должностными лицами Российской Федерации их решений подпадает под действие Уголовного кодекса РСФСР и будет преследоваться по закону.

Я обращаюсь к вам, граждане России! Поддержите в этот роковой час тех, кому на выборах вы доверили судьбу России. Народ России должен сплотиться и совместными усилиями противостоять реакции. Танкам и бронетранспортерам мы должны противопоставить единую волю и стремление не допустить диктатуру. Единство и солидарность — вот ключ к нашей победе!

Я обращаюсь к гражданам России, представляющим все национальные общины. Забудьте межнациональные разногласия. Будет Россия свободной — сможем решить все проблемы. Без насилия, без крови, без унижения кого бы то ни было. Мы не будем «заговаривать» болезни нашего общества. Мы будем их лечить. Рецепт нам известен — взаимное уважение и взаимное согласие.

Я вновь обращаюсь к вам, солдаты и офицеры России. Не дайте превратить себя в слепое орудие, действующее в защиту привилегий, благополучия горстки зарвавшихся лицемеров. Надеюсь, в этот трагический час вы сумеете отличить, где истинная правда, а где подлая ложь.

Верю, честь и слава российского оружия не будет обагрена кровью своего народа!

Можно построить трон из штыков. Но просидеть ли на нем долго? Убежден, возврата к прошлому нет и не будет. Дни заговорщиков сочтены. Закон и конститу-

ционный порядок восторжествуют. Россия будет свободной!

Борис ЕЛЬЦИН
Президент Российской Федерации

20 августа 1991 года

Аргументы и факты. 1991. № 33

**ОБРАЩЕНИЕ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
К ВОИНАМ ТАМАНСКОЙ
МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ,
ОТДЕЛЬНОЙ МОТОСТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ ИМ. ДЗЕРЖИНСКОГО,
КАНТЕМИРОВСКОЙ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ**

Воины-соотечественники! Сыновья!

Я, Президент России, избранный волей нашего многострадального народа, обращаюсь к вам в этот нелегкий для Отчизны час. Перед вами выбор: либо оказать поддержку группе заговорщиков, узурпировавших власть, выполнить их преступный приказ и пойти тем самым против своего народа, либо защитить демократию, законную, народом избранную власть.

Первый путь ведет страну к братоубийственной гражданской войне, к жестокому кровопролитию. Второй же гарантирует гражданский мир, конституционный порядок и безопасность.

Дорогие мои сыновья! Я надеюсь на вас, на ваш правильный выбор. Надеюсь, что вы станете на сторону законной власти — Президента РСФСР. Уверен, что вы не допустите насилия, что вашим отцам и матерям не будет горько за своих детей.

Соотечественники! Воины! Таманцы! Дзержинцы! Кантемировцы!

Я отдаю вам приказ: немедленно без колебаний перейти на сторону законной власти, соблюдая при этом порядок и дисциплину.

Униженная, оскорбленная, великая Россия зовет вас.

Б. ЕЛЬЦИН

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР № 65

Об обеспечении функционирования предприятий и организаций в РСФСР

Проведенные 20 августа 1991 года переговоры руководителей РСФСР с Председателем Верховного Совета СССР т. Лукьяновым А. И., по существу размежевавшимся с так называемым ГКЧП СССР, подтверждают антиконституционность образования и действий этого комитета. С учетом результатов переговоров и предстоящим рассмотрением Верховными Советами СССР и РСФСР незаконных действий ГКЧП СССР постановляю:

1. Руководителям всех предприятий и организаций, расположенных на территории РСФСР, независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности впредь до особых распоряжений руководства РСФСР обеспечить нормальную организацию труда в соответствии с законами РСФСР и СССР.

2. Запретить на территории РСФСР действие любых хозяйственных решений и распоряжений ГКЧП или других органов, выполняющих его указания.

3. Трудовым коллективам предприятий и организаций в соответствии с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» оказать поддержку хозяйственным руководителям в выполнении настоящего Указа.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль
20 августа 1991 года

УКАЗ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА СССР

Об указах Президента РСФСР № 59, 61, 62 и 63, от 19 августа 1991 года

19 августа 1991 года Президентом РСФСР изданы указы № 59, 61, 62 и 63, в которых выражается негативное отношение к заявлению советского руководства и постановлению № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

В названных указах Президент РСФСР пытается присвоить полномочия высших органов государственной власти и управления СССР и наделить исполнительные органы республики компетенцией органов Союза ССР, призывает органы власти РСФСР и их должностных лиц к неисполнению решений ГКЧП.

В указах содержатся грубые выпады против членов ГКЧП, угроза привлечением к уголовной ответственности в адрес должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих в случае выполнения ими решений ГКЧП.

Изданные указы Президента РСФСР идут вразрез с Конституцией и законами Союза ССР, с провозглашенной ГКЧП линией на стабилизацию обстановки в стране, носят откровенно конфронтационный характер и могут привести к тяжким последствиям.

В соответствии с п. 1 и 4 ст. 127³, ст. 127⁶ Конституции СССР постановляю:

1. Объявить указы Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 19 августа 1991 года № 59, 61, 62 и 63, постановление Совета Министров РСФСР от 19 августа 1991 г. № 435 не имеющими юридической силы с момента их издания как противоречащие Конституции и законам Союза ССР.

Всем органам власти и управления РСФСР, должностным лицам и гражданам неукоснительно исполнять решения Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

2. Руководителям правоохранительных органов СССР обеспечить соблюдение работниками органов внутренних дел, государственной безопасности, Прокуратуры РСФСР Конституции и законов СССР, решений Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

**Исполняющий обязанности
Президента Союза Советских
Социалистических Республик Г. ЯНАЕВ**

Москва, Кремль
20 августа 1991 года

Правда. 1991. 21 августа

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 3
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР**

В связи с введением с 19 августа 1991 г. в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения и в соответствии с пунктом 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всесоюзной государственной телерадиокомпании, республиканским, краевым, областным телерадиоорганизациям в своей работе строго руководствоваться постановлениями Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

2. Возложить на руководство Всесоюзного совета по телевидению и радиовещанию СССР и Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании (Гостелерадио) координацию деятельности телевизионных и радиовещательных организаций на всей территории страны. Временно наделить Гостелерадио полномочиями в необходимых случаях приостанавливать или отменять указания местных органов власти, противоречащие задачам и принципам вещания в условиях чрезвычайного положения.

3. Временно ограничить перечень транслируемых из Москвы на всю территорию страны следующими программами:

— по телевидению — первой, второй и третьей программами Центрального телевидения;

— по радиовещанию — первой, второй, третьей и четвертой программами центрального Всесоюзного радиовещания.

Временно ограничить использование радиостанций союзного подчинения для трансляции рядом союзных республик своих радиопрограмм на зарубежные страны.

4. Программы республиканского телевидения и радиовещания передавать на территории соответствующей республики только по выделенным для этих целей каналам и передающим средствам.

5. Приостановить деятельность телевидения и радио России, а также радиостанции «Эхо Москвы», как

не способствующих процессу стабилизации положения в стране.

6. Передача программ телевидения и радиовещания общественных, коммерческих и других органов вещания, не входящих в структуру вещания, указанных в пунктах данного постановления, временно приостанавливается.

Минсвязи СССР и минсвязи союзных республик обеспечить приостановление излучения в эфир и передачу по кабельным сетям программ негосударственных органов вещания.

7. Действие выданных ранее регистрационных удостоверений на телевизионное и радиовещание прекращается. Порядок и сроки проведения перерегистрации органов телевидения и радиовещания будут сообщены дополнительно.

8. Поручить Минсвязи СССР взять под контроль все действующие и запасные центры и каналы связи и вещание на территории страны (включая и республиканского подчинения).

9. Гостелерадио и Минсвязи СССР во взаимодействии с руководством Всесоюзного совета по телевидению и радиовещанию создать временную координационную группу по регулированию телерадиовещания в стране, в том числе в вопросах выделения частот, предоставления времени вещания и технических средств.

10. КГБ СССР, МВД СССР и их органам на местах принять дополнительные меры по обеспечению выполнения данного постановления.

Государственный комитет
по чрезвычайному положению в СССР

20 августа 1991 года

Правда. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА ВКП СССР

Кризис власти, развал экономики, реальная угроза анархии, голода и разрухи требуют принятия самых решительных мер противодействия этому губительному для страны процессу. Мы за такие меры.

Вместе с тем наша принципиальная позиция состоит в том, что все эти, пусть самые непростые, решения

должны приниматься и осуществляться конституционным путем, при максимальном соблюдении демократических норм цивилизованного общества, прав и свобод человека, завоеванных перестройкой и гарантируемых советским законодательством.

Исходя из этого, Президиум Совета ВКП требует, чтобы Президент СССР М. С. Горбачев выступил по Центральному телевидению с обращением к народу. В противном случае мы считаем его отстранение от должности антиконституционным.

Чрезвычайно важно значительно ускорить проведение сессии Верховного Совета СССР, провести ее в ближайшие 2—3 дня, чтобы принять законные, конституционные решения по ситуации в стране.

Президиум Совета ВКП считает недопустимым любое применение силы по отношению к гражданскому населению. Важно принять все меры, чтобы избежать в стране конфронтации, гражданской, братоубийственной войны.

Если указанные требования не будут выполнены, мы оставляем за собой право добиваться их осуществления всеми мерами, которые предусмотрены Конституцией СССР и Законом о профсоюзах, правах и гарантиях их деятельности.

Президиум Совета Всеобщей конфедерации профсоюзов СССР призывает всех трудящихся, трудовые коллективы сохранять выдержку, не допускать анархии, остановки производства, всей нашей экономики. Иначе нас ждет большая общая беда.

Президиум Совета ВКП СССР

Известия. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ РУКОВОДСТВА ЦК ВЛКСМ

Поставлен под сомнение и серьезнейшую опасность курс на глубокие реформы, связанный с именем Михаила Сергеевича Горбачева. Комсомол на протяжении последнего времени поддерживал реформаторскую политику Президента страны.

В этой связи мы заявляем о следующем.

Первое. Признавая неубедительным объяснение причин отстранения от своих обязанностей Президента страны, данное Государственным комитетом по

чрезвычайному положению в СССР, считаем необходимым обращение Президента страны М. С. Горбачева к народу.

Второе. Мы считаем, что нет оснований для признания конституционности принятых от имени «советского руководства» решений, соответствия их букве Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Любые действия, связанные с законно избранным Президентом страны, должны решаться только Съездом народных депутатов СССР, народами Союза ССР и на основе Конституции. Поддерживая только законно избранные органы власти, требуем незамедлительного созыва Съезда народных депутатов СССР.

Третье. Мы обращаемся к руководителям республик, краев и областей, к Верховному Совету СССР, ко всем политическим партиям и движениям: примите все меры для политического урегулирования возникшего в стране кризиса, исключения применения силы.

Четвертое. Мы обращаемся к молодежи, к товарищам по Союзу — не поддавайтесь на провокации, не дайте превратить себя в орудие реализации политических амбиций.

Наши особые слова — к военнослужащим, основную часть которых составляет молодежь. Мы верим, что ни при каких обстоятельствах вы не запятнаете свою честь и совесть кровью соотечественников.

В связи с приостановлением выпуска газеты «Комсомольская правда» обращаемся ко всем средствам массовой информации с просьбой о публикации данного заявления.

Москва,
20 августа 1991 года, 12 часов дня

Известия. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР

С глубокой тревогой воспринимает Союз журналистов СССР происходящее в нашей стране.

Мы решительно протестуем против фактического запрета ряда изданий, программ телевидения и радио. Мы считаем, что этот запрет предпринят в нарушение

действующего законодательства и ведет к дальнейшему обострению ситуации.

Руководство Союза журналистов СССР требует немедленной отмены этого решения, соблюдения права людей на получение полноценной информации, на выявление различных точек зрения.

Мы призываем наших коллег, работающих в продолжающих выходить изданиях, а также международную журналистскую общественность проявить профессиональную и человеческую солидарность с тысячами честных журналистов, чьи права, а может быть, и личная безопасность находятся под угрозой.

Призываем всех журналистов страны в этот самый сложный для судьбы наших народов момент проявить выдержку и спокойствие, с высокой гражданской ответственностью продолжать выполнение своего профессионального долга.

Мы ожидаем, что Верховный Совет СССР отменит противозаконные решения, ущемляющие права и свободы граждан.

Москва,
20 августа 1991 года

Известия. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

В жизни нашего Отечества произошло чрезвычайное событие. Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, избранный Съездом народных депутатов Советского Союза, отошел от верховной власти в стране.

При этом остаются неясными обстоятельства этого отхода.

Такое положение смущает совесть миллионов наших сограждан, для которых встает вопрос о законности новообразованного Государственного комитета по чрезвычайному положению, объявившего о принятии им верховной власти в СССР.

В связи с этим мы заявляем, что в настоящий момент необходимо услышать голос Президента Горбачева и узнать его отношение к происходящим событиям.

Мы надеемся, что Верховный Совет СССР даст принципиальную оценку случившемуся и предпримет решительные меры по стабилизации положения в стране.

Мы обращаемся с призывом ко всем чадам Русской православной церкви, ко всему нашему народу, сугубо к воинству нашему в этот критический для Отечества момент проявить выдержку и не допустить пролития братской крови.

Мы возносим усердную молитву ко Господу и призываем к такой молитве всех верных чад церкви нашей, да ниспошлет Он мир народам нашей страны, дабы они и впредь могли устроить свой дом в соответствии со свободным выбором и общепринятыми нормами морали и права.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II

Известия. 1991. 21 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ В. БАКАТИНА И Е. ПРИМАКОВА

В редакцию «Правды» поступило заявление двух членов Совета Безопасности СССР В. Бакатина и Е. Примакова.

Приводим его полный текст:

Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М. С. Горбачев здоров.

Ответственность, лежащая на нас, как на членах Совета Безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М. С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично.

В. БАКАТИН, Е. ПРИМАКОВ

20 августа 1991 года.

Правда. 1991. 21 августа

ДЕНЬ ТРЕТИЙ,

21 АВГУСТА

0.45 — Вблизи американского посольства слышны автоматные очереди. Путь танкам и бэтээрам преграждают баррикады, в том числе и «живые».

Председатель ЦКК КП РСФСР Н. Столяров связался с А. Лукьяновым:

Сделайте все возможное, чтобы люди не пострадали. Они вооружены и будут стоять до конца, от вас многое зависит. Обстановка критическая.

Ответ А. Лукьянова:

Я ничего не могу сделать, Ельцин сам спровоцировал ситуацию. Кроме того, надо разобраться, откуда у людей оружие.

По радио «Белого дома» звучат команды: притушить свет, закрыть жалюзи, к окнам не подходить — будут стрелять без предупреждения. Всем, кто на площади, кроме первой цепи, отойти на 50 метров.

На пересечении Новоарбатского проспекта и Садового кольца — жертвы.

Погибли Д. А. Комарь, И. М. Кричевский, В. А. Усов.

Бэтээры пытаются прорваться сквозь баррикады. В ход пошли бутылки с зажигательной смесью.

1.00—2.00 — Получено сообщение, что Таманская и Кантемировская дивизии выводятся из Москвы.

2.00—4.00 — Сообщение по радио: от Моссовета уходит ОМОН.

Идут постоянные предупреждения о возможности прорыва спецчастей КГБ, одетых в штатское.

Московские речники пригнали баржи, перекрыв подходы к парламенту со стороны Москвы-реки.

Звонок из Ленинграда. Собчак держит ситуацию.

Патриарх Всея Руси Алексий II потребовал дать возможность Горбачеву обратиться к стране.

4.00—5.00 — К Москве подходит Витебская дивизия (радио «Белого дома»), но в город не входит.

На Садовом кольце и на площади гаснет свет.

Оживление и аплодисменты — в «Белом доме» появился Мстислав Ростропович.

5.00—7.00 — ГКЧП во главе с Г. Янаевым совещается в гостинице «Октябрьская».

На Лубянке идут непрерывные совещания высшего руководства — управления, подразделения и т. д. отказываются выполнять приказы или соблюдают нейтралитет.

8.00 — Началось заседание коллегии Министерства обороны СССР. Но лишь через несколько часов военная техника под аплодисменты и свист москвичей стала покидать улицы и площади столицы.

Правительство Москвы объявило о незаконности введения комендантского часа в столице.

Сообщение коменданта г. Москвы. В ночь с 20 на 21 августа с. г. в Москве произошли крупные провокации экстремистских элементов с трагическими последствиями. Врет. Провокаций не было — это известно всем.

Язов подписывает приказ. С 21 августа с. г. начать возвращение войск в пункты постоянной дислокации.

10.00 — Открывается сессия ВС России.

Подписан Указ об экономическом суверенитете России.

Выступает Б. Ельцин.

12.00—14.00 — Проснулся Секретариат ЦК КПСС. Ивашко спрашивает Янаева: где наш Генеральный?

Руководство России договорилось с Крючковым вместе лететь в Форос. Ельцина сессия непустила. И Крючков смылся. Предпочел другую компанию — Язова, Бакланова и Тизякова. Они вылетели из Внукова в неизвестном направлении. Вслед за ними подались Ивашко с Лукьяновым. Следом Руцкой, Силаев, депутаты, журналисты. Кто — куда? Страна затаила дыхание.

16.00 — Вышел вечерний выпуск «Известий». «Реакция не прошла!» — аншлаг первой полосы.

Президиум ВС СССР объявляет создание ГКЧП незаконным.

18.00—19.00 — Направление полета шефа КГБ определено. Горбачев сообщает Ельцину: они в Форосе.

Лукьянов с Ивашко тоже.

19.30—21.00 — Форос. Дача Президента СССР. «Верные друзья» отвергнуты. Бывшие «враги» в объятиях Михаила Сергеевича.

19.00—00.00 — Москва. ТАСС уполномочен заявить: ограничения по выпуску газет сняты. А «Белый дом» по-прежнему ожидает нападения. Говорят о каком-то секретном приказе, который перед вылетом в Форос «забыл» в Москве Крючков. Страна отошла ко сну, так и не узнав, чем закончился этот остросюжетный детектив. Но если серьезно — люди волнуются и Москва не спит...

* *
*

Наверное, хроника провалившегося переворота в недалеком будущем будет расписана по минутам: кто где был, кто КЕМ был и на чью сторону встал. Далеко не каждый нашел в себе мужество своевременно сделать гражданский выбор. Очень многие замерли в оцепенении, потеряв на время дар членораздельной

речи, другие — благоразумные и многоопытные конъюнктурщики — запаслись больничными листами, отгородились живыми баррикадами из заместителей и помощников. Третьи пытались «балансировать», прикрывая свою откровенную трусость красивыми фразами о необходимости сохранять стабильность...

Но несравненно больше — потому и победили! — было тех, кто не изменил своей политической окраски, не стал прятать голову в песок, а решительно и твердо бросил в лицо самозванцам-спасителям: «Не признаем!»

ТРЕБОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР К ОРГАНИЗАТОРАМ АНТИКОНСТИТУЦИОННОГО ПУТЧА

Г. Янаеву, О. Бакланову, В. Крючкову, В. Павлову, Б. Пуго, В. Стародубцеву, А. Тизякову, Д. Язову.

Сознавая ответственность за дальнейшую судьбу Отечества, основываясь на политическом волеизъявлении граждан России, предъявляю вам следующие требования:

1. Комитету по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) предписываю прекратить свою противоправную антиконституционную деятельность с 22 часов 21 августа 1991 года. Все решения, принятые с момента его образования, подлежат безоговорочной отмене.

2. Комитет обязываю незамедлительно отменить все решения, препятствующие выполнению Президентом СССР М. С. Горбачевым своих конституционных обязанностей.

3. В случае невыполнения указанных требований мною будут приняты все предусмотренные законом меры по пресечению противоправной деятельности комитета, обеспечению конституционного порядка и законности в стране.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

21 августа 1991 года

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР № 69

О средствах массовой информации в РСФСР

Группой лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР, приняты решения об установлении контроля над средствами массовой информации и создании специального органа, по сути, осуществляющего функции политической цензуры, а также о закрытии целого ряда демократических изданий. Всесоюзная телерадиокомпания фактически стала одним из главных орудий в осуществлении антиконституционного переворота. Таким образом, предпринята попытка отмены Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». В результате этих действий поставлена под серьезную угрозу свобода слова как реальное завоевание демократии.

В сложившейся ситуации постановляю:

1. Отменить решения, изданные комитетом по чрезвычайному положению в СССР в отношении средств массовой информации, как не имеющие юридической силы с момента их издания.

2. Запретить пропаганду решений комитета по чрезвычайному положению в СССР, рассматривая ее как действия, направленные на поддержку государственного переворота в СССР.

3. Председателя Всесоюзной телерадиокомпании Кравченко Л. П. от должности отстранить. До последующего решения вопроса Президентом СССР поручить Прокуратуре РСФСР дать правовую оценку его действиям.

4. Передать Всесоюзную телерадиокомпанию в ведение правительства РСФСР.

Руководство Всесоюзной телерадиокомпанией временно до назначения ее председателя в соответствии с законодательством возложить на министра печати и массовой информации РСФСР М. Н. Полторанина.

5. Передать второй общесоюзный телевизионный канал в управление Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании для создания общереспубликанской телесети.

6. Министерству печати и массовой информации РСФСР, руководству Всесоюзной телерадиокомпанией обеспечить функционирование средств массовой информации на территории РСФСР в соответствии с За-

коном СССР «О печати и других средствах массовой информации».

7. Руководителям всех средств массовой информации Российской Федерации обеспечить оперативное доведение до населения информации о решениях Верховного Совета РСФСР, Президента РСФСР и правительства РСФСР.

8. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль, 21 августа 1991 года

РЕШЕНИЕ КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

21 августа в Министерстве обороны СССР состоялась пресс-конференция. На ней было сообщено, что сегодня утром коллегия Министерства обороны СССР рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введенного в отдельных местностях СССР.

Коллегия Министерства обороны СССР приняла решение осуществить вывод воинских подразделений и частей из мест, на которые распространялся режим чрезвычайного положения, в пункты их постоянной дислокации.

Правда. 1991. 22 августа

СООБЩЕНИЕ КОМЕНДАНТА г. МОСКВЫ

Уважаемые москвичи!

Прошедшие сутки показали нецелесообразность продолжения действия комендантского часа на территории столицы.

Учитывая развитие общественно-политической ситуации в г. Москве, принял решение — комендантский час в столице отменить с 21 августа с. г.

**Комендант города Москвы
генерал-полковник Н. КАЛИНИН**

21 августа 1991 года

Правда. 1991. 22 августа

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

21 августа в Кремле председатели палат Верховного Совета СССР И. Д. Лаптев и Р. Н. Нишанов провели заседание Президиума Верховного Совета СССР.

На заседании, в котором приняли участие также члены Комитета конституционного надзора СССР, была рассмотрена ситуация, сложившаяся в стране в связи с созданием так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и объявленными от его имени решениями. Было сообщено, что Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов вылетел в Крым для встречи с Президентом СССР М. С. Горбачевым.

По обсуждаемому вопросу Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, в котором, в частности, говорится:

Считать незаконным фактическое отстранение Президента СССР М. С. Горбачева от исполнения его конституционных обязанностей и передачу их вице-президенту СССР.

Внести на рассмотрение внеочередной сессии Верховного Совета СССР предложение о создании следственной комиссии для решения вопроса о привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении Конституции СССР.

22 августа Президиум Верховного Совета СССР продолжит работу.

Правда. 1991. 22 августа

НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

У здания Верховного Совета РСФСР, где 21 августа открылась чрезвычайная сессия российского парламента, собрались тысячи людей. На газонах десятки палаток, самодельных укрытий от дождя, баррикады, двойной кордон из молодых ребят. Пропускают они только тех, кто предъявит депутатский мандат или пропуск на сессию.

Открыл чрезвычайную сессию Верховного Совета РСФСР исполняющий обязанности председателя парламента России Руслан Хасбулатов. По предложению

одного из парламентариев депутаты сначала почтили минутой молчания память погибших в ночь на 21 августа, утвердили повестку дня — о политической ситуации, сложившейся в республике в результате государственного переворота в СССР, а затем дали слово Р. Хасбулатову.

— Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР, — сказал он, — созвана в поистине трагические дни для нашего Отечества, когда самозванная хунта под названием Государственный комитет по чрезвычайному положению отстранила от власти законного Президента страны, осуществила контрреволюционный государственный переворот, поставила страну на грань гражданской войны. Вместе с отстранением от власти Президента страны М. Горбачева заговорщики ставили своей стратегической задачей отстранение от власти российского руководства, захват и интернирование Президента России, прогрессивных деятелей Верховного Совета и правительства.

Хасбулатов отметил, что в сложившихся обстоятельствах действия Президента, Президиума Верховного Совета и правительства России были энергичными, рассудительными и спокойными. Ни на одну минуту не возникало здесь паники, и все устремления были направлены на попытки мирного решения вопроса. В этих целях Председателю Верховного Совета СССР А. Лукьянову, как практически единственному законному руководителю верховной власти, был представлен перечень требований. Выступающий назвал их:

организовать в течение 24 часов с момента получения этого документа встречу Ельцина, Силаева, Хасбулатова с Президентом Горбачевым;

провести в ближайшие три дня медицинское освидетельствование Президента СССР М. Горбачева с участием независимых экспертов Всемирной организации здравоохранения;

результаты освидетельствования опубликовать для гласности. При положительном результате действительно обеспечить ему условия для возобновления и исполнения обязанностей Президента СССР;

немедленно отменить все ограничения на деятельность российских средств массовой информации, тем более что в других республиках такие ограничения не вводились;

отменить действие чрезвычайного положения на всей территории РСФСР, хотя бы на время работы сессии Верховного Совета республики;

обеспечить беспрепятственный выезд в Москву народных депутатов;

немедленно восстановить все виды связи для нормального функционирования российского руководства;

объявить о роспуске незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР и отменить все его постановления и распоряжения.

Р. Хасбулатов охарактеризовал положение в России после ввода в стране чрезвычайного положения. По его словам, подавляющее большинство автономий, областей, краев республики живут и действуют по законам РСФСР. Он подчеркнул, что народные депутаты России должны быть едины в борьбе против наступления диктатуры.

Затем слово было предоставлено Президенту РСФСР Б. Ельцину. Он рассказал о действиях, которые были предприняты руководством России в связи с образованием антиконституционного комитета по чрезвычайному положению.

Россия и страна, сказал он, испытывают драматические моменты в своей истории, а может быть, и трагические. Было в истории нашей страны уже не раз это, и, к сожалению, даже в такой период, когда, казалось бы, демократизация начинает нарастать и набирать темпы. Тем не менее правые силы пытались несколько раз провести этот переворот и наконец его осуществили. Первый раз это было в начале года, но тогда спугнуло их заявление министра иностранных дел Э. Шеварднадзе о диктатуре и соответствующее общественное мнение и России, и страны, и всего мира. Вы помните сессию Верховного Совета Союза, где примерно те же лица — Павлов, Крючков, Язов — пытались требовать себе особых полномочий и ущемлений прав Президента страны и отстранение его от власти. Это вторая попытка, которая не прошла. И, наконец, третья попытка, которая увенчалась успехом. Когда Президент страны находился на отдыхе, а сейчас уже не на отдыхе, а в изоляции в Крыму, этот антиконституционный переворот свершился. Он, безусловно, антиконституционный, поскольку никаких заявлений от Президента страны не было. Это беспреце-

дентный в условиях действительно развивающегося демократического общества переворот.

Б. Ельцин заявил, что Президент СССР М. С. Горбачев вполне здоров, охарактеризовал политическую ситуацию, сложившуюся в республике в результате действий комитета по чрезвычайному положению, рассказал о мерах руководства России по выходу из кризиса.

Ельцин сообщил о телефонных переговорах с руководителями стран Запада и союзных республик, которые, по его словам, твердо заявили о том, что осуждают «антиконституционный переворот, не признают ГКЧП и поддерживают российское руководство», а также будут принимать все меры для того, чтобы мировое сообщество выразило свое отношение к событиям в СССР. Ельцин обратился к руководителям Запада с просьбой потребовать связи с Президентом Горбачевым, заблокированным на даче в Крыму.

В целях установления контактов с главой Советского государства сессия приняла решение направить к М. С. Горбачеву в Крым делегацию в составе вице-президента РСФСР А. Руцкого, Председателя Совета Министров России И. Силаева вместе с группой народных депутатов РСФСР.

После короткого перерыва обсуждение было продолжено. Депутаты требовали незамедлительно восстановить конституционный порядок. В связи с тем что ряд председателей облсоветов поддержали ГКЧП, Б. Ельцин запросил у Верховного Совета санкцию на освобождение их от занимаемых должностей.

Вечером депутаты продолжали обсуждение ситуации в республике. Они предлагали не только пути выхода из кризиса, но и меры, направленные на то, чтобы люди были гарантированы от всевозможных антиконституционных действий кого бы то ни было. Документов не было принято. Эта работа депутатов перенесена на 22 августа.

Правда. 1991. 22 августа

**ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II
АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ
И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Возлюбленные о Господе, Преосвященные архипастыри, все честные пастыри, боголюбивые иноки, инокини и все верные чада нашей Святой Церкви!

В дни, которые только что довелось пережить нам, кончился Промыслom Божиим период нашей истории, начатый в 1917 году. В то, уже далекое время нашу землю обогрела кровь, начались великое разделение и братоубийственная война, завершившаяся торжеством властителей, которые сами о себе свидетельствовали как о людях и политиках «нового типа». Их новизна была в отвержении всех абсолютных нравственных начал, в забвении духовных истоков и смысла человеческого существования, в уверенности в том, что ни перед Богом, ни перед людьми они никогда не понесут ответственности за свои деяния.

Последнюю чреду из них — я надеюсь, что уже последнюю — мы видели в дни переворота. Переворота, который не мог завершиться их успехом хотя бы потому, что был начат — как бы в надругание над всеми святынями нашего Отечества — в день, когда Церковь празднует великий праздник Преображения Господня. Ныне же Россия может сказать им слова, которые некогда Иосиф обратил ко своим братьям: «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что сейчас есть» (Быт. 50 : 20). «То, что сейчас есть» — это наступающее через десятилетия действительное прекращение гражданской войны в нашем исстрадавшемся от идеологических разделений обществе: отныне уже не может вернуться время, когда одна идеология владела государством и пыталась навязать себя обществу, всем людям. Коммунистическая идеология, как мы убеждены, никогда более уже не будет государственной в России. Она пыталась вновь силой навязать себя народу, но народом же была ненасильственно отвергнута.

Должен наконец закончиться бесплодный и горький труд разрушения: больной, чье безумие долгие годы внушало ужас всем сопредельным, присел у ног

Христовых «в здоровом уме» (Лк. 9:35) и покаянии. Россия начинает труд и подвиг исцеления!

Этот труд, все мы знаем, не будет ни коротким, ни легким, но молитвами святых мучеников и угодников Божиих, просиявших в земле Русской, верю, он не будет бесплодным.

Мы должны знать: труднейшей для каждого из нас будет работа не внешняя, а внутренняя. Нелегко вернуть Отечеству благосостояние, но многократно трудней очистить свое сердце от злобы, подозрений и рождающей их безумной богоборческой гордыни.

Отцы наши тяжко согрешили; многие из них продолжали упорствовать в своем грехе и умерли, отринув спасительную благодать покаяния... Нам ли, их потомкам, упорствовать во взаимных распрях и в фарисейской надменности обличать чужие грехи и слабости?!

Поистине на долгие годы для всех нас должна стать общей смиренная молитва мытаря: Боже, милостив буди нам, грешным (Лк. 18:13). Кто из нас сможет сказать, что не нуждается в милосердии и прощении Божиим? Простим же друг другу, чтобы и Господь простил нам!

Дорогие мои! С радостью освобождения вас! Радуйтесь, но пусть при этом события прошедших лет и дней напоминают вам всегда слова апостола Павла: «Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления... Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы...» (Ефес. 5:6, 10—11).

Сколь многие еще недавно стремились покинуть нашу страну или заявить о своей независимости от власти, обосновавшейся в Москве после своего переезда из Петрограда в 1918 году! К сожалению, и теперь те, кто в день Преображения провозгласили себя «спасителями» Союза, на деле сделали все возможное для его скорейшего распада. Дай Бог, чтобы вопреки им тот образ жизни, образ мысли и образ правления, которые установятся в Москве в ближайшем будущем, никого бы не отталкивали от совместной жизни в нашей возрожденной стране!

Братья и сестры! В ночь на 21 августа, в часы наибольшей угрозы Верховному Совету России, в своем обращении я сказал, что молюсь Божией Матери, Покровительнице земли Русской, чтобы Она в эти дни

Успенского Поста сохранила всех нас под Своим Покровом и помогла нам примириться в правде и в Боге. Не мои молитвы, но молитвы всех вас — были услышаны и совершили чудо. И впредь я призываю вас, дорогие, молиться. Да не оставит нас Господь и в грядущие дни, и да поможет Он нам укрепить нашу веру, нашу Святую Церковь, возродить наше Отечество!

С нами Бог!

Патриарх Московский и Всея Руси

Московский комсомолец. 1991. 27 августа

Н. НИКИТИН

В КРЫМ, К ПРЕЗИДЕНТУ СССР

Пресс-конференция А. И. Вольского, Е. М. Примакова,
В. В. Бакатина и Г. Х. Шахназарова

Да, обычно с визитами по стране ездит сам Президент. Но на этот раз, похоже, и этот порядок тоже нарушен. Вчера вечером в Крым вылетело несколько самолетов, на борту которых члены Совета Безопасности СССР, российского правительства, ответственные работники ЦК КПСС.

Об этом стало известно вечером на пресс-конференции. С журналистами встретились люди, разговаривавшие с М. Горбачевым по телефону в последние часы перед объявлением чрезвычайного положения. Это А. Вольский, президент Научно-промышленного союза СССР, народный депутат СССР, Г. Шахназаров, помощник Президента, Е. Примаков и В. Бакатин.

Как подтвердил А. Вольский, в ночь на 19 августа Президент был насильственно отстранен от власти и изолирован. Почему? Горбачев отказался подписать указ о введении чрезвычайного положения. Сведения о болезни очень сильно преувеличены: он чувствовал себя хорошо, были лишь проявления радикулита. Расценивая случившееся, Вольский сказал, что в чрезвычайных событиях отчасти отразились кадровые просчеты Горбачева, недостатки в осуществлении реформ. Необходимо отвести от партии разного рода подозрения. Не танками же поправлять дело! Всю ответственность, думаю, несут члены ГКЧП.

Точно известно пока, что было вечером восемнадцатого. Г. Шахназаров, отдохнувший по соседству, разговаривал с Президентом в 16 часов. Горбачев в тот день много работал, готовил свою речь для церемонии подписания Союзного договора. Говорил с ним по городскому телефону, который вскоре был отключен. Меня никто не арестовывал, заявил Шахназаров. На следующий день я вернулся в Москву. Тогда же должен был вернуться и Горбачев...

Члены Совета Безопасности СССР В. Бакатин и Е. Примаков признают действия восьмерки антиконституционными. Но надо иметь в виду, резонно заметил Бакатин, никто сегодня не располагает полной и точной информацией. Мы питаемся ею друг от друга. Возможны, конечно, некоторые искажения.

Журналисты одним из первых задали вопрос: если все это было известно в Москве еще в понедельник утром, то почему эту важную информацию первое время скрывали, не сделали ее достоянием печати? Неужели позиция выжидания была более выгодной? Мою позицию, ответил А. Вольский, знали все члены ГКЧП, с которыми у меня была связь.

Е. Примаков подчеркнул, что попытка участников ГКЧП изолировать Президента СССР и взять власть в свои руки носила противоправный, неконституционный характер. Он сообщил, что вместе с И. Силаевым, А. Руцким, В. Бакатиным и Н. Столяровым вылетает в Крым для встречи с М. Горбачевым. Они надеются, что увидят Президента таким же, каким он был до 18 августа. Е. Примаков также сообщил, что во время их встречи с Г. Янаевым последний заверил: принято решение о выводе армии из Москвы и других городов СССР. Впереди, однако, большая работа по восстановлению конституционных прав.

Кратко отвечая на вопросы советских и иностранных журналистов, А. Вольский опроверг упорно муссируемые слухи о том, будто М. Горбачев заранее знал о готовящемся перевороте. Президенту был предъявлен ультиматум, который он не принял.

Вопрос Бакатину: соответствует ли действительности утверждение А. И. Лукьянова, что Президент СССР был посвящен в планы заговорщиков? Ответ был однозначен: «Ложь и вранье».

Правда. 1991. 22 августа

**ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОГО СОЮЗА СССР,
ЧЛЕНА ЦК КПСС, НАРОДНОГО
ДЕПУТАТА СССР ВОЛЬСКОГО А. И.**

21 августа в Научно-промышленном союзе СССР состоялась пресс-конференция, на которой с заявлением выступил президент А. И. Вольский.

Считаю необходимым проинформировать общественность о следующем.

Как известно, в ночь на 19 августа было осуществлено насильственное отстранение Президента СССР М. С. Горбачева от власти. Группа лиц, фактически изолировав главу государства, предъявила М. С. Горбачеву требование подписать указ о введении чрезвычайного положения.

Президент СССР отказался это сделать. Заявление якобы об имеющей место болезни М. С. Горбачева и его недееспособности на тот момент является вымыслом, о чем я заявляю с полной ответственностью на основании состоявшейся во второй половине воскресенья 18 августа телефонной беседы с ним. Она прошла по инициативе М. С. Горбачева по обычному городскому телефону, когда я находился на даче. В ходе разговора Михаил Сергеевич сказал, что чувствует себя хорошо, за исключением проявлений радикулита, которые у него имелись и ранее. Насколько я знаю, у многих членов ГКЧП есть заболевания намного более серьезного характера.

Расцениваю отстранение М. С. Горбачева как противозаконное. Надо сказать, что демократические силы страны не раз критиковали М. С. Горбачева за нерешительность и непоследовательность, грубые ошибки в подборе кадров, недостатки в осуществлении реформ. Я об этом говорил не раз, в том числе на апрельском Пленуме ЦК КПСС, и в недавнем интервью по телевидению. То, что произошло сейчас, как раз и является свидетельством кадровых просчетов.

Однако все это не дает оснований для его произвольного отстранения от власти. Люди действительно хотят укрепления порядка в стране, их беспокоят разброд и шатания в руководстве, война законов, их тревожат падение жизненного уровня, межнациональ-

ные конфликты. Решать эти проблемы надо, о чем Научно-промышленный союз не раз заявлял. Но не танками же!

Реформы, которые замешаны на насилии, не могут дать блага. Такие действия ставят страну на грань гражданской войны.

Исходя из сказанного, заявляю:

1. Президент СССР М. С. Горбачев вплоть до своей изоляции был здоров и способен исполнять свои обязанности. Всю ответственность за его безопасность и здоровье несут члены ГКЧП, осуществившие эту акцию.

2. Как народный депутат СССР и от имени научно-промышленной группы народных депутатов требую немедленного созыва чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР с обязательным выступлением на нем М. С. Горбачева.

3. Призываю членов Совета Безопасности выполнить возложенные на них Конституцией СССР функции и взять на себя необходимую ответственность за координацию действий, направленных на преодоление кризиса и восстановление законной власти.

4. Как член ЦК КПСС, призываю Центральный Комитет КПСС осудить антиконституционный характер переворота. Необходимо отменить от партии всякого рода подозрения.

5. Обращаюсь к руководителям республик с предложением немедленно провести экстренное заседание Совета Федерации с участием М. С. Горбачева.

6. Опираясь на мнение трудовых коллективов, работников и руководителей промышленности всех республик, призываю ГКЧП ни в коем случае не допустить дальнейшего кровопролития — ни в одной точке страны.

Я адресуюсь к совести и разуму членов ГКЧП, прошу их проявить гражданское мужество, самораспутиться и незамедлительно вернуть власть Президенту страны.

А. ВОЛЬСКИЙ

Известия. 1991. 21 августа

В. АКИМОВ

БЕСЕДА ПРЕЗИДЕНТОВ СССР И КАЗАХСТАНА

Выступая 21 августа поздно вечером по республиканскому телевидению, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев сообщил, что несколько минут назад у него состоялся по телефону разговор с М. С. Горбачевым.

Президент СССР сообщил Президенту Казахстана, что все эти дни он находился в полной изоляции на даче в Крыму. Здоровье у него в настоящее время в порядке. Характеризуя сложившуюся в стране ситуацию, М. С. Горбачев назвал ее «правым военным переворотом». Президент СССР выразил глубокую благодарность всем казахстанцам, лично Н. А. Назарбаеву за их твердую, принципиальную позицию, приверженность законно избранной государственной власти СССР.

М. С. Горбачев также проинформировал, что в данный момент в его приемной находятся члены так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению Бакланов, Крючков, Тизяков, Язов и ожидающие отдельной беседы А. И. Лукьянов, В. А. Ивашко. Президент СССР попросил охарактеризовать действия каждого из них в минувший период.

В экстренном выступлении по телевидению Президент Казахской ССР особо подчеркнул, что тем самым опасный период завершается. Впереди у всех казахстанцев большая и трудная работа по реализации намеченных планов обновления страны и республики.

Правда. 1991. 22 августа

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР ПРЕЗИДЕНТОВ СССР И США

21 августа, поздно вечером, как только была восстановлена связь М. С. Горбачева с внешним миром, он разговаривал с Президентом США Джорджем Бушем.

Президент США выразил свое глубокое удовлетворение, что сложнейшая ситуация, возникшая в результате неконституционных действий группы лиц, пре-

сечена. Со своей стороны Президент Горбачев подчеркнул, что общество, народы страны отвергли эту авантюру. В СССР будут продолжены качественно новые процессы, зародившиеся в ходе демократических преобразований. Президенты договорились поддерживать постоянные контакты и продолжать сотрудничество на всех направлениях в соответствии с достигнутыми ранее договоренностями.

Ситуация в Советском Союзе «находится под контролем». Этой, по словам американского лидера, «хорошей новостью» он поделился с журналистами в Кеннебанкпорте. Буш сказал, что разговор с Горбачевым продолжался около 20 минут. Он отметил, что, по мнению советского Президента, «к руководству вернулись конституционные власти и что демократия, свобода и реформы возобладали». «Такова его оценка,— продолжил Буш.— Надеюсь, что это не опережает развитие ситуации в Москве. Они попытались совершить переворот, но потерпели поражение. Однако не нам объявлять о том, что переворот завершился».

Я очень рад услышать, что Горбачев хорошо себя чувствует, подчеркнул Буш. Вскоре он возвращается в Москву и будет работать вместе с президентами других республик. Для этого существует хорошая основа.

«Думаю, это хороший день для советско-американских отношений,— заявил Буш.— Я ожидаю, что эти отношения станут только лучше».

Горбачев, отметил Президент США, «выразил искреннюю признательность народам Соединенных Штатов и других стран мира за поддержку демократии и реформ».

Правда. 1991. 22 августа

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛЕ ПУТЧА, 22—25 АВГУСТА

22 августа

6.00 — Президент СССР в Москве. Крючков и Язов арестованы.

Заявление М. Горбачева по советскому телевидению. То, что случилось,— государственный переворот.

Указ Президента СССР об указах и. о. Президента СССР. Отменить.

Утро, в Кремле. Под руководством председателей палат ВС СССР И. Лаптева и Р. Нишанова — заседание Президиума ВС СССР. Президиум дал согласие на арест депутатов О. Бакланова, В. Болдина, В. Варенникова, В. Стародубцева, О. Шенина.

12.00 — У «Белого дома» митинг победителей. Народ ликует. Трехцветный российский флаг наконец приобрел статус государственной российской символики. Москвичи минутой молчания почтили память жертв государственного переворота. Отныне площадь перед домом российского правительства будет называться площадью Свободной России.

Указ Президента России «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР».

От занимаемой должности освобожден генеральный директор ТАСС Л. Спиридонов. Имущество агентства переходит в собственность России.

Коллегия КГБ СССР выступила с заявлением. Сотрудники КГБ не имеют ничего общего с противозаконными действиями группы авантюристов.

Московская мэрия распорядилась опечатать помещения горкома и райкомов КПСС.

19.30 — пресс-конференция Президента СССР М. С. Горбачева.

Б. Пуго застрелился в своей квартире.

23.00—00.00. Здание КГБ осталось без «охраны». Железный Феликс пал. Еще одним памятником меньше. На тот ли путь мы встаем?

В ночь с 22 на 23 августа арестованы: бывший секретарь ЦК КПСС О. Шенин, бывший первый заместитель председателя Совета Оборона СССР О. Бакланов, бывший руководитель аппарата Президента СССР В. Болдин, начальник управления охраны КГБ СССР Ю. Плеханов, Главнокомандующий сухопутными войсками страны, заместитель министра обороны СССР В. Варенников, председатель Крестьянского союза СССР В. Стародубцев,

23 августа

Указ о приостановлении выхода коммунистических изданий: «Правда», «Советская Россия», «Московская правда»...

Встреча Президента СССР с депутатами российского парламента.

Освобождены от должностей: председатель Всесоюзной Гостелерадиовещательной компании Л. Кравченко, главный редактор «Советской России» В. Чикин.

Идет работа следственных комиссий. В. Павлов и В. Стародубцев допрошены.

Из Прокуратуры СССР уволен А. Васильев за беспринципность и малодушие. Его коллега И. Абрамов — за плохой надзор за следствием и дознанием в органах КГБ СССР.

Совещание М. Горбачева с руководителями девяти республик: мнение единодушно — надо подписать договор.

Кабинет министров меняется на глазах. В. Бакатин назначен председателем КГБ, Е. Шапошников — министром обороны СССР, В. Баранников — министром внутренних дел.

24 августа

10.00 — Россия прощается с Дмитрием Комарем, Ильей Кричевским, Владимиром Усовым.

Указ Президента СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Д. А. Комарю, И. М. Кричевскому и В. А. Усову.

Манежная площадь. Траурный митинг. Президент СССР обращается к людям, к родным погибших: «Мы провожаем в последний путь настоящих граждан. Они сделали все, что могли».

Траурная процессия следует по Новоарбатскому проспекту к месту гибели, затем к зданию Дома Советов РСФСР.

С защитниками «Белого дома» прощается Президент России Б. Ельцин. «Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей...»

Похороны на Ваганьковском кладбище.

Горбачев покончил с колебаниями: он больше не Генсек. Имущество КПСС (до окончательного решения) берут под охрану местные органы власти.

Указ Президента СССР о деполитизации армии, органов госбезопасности, внутренних дел и госаппарата.

Стало известно, что накануне в Кремле повесился военный советник Президента СССР маршал Ахромеев.

Госбанк СССР возобновляет продажу валюты гражданам, выезжающим за рубеж по личным делам.

Региональная товарная биржа «Викар» предлагает всем предпринимательским структурам организовать фонд поддержки Президента России.

Здание ЦК КПСС в Москве и штаб Октября Смольный в Ленинграде опечатаны.

Б. Ельцин приостанавливает деятельность Российской коммунистической партии и запрещает деятельность партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР.

Опубликовано послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

«Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что сейчас есть» (Быт. 50 : 20).

25 августа

Стало известно, что вечером 24 августа Борис Ельцин подписал Указ о назначении своих представителей в края и области РСФСР.

В православных храмах — службы во спасение Отечества от тоталитарного режима.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР В МОСКВУ

Президент СССР М. С. Горбачев в ночь на 22 августа возвратился в Москву.

— Самое главное, — заявил М. С. Горбачев на аэродроме в интервью советскому телевидению, — все, что мы сделали после 1985 года, уже дало свои реальные плоды. Общество, люди наши стали другими, и это было главным препятствием на пути той авантюры, которую предприняла группа лиц. Общество, весь мир должны знать, что тут затевалось и что хотели сделать со мной, что они не получили от меня. Это я еще скажу, может быть, завтра, самое позднее послезавтра я созову широкую конференцию.

Я поздравляю советских людей, у которых есть и чувство ответственности, и чувство достоинства, и забота, с тем, что они с уважением относились ко всем, кому вверяют власть. Какая-то жалкая кучка под лозунгами привлекательными, используя трудности, о которых мы все знаем, которые нас всех волнуют и которые мы намерены решать — тут не может быть двух мнений, — хотела под этими лозунгами толкнуть людей на такой путь, который вел все наше общество к катастрофе.

Это не прошло. И это — величайшая победа перестройки.

То, что пытались сделать с Президентом в эти дни, с его семьей, когда 72 часа его блокировали войсками на море и на суше и хотели сломить его, — ничего этого не получилось.

Но это — часть вопроса. Вторая часть вопроса: я выражаю признательность советским людям — за принципиальную позицию россиянам, Президенту России Борису Николаевичу Ельцину, Верховному Совету

Российской Федерации, всем депутатам, трудовым коллективам, которые решительно встали на пути этой авантюры. Это то, чем мы можем гордиться.

А рядом с ними позиция такая же бескомпромиссная, решительная — за то, чтобы решать все, что у нас возникло. А у нас немало проблем, мы их знаем, они нас беспокоят — этим я занимался, когда еще собирался в отпуск. Все дни в отпуске я занимался этим же. Это продовольствие, топливо, финансовые дела, это наш рубль, положение на рынке, это то, что будет завтра с нашими людьми, — все это мы должны делать.

Но эти люди, воспользовавшись трудностями переходного периода, необычайной напряженностью в обществе и беспокойством о том, что будет с нами, решили реализовать под давлением этих трудностей свои далеко идущие планы — для того, чтобы ввергнуть, по сути дела, наше общество в беду. Эту авантюру я отверг, когда ко мне явились эмиссары с предложением поддержать ее, и сказал, что это погубит их и страну. Я решительно против. Я потребовал, чтобы был немедленно созван съезд, как минимум — Верховный Совет. Подробности всего того, что происходило в эти дни, еще скажу.

72 часа Президент страны был блокирован, изолирован от народа, от страны, от мира. И должен был быть стойким. Наверно, цель была такая! сломить морально Президента и воздействовать на его семью. Ничего из этого не получилось. И прежде всего не получилось потому, что — я уверен — это не пройдет, заявил Президент СССР.

Он подчеркнул, что это — урок для всех: для Президента, для журналистов, для политиков. Президент отметил согласие, завязавшееся весной после зимних событий, позицию России и других республик. Оно не прочно, оно — еще не гарантия, нуждается в цементировании, в освобождении от подозрений, но оно, согласие, есть, резюмировал М. С. Горбачев.

Правда. 1991. 23 августа

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Об отмене антиконституционных актов организаторов государственного переворота

В ночь на 19 августа группа заговорщиков захватила власть с намерением осуществить государственный переворот. Это преступление было пресечено благодаря решительным действиям руководства России, принципиальной позиции других республик, выступлениям москвичей, ленинградцев, населения других регионов в защиту демократии и конституционного порядка. Заговорщикам не удалось направить армию против народа.

Так называемый ГКЧП издал ряд актов, имевших целью установить диктаторский режим и свернуть страну с пути демократических преобразований.

Принимаются необходимые меры для ликвидации всех последствий заговора и наказания виновных.

Настоящим Указом постановляю:

1. Отменить все решения, изданные ГКЧП или отдельными его членами.

2. Отстранить всех членов ГКЧП от занимаемых постов.

3. Принять к сведению, что Генеральным прокурором СССР возбуждено уголовное дело в отношении лиц, участвовавших в заговоре, и что следствие ведется совместно компетентными органами Союза ССР и РСФСР.

**Президент Союза Советских
Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ**

Москва, Кремль.
22 августа 1991 года

Правда. 1991. 23 августа

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИТЕТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ПРАВОПОРЯДКУ НА ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ В СССР

Проведя юридическую оценку представленных вице-президентом СССР документов Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, Комитет Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку пришел к следующим выводам:

1. В качестве основания для издания указа вице-президента СССР о невозможности по состоянию здоровья исполнения М. С. Горбачевым обязанностей Президента СССР и «Заявления советского руководства» использована ссылка на статью 127⁷ Конституции СССР.

Статья 127⁷ Конституции СССР, гласящая о переходе полномочий Президента СССР к вице-президенту при невозможности исполнения Президентом СССР своих обязанностей предполагает прежде всего наличие информации от самого Президента (если он физически в состоянии это сделать) и заключения компетентной медицинской комиссии. Такие документы на момент выпуска указа вице-президента о вступлении в исполнение обязанностей Президента СССР отсутствовали. Приведенное толкование логически вытекает из правил, содержащихся в ст. 127⁴ и 127⁷ Конституции СССР; подобным образом решается вопрос передачи полномочий в законодательстве других стран (США, Франция).

2. Относительно введения чрезвычайного положения:

а) в законодательстве четко определены органы, имеющие право вводить чрезвычайное положение. Ни Конституция СССР, ни Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» от 3 апреля 1990 года не предусматривают права введения чрезвычайного положения группе должностных лиц, именующих себя «советским руководством»;

б) ни Конституция СССР, ни Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» не предусматривают создания «для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного

положения» такого органа, как Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, а тем более — возможности присвоения им функций, принадлежащих какому бы то ни было конституционному органу, например Совету Безопасности СССР;

в) в соответствии с Законом режим чрезвычайного положения вводится с согласия Президиума Верховного Совета или иного высшего органа государственной власти соответствующей республики, на территории которой вводится подобный режим, и лишь при отсутствии такого решения Президент СССР вправе ввести чрезвычайное положение с незамедлительным внесением принятого решения на утверждение Верховного Совета СССР. В данном случае о предполагаемой акции высшие органы государственной власти республик даже не были извещены;

г) Закон предусматривает указание территориальных границ действия чрезвычайного положения при его объявлении, что не было определено в заявлении, подписанном Г. Янаевым, В. Павловым и О. Баклановым;

д) из смысла статьи 11 Закона вытекает, что в условиях чрезвычайного положения общественный порядок обеспечивается главным образом войсками МВД. Лишь в исключительных случаях допускается по решению Верховного Совета СССР или Президента СССР привлечение воинских частей Вооруженных Сил и Комитета государственной безопасности СССР. Никаких исключительных обстоятельств для введения в Москву и иные местности частей Вооруженных Сил СССР, а тем более танковых подразделений, не было;

е) законодательство СССР не предусматривает издания нормативных актов в форме заявления группы должностных лиц, и подобные документы не могут являться правовой основой для действий государственных органов и подразделений Вооруженных Сил и Комитета государственной безопасности СССР.

3. Пункт 14 статьи 4 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» предоставляет органам государственной власти и управления в условиях чрезвычайного положения право «устанавливать контроль за средствами массовой информации», но не прекращать их деятельность. Принятые Государственным комитетом по чрезвычайному положению в СССР

меры, касающиеся средств массовой информации, противоречат законодательству.

4. Постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР не имеют юридической силы с момента их принятия.

Комитет Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку констатирует отсутствие оснований для лишения Президента СССР возможности выполнения возложенных на него Конституцией и законами СССР обязанностей и введения чрезвычайного положения, несоответствие Конституции СССР образования для управления страной Государственного комитета и присвоения им функций органа государственной власти. Комитет считает необходимым постановлением Верховного Совета СССР отменить чрезвычайное положение в местностях, в которых оно было введено, отменить Указ вице-президента СССР от 18 августа 1991 года о вступлении в исполнение обязанностей Президента СССР и признать недействительными последующие акты, принятые от имени исполняющего обязанности Президента СССР, советского руководства и Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, а также все акты, принятые в их исполнение. Комитет также считает необходимым рассмотреть вопрос об отстранении от должностей членов Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР и привлечении их к ответственности в связи с нарушением Конституции СССР и законов Союза ССР. Кроме того, представляется необходимой подготовка и внесение на рассмотрение Съезда народных депутатов СССР проекта нормативного акта, регламентирующего порядок реализации положений статьи 127⁷ Конституции СССР.

**Председатель Комитета Верховного Совета СССР
по законодательству и правопорядку Ю. Х. Калмыков**

Принято на заседании Комитета Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку 22 августа 1991 года.

Известия. 1991. 22 августа

В ПРОКУРАТУРЕ СССР

В связи с наличием в действиях членов незаконно созданного Государственного комитета по чрезвычайному положению признаков государственного преступления Генеральным прокурором СССР возбуждено уголовное дело.

Расследование поручено группе следователей.

Правда. 1991. 22 августа

ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ ЧЛЕНОВ ГКЧП

Прокуратурой РСФСР возбуждено уголовное дело на членов бывшего ГКЧП, участвовавших в государственном перевороте, сообщил 22 августа на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР, проходящей в Москве, Генеральный прокурор республики В. Г. Степанков. Он, в частности, сказал:

— Вчера, несмотря на критику в бездействии в адрес правоохранительных органов, я на это ответить не мог из чисто тактических соображений. Уголовное дело было вчера Прокуратурой России возбуждено, но об этом мы не говорили. После того как из Фороса прибыл самолет, в аэропорту был задержан Крючков, арестован и доставлен в место, где он содержится под стражей. Санкцию дал Генеральный прокурор России. На другом самолете прилетели Язов и Тизяков, они также арестованы и водворены в места, где содержатся под стражей. Сейчас идут их допросы.

В кабинете бывшего вице-президента Янаева закончен обыск, он доставлен в Прокуратуру России, где идет его допрос и выдана санкция на его арест. Кроме того, сейчас идет допрос другого члена этого комитета — Бакланова.

Павлов находится в больнице. Стародубцев — за пределами Москвы. Будут приняты меры к их вызову и допросу.

Прокуратура РСФСР продолжает расследование.

Правда. 1991. 23 августа

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ПРОВАЛИЛСЯ

Заявление М. С. Горбачева по советскому телевидению
22 августа 1991 года

Дорогие сограждане. Я выступаю сейчас перед вами уже в тот момент, когда могу с полным основанием сказать — государственный переворот провалился. Заговорщики просчитались. Они недооценили главного — то, что народ за эти, пусть очень трудные, годы стал другим. Он вдохнул воздух свободы, и уже никому этого у него не отнять.

Взрыв народного негодования вызвали государственные преступники, посягнувшие на демократию, попытавшиеся восстановить тоталитарный режим. Они попытались осуществить самое страшное — направить армию против народа. Но и это у них не прошло. Многие командиры, офицеры, большинство солдат, целые части и соединения отказались выполнять их приказы. Остались верными присяге, встали рядом с отважными защитниками демократии.

Когда 18 августа четверо заговорщиков явились ко мне в Крым и предъявили ультиматум — либо отречься от поста, либо передать добровольно им свои полномочия, либо подписать указ о чрезвычайном положении, я им тогда сказал — вы авантюристы и преступники, вы погубите себя и нанесете страшный вред народу, у вас все равно ничего не выйдет. Не тот стал народ, чтобы смириться с вашей диктатурой, с потерей всего, что завоевано в эти годы.

Одумайтесь, дело кончится гражданской войной, большой кровью, вы ответите за это. Я отверг все их притязания. Тогда они обложили войсками дом, где я был на отдыхе, причем и с моря, и с суши, устроили психическое давление, следили за каждым шагом, наглухо изолировали от внешнего мира.

Очевидно, задача была такова — сломить Президента психологически.

Я это особенно понял тогда, когда мне стало известно содержание пресс-конференции этого так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению. Когда они объявили, что я не способен выполнять функции Президента, более того, они пообещали в ближайшее время представить на этот счет медицинское заключение.

Значит, задача исходила из того, если факты не соответствуют их заявлениям, то есть состояние Президента является другим, то надо его любыми способами довести до такого состояния, чтобы он действительно был сломлен физически и психически. 72 часа я не знал, что происходит в стране.

Заговор сорван, авантюристы арестованы и понесут суровое наказание. Но кровь была пролита. Пали жертвой защитники свободы. Я приношу глубочайшие мои соболезнования их семьям, родным и близким, их друзьям и коллегам. Их имена должны быть запечатлены на памятных досках в местах их гибели.

Я хочу поблагодарить всех тех, кто, рискуя не только положением и личной свободой, но и часто жизнью, стал в первые шеренги защитников конституционного строя, защитников закона, прав человека. Прежде всего я должен отметить выдающуюся роль Президента России Бориса Николаевича Ельцина, который стал в центре сопротивления заговору и диктатуре, Председателя правительства России Ивана Степановича Силаева, вице-президента России Александра Владимировича Руцкого, многих политических и общественных деятелей, весь Верховный Совет Российской Федерации, москвичей и ленинградцев, вставших также на защиту демократии. Я не могу не отметить беззаветную преданность своему демократическому профессиональному долгу огромного большинства журналистского корпуса, всех средств массовой информации. В этот трудный час они безошибочно выбрали, где и с кем им быть, не испугались, не струсили, не стали лебезить перед узурпаторами.

Большое значение в срыве заговора имела принципиальная позиция президентов и парламентов большинства республик, областей России, местных Советов. Они сумели твердо встать на защиту законности и своих суверенных прав.

Я выражаю признательность народам и правительствам зарубежных стран, которые в эти критические для нас дни выступили в защиту демократии в Советском Союзе, поддержали законное руководство страны. То, что произошло в эти дни, мало сказать, «большой урок для всех нас». Это тяжелый урок. Страшная наука. И надо сделать все необходимые выводы и в области государственного строительства, и в отношениях между республиками, между партиями и общест-

венными движениями, в межнациональных отношениях и, конечно, в экономической политике, в сфере духовно-нравственной.

На что рассчитывали заговорщики? На то, что народ устал от ожидания улучшения жизни, что кризис продолжается, спад производства не остановлен, тяжелое положение на рынке, расстроены финансы, растет преступность. Люди не хотят с этим мириться. И они правы. Но заговорщики не учли, что люди хотят, чтобы все эти вопросы решались законно, в рамках демократии, а не за счет свободы человеческих прав, не путем диктатуры и насилия. Нам надо сплоченнее и быстрее идти по пути радикальных реформ. Завтра состоится моя встреча с руководителями девяти республик. Мы все обсудим, все взвесим, продумаем неотложные меры, ближайшие перспективы, способы действий, взаимодействия, согласованные действия. И скажем об этом стране и миру.

Помимо наказания главарей заговора, чувство справедливости требует оценки действий и тех должностных лиц, которые могли, но не оказали противодействия перевороту, заняли выжидательную позицию, а то и готовы были пойти на поклон к преступному комитету по чрезвычайному положению.

Конечно, речь не идет о том, чтобы преследовать этих людей, если их действия не носили противоправного характера. Но общественность должна знать, кто чего стоит, кто как себя показал в этот ответственный момент, каково его истинное лицо. Я считал бы правильным, если бы лица, которые не нашли в себе мужества встать на защиту закона, сами подали в отставку с государственных постов.

Я уже говорил с руководителями республик о дальнейших планах действий, и, по-видимому, в ближайшее время будет назначена новая дата подписания договора. После этого последует принятие новой союзной Конституции, нового избирательного закона, выборы союзного парламента и Президента. Надо провести эту работу в установленные сроки, не затягивая, поскольку затяжка переходного периода, как видим, опасна для демократических преобразований.

Следует сделать должные выводы из того, что оказалась недостаточно надежной система государственной безопасности. Эти вопросы требуют самой тща-

тельной проработки, ими также надо заняться в ближайшее время.

Я, как Президент, глубоко переживаю все то, что случилось. И чувствую свою ответственность перед всеми вами. За то, что не все сделал для того, чтобы этого не произошло. Я должен сказать: то, что в эти дни мы все пережили,— это тяжелый урок, и прежде всего для меня. Урок и в отношении подхода к выдвижению руководящих кадров. Теперь видно, например, что Съезд народных депутатов, отказавшись в первом голосовании избирать вице-президента, был прав, а Президент, используя свои возможности, настоял на своем. И ошибся. И можно сказать, что это не единственная ошибка.

Сейчас первостепенная задача — вывести страну из шока. Было бы неоправданно считать, что вся опасность позади. В этой связи сейчас более всего необходима ответственная позиция всех политических сил, стоящих на принципах демократии. Все мы, кто сокрушил этот заговор, кто стал стеной на пути этих преступных замыслов, должны ни в коей мере не следовать тем методам, к которым они прибегали — заговорщики. Мы должны строго руководствоваться Конституцией и законом и действовать согласованно и ответственно. События этих дней показали, что общество уже вышло на новую ступень развития, что возврата назад не будет, как бы этого ни хотелось реакционным силам, что мы в принципе выбрали правильное направление прогресса страны.

Мы все пережили трудные дни. Так давайте пойдем смелее и решительнее вперед, наученные и этим горьким опытом. Благодарю вас всех, дорогие товарищи, от кого в эти дни все те, кто встал на защиту демократии, я, как Президент, получили самую и, может быть, самую главную поддержку.

Спасибо.

Правда. 1991. 23 августа

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА СССР

22 августа в Москве состоялась пресс-конференция Президента СССР М. С. Горбачева. Обращаясь к журналистам, он сказал:

За шесть с лишним лет моей деятельности на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Председателя Верховного Совета и Президента страны у меня было много встреч с вами и другими представителями прессы. Есть несколько пресс-конференций, которые мне запомнились на всю жизнь. Одна из них — после встречи в Рейкьявике. Сегодняшняя пресс-конференция проходит после событий, которые мне больше всего хотелось бы, чтобы никогда не повторились и чтобы подобных пресс-конференций на эту тему больше не было.

Мы прошли... Я хочу быть точным: прошли или не прошли? Прошли самое трудное испытание за все годы реформирования нашего общества после 1985 года. Мы столкнулись с настоящим — без всяких преувеличений — антиконституционным переворотом, организованным реакционными силами, оказавшимися в самом центре руководства, рядом с Президентом. Эти люди, которых я выдвигал, верил им, доверял, оказались не только участниками, но и организаторами заговора против Президента, против конституционного строя, против перестройки, против народа, против демократии.

18 августа в 17 часов без десяти минут мне сообщил начальник охраны, что прибыла группа лиц, которые требуют встречи со мной. Я сказал, что никого не ожидаю, никого не приглашал и меня никто не ставил об этом в известность. Начальник охраны сказал, что он также ничего не знает. Почему вы тогда пропустили их? Потому что с ними приехал начальник управления охраны госбезопасности Плеханов, ответил он. В другом случае охрана не пропустила бы их к Президенту. Таковы правила. Жесткие, но необходимые.

Я решил уточнить, кто их послал сюда. Поскольку со мной вся связь — и правительственная, и простая, и стратегическая, и космическая, и т. д. Поднимаю трубку одного из телефонов, я в кабинете как раз работал, не работает. Поднимаю вторую, третью, четвертую, пятую — тоже нет. Поднимаю внутренний телефон — выключено. Все. Изолирован.

Я понял, что эта миссия будет для меня не той миссией, с которой мы обычно имеем дело. Я позвал жену, дочь, зятя и сказал, что вот — произошло такое событие. Для меня не надо других данных: я вижу, что

речь идет об очень серьезном. Видимо, или сейчас будут шантажировать, или будет попытка арестовать, увезти, или что-то другое. В общем, все что угодно может быть. Я сказал Раисе Максимовне, Ирине и Анатолию, что если речь будет идти о главном, о политике, о курсе, то я до конца буду занимать свою позицию. Ни на какой шантаж, ни на какие угрозы, ни на какое давление не поддамся и других решений принимать не буду.

Я считал это нужным сказать, вы понимаете почему: за этим может последовать все. И прежде всего для членов семьи. Это мы тоже знаем.

Вся семья высказалась за то, что это должно быть моим решением: они готовы до конца разделить все, что будет. На этом закончился наш совет.

Я пошел, чтобы пригласить прибывших, но они во главе с начальником аппарата Президента Болдыным уже сами поднялись к кабинету — небывалая бесцеремонность.

Президенту был предложен ультиматум — передать полномочия вице-президенту. Я говорю: прежде чем я начну отвечать на вопросы, я хочу спросить: «Кто вас послал?» Ответ: «Комитет».

Как рассказал далее М. С. Горбачев на пресс-конференции, затем произошел такой диалог с заговорщиками:

— Какой комитет?

— Ну вот — комитет в связи с чрезвычайной обстановкой в стране.

— Кто его создал? Я не создавал, Верховный Совет не создавал. Кто его создал?

Речь шла о том, что люди уже объединились и нужен указ Президента. Вопрос перед ним поставлен так: или вы издайте указ и оставайтесь здесь, или передайте полномочия вице-президенту.

— В связи с чем так ставится вопрос?

— Ситуация в стране такая — страна катится к катастрофе, надо принимать меры, нужно чрезвычайное положение — уже другие меры не спасут, нельзя больше предаваться иллюзиям...

И так далее.

Мой ответ, продолжал М. С. Горбачев, состоял в том, что я лучше всех их знаю политическую, экономическую, социальную ситуацию в стране, положение людей, их жизнь, все тяготы, которые они несут сей-

час. И то, что мы подошли к такой фазе, когда надо делать быстрее и решительнее все то, что нужно для улучшения жизни. Но я решительный противник — не только по политическим и моральным соображениям — таких способов решения вопросов, которые всегда приводили к тому, что гибли люди — сотнями, тысячами, миллионами. От этого мы должны навсегда отказаться. Иначе все, что мы начали проводить в жизнь, мы должны предать и похоронить. И опять согласиться с тем, что мы должны пойти на новый кровавый круг.

Поэтому я сказал: и вы, и те, кто вас послал, — авантюристы. Вы погубите себя — ну, это черт с вами, это вы сами, ваше дело, — погубите страну, все то, что мы делаем. Сейчас мы подошли к подписанию договора. Вслед за этим мы — целый месяц работали — готовили крупные решения по продовольственным, топливным, финансовым проблемам, с тем чтобы быстрее стабилизировать политическую и экономическую ситуацию, быстрее развивать рыночные процессы. Дать людям больше возможности развернуться во всех сферах жизни. И это — после того, когда наметилось согласие. Да, его не хватает — мы не избавились от подозрений и с той, и с другой стороны. И в отношениях между республиками и центром, и в отношениях между политическим и общественным движением — все это есть. Но единственный путь — искать согласие. Оно появилось, и мы начали продвигаться вперед. Только самоубийцы могут предлагать сейчас вводить тоталитарный режим в стране.

Прозвучало требование: подайте в отставку.

Я говорю: вы не дождетесь от меня ни того, ни другого. Передайте это всем тем, кто вас послал сюда. Больше у нас с вами никаких разговоров не будет. Вы можете сказать, что Президент готов немедленно подписаться под любой телеграммой. А у нас есть повод — мы подписываем 20 августа новый Союзный договор. Кстати — это был конец воскресенья, — я завершал работу над выступлением на этом торжественном акте (в четыре часа вечера еще с Шахназаровым обменивался мнениями, а рядом со мной был другой помощник — Черняев, но он на беседе не присутствовал). Там мы встретимся со многими руководителями, а на 21 августа назначено заседание Совета Федерации: мы будем обсуждать все эти вопросы. Надо до-

говариваться о том, о чем мы не смогли договориться на уровне правительства.

Вот они, центральные вопросы. Там надо добиваться решения, говорю, а не таким путем, как вы хотите. Ну что вы — завтра чрезвычайное положение объявите? Что дальше? Вы хоть спрогнозируйте на один день, на четыре шага — что дальше? Страна отвергнет, она не поддержит все эти меры. Вы хотите сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он готов подержать уже любого диктатора...

Кстати, я в эти дни как раз и работал с товарищем Черняевым над очень крупной статьей — она вырисовывалась в 32 страницы. И там один из таких сценариев был, и вот его персонажи тут и появились. Моя аргументация по этому сценарию состояла в том, что это — гибель для общества, тупик, это отбросит общество и похоронит все, что мы теперь имеем.

Я готов пойти на созыв Съезда народных депутатов, Верховного Совета, раз у части руководства есть сомнения. Давайте собираться, давайте обсуждать. Депутаты все на местах, знают, что там происходит. Давайте принимать чрезвычайное решение, другие меры. Я буду отстаивать путь согласия, путь к углублению реформ, сотрудничества с Западом, три главных направления, их сейчас надо синхронизировать, взаимодействовать. Тем более есть встречные желания народов сотрудничать с нами сейчас, на этом решающем этапе.

Но это был разговор с глухонемым. Они уже, видимо, были готовы. Машина была запущена — теперь это ясно. Я сказал: все, больше у нас разговора не может быть. Доложите, что я выступаю категорически против, что вы потерпите поражение. Но мне страшно за народ и за то, что мы сделали за эти годы... Вот так закончилось.

Но после того как на свой ультиматум они получили мое ультимативное требование доложить мои выводы, все стало развиваться уже по логике противоборства. Полная изоляция со стороны моря и суши. Осталось со мной 32 человека из охраны. Они до конца решили стоять, разделили все сферы защиты, включая семью, распределили все места. Когда стало известно, что на пресс-конференции сказано было, будто я тяжело болен и вряд ли вернусь к нормальной жизни, то мне стало ясно, что за этим последует то, чтобы

фактическая сторона синхронно была подведена под это заявление. То же самое поняли и со стороны охраны. И решено было отказаться от заказов пищи и жить на то, что там у нас было под руками. Я был абсолютно хладнокровен, хотя до глубины потрясен и возмущен политической слепотой и безответственностью этих преступников. Был уверен, убежден, что все это так долго продолжаться не может — у них не пройдет.

72 часа сплошной изоляции, борьбы. Я думаю, было все сделано для того, чтобы психологически сломить Президента. Тяжело это, что же говорить тут...

Каждый день, утром и вечером, я выдвигал и переправлял требования о том, чтобы связь была восстановлена, чтобы немедленно прибыл самолет и я вылетел в Москву, к месту работы. После пресс-конференции я к этим требованиям добавил, чтобы было опубликовано опровержение лживости сообщения о состоянии моего здоровья — сообщение этих очень здоровых людей, у которых руки перед вами тряслись, сказал М. С. Горбачев под смех и аплодисменты журналистов. Вы, продолжал он, ставили хорошие вопросы и поиздевались над ними: это же фарс.

Выключено было все. Но — ребята соображающие — нашли какие-то старые приемники в служебных помещениях, приспособили антенны и начали ловить, что попадет. Лучшее всего звучали передачи Би-би-си, «Свободы». Потом появился «Голос Америки», по крайней мере мне так докладывали, ссылаясь на эту информацию.

Далее М. С. Горбачев выразил благодарность советским и иностранным журналистам, сказал, что сделал это и в только что записанном на телевидении обращении к советскому народу. Он отметил, что люди заняли гражданскую, ответственную позицию и не пошли на сотрудничество с ГКЧП. То, что было сделано, — сделано насильно. Я знаю, сказал Президент, мне уже много рассказали о том, что творилось.

Я хочу сказать здесь перед вами, продолжал М. С. Горбачев, что я — по-настоящему с вами. Все вы увидели, что не зря эти шесть лет с таким трудом и в таких трудных и болезненных поисках мы искали пути движения вперед. Общество отвергло путчистов. Они оказались изолированными. Им не удалось направить армию против народа. Армия вошла в контакт с

людьми — и ничего никто не мог сделать. Им стало ясно, что они провалились.

Республики заняли правильную позицию. И здесь я должен воздать должное и на первое место поставить принципиальную позицию российского парламента, российских депутатов, российского правительства и выдающуюся роль Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Я должен сказать, что сегодня заслуживает того, чтобы мы также воздали должное принципиальной позиции москвичей и ленинградцев, жителей многих других регионов. Попытка создать видимость, что страна прямо чуть ли не поддерживает их... Ну, они что-то и нашли — у нас все сейчас можно найти.

А в принципе страна отвергла этот кровавый путь. Я думаю, лучшего аргумента, большего плебисцита, свидетельствующих о действительной позиции народа, каким-то иным путем трудно получить. М. С. Горбачев упомянул о том, что в эти дни он переговорил с президентом Бушем, президентом Миттераном, канцлером Коелем, премьер-министром Мейджором, Малруни, Хоуком, Кайфу, Андреотти, президентом Мубараком... В общем, кроме Каддафи, Хусейна и Рубикса. (Смех в зале.)

Понимаю, что нелегко идут процессы в Прибалтике, в других республиках, но не видеть, что путь их решения совсем в другой плоскости, — это тоже политическая слепота. Вот почему я говорю о Рубиксе — он поспешил побыстрее заявить о том, что, как мне сказали, он поддержал этот комитет.

Когда стало ясно, когда такую непримиримую позицию заняли Россия, ее руководство, другие республики, народ, что армия не пошла против него, они в панике начали искать выход.

Мне доложили, что прибыла группа заговорщиков в Крым на президентском самолете, с тем чтобы Президента привезти в Москву. Когда они пришли, я сказал: посадите их в дом, возьмите под стражу и передайте мое требование, что я ни с кем из них не буду разговаривать до тех пор, пока не будет включена правительственная связь. Они сказали, что это долго. Ничего, говорю, мне теперь уже спешить некуда. (Смех в зале.)

Была включена связь, и я начал разговаривать со страной. Поговорил первым делом с Борисом Николае-

вичем Ельциным, позвонил Назарбаеву, Кравчуку, Дементею, Каримову. Я им сказал, что стою тут со своим гарнизоном. (Смех.) Но так и было: 72 часа в таком страшном напряжении. У охраны сложилось мнение, что нас могут с моря забрать. Но, как стало ясно, наоборот — моряки давали знак Президенту, что они его могут выручить.

М. С. Горбачев отметил, что флот не участвовал в акциях заговорщиков.

Потом, сказал он далее, я начал работать. Я дал указание Моисееву принять на себя руководство Министерством обороны — его отозвали из Крыма, — немедленно вернуть все войска в казармы, в места расположения. И сообщить, что Язов отстраняется от должности и будет арестован.

Все это было сделано. Я нашел коменданта Кремля и спросил, в чьем подчинении полк Комитета госбезопасности, потребовал вызвать командира полка. Вызвали. По телефону дал указание: никому не подчиняться, кроме меня и коменданта Кремля. Он сказал: «Так и будет».

В общем, я начал обзванивать все самые важные точки, чтобы перекрыть сразу все, потому что все это было еще опасно. Могли уничтожить и по пути, и где угодно. Я решил не выезжать.

Потом мне сказали, что летит самолет с делегацией Российской Федерации. Я сказал, что буду прежде всего принимать их. Связался с министром Панюковым, связался с Моисеевым, сказал, чтобы их самолет посадили не в Симферополе (иначе три часа будут ехать до меня), а на военном аэродроме. Дал команду встретить их, организовать транспорт, чтобы привезли. Приехала делегация, мы поговорили и обнаружили большое понимание. Думаю, то, что мы пережили, прибавило нам всем не только опыта, но и понимания. Вот что значит, когда демократические силы объединены, и что значит, когда они разъединены. Ведь мы можем иногда на каком-то вопросе друг другу лбы порасшибать и объявить друг друга чуть ли не врагами.

Мы, сказал далее Президент, начали думать о том, как перебираться. Потом мне потребовалось сделать еще много указаний. Прибыли отдельно Ивашко и Лукьянов. Добрались, хотя им не давали транспорт. Их я принял. Заговорщиков я не принимал и не принял, и не видел их, и не хочу их видеть. Мы их разде-

лили по самолетам, привезли, а при выходе из самолета все были арестованы и изолированы. Я дал команду в Кремль коменданту — никого не пускать из тех, кто сотрудничал с ними.

Назавтра я назначил встречу руководителей девяти республик, выработавших договор и подготовивших его к подписанию. Завтра мы встретимся и должны все обсудить.

Тяжелые уроки, лично для меня — тяжелейшие. Это просто моя тяжелая травма, признался Михаил Сергеевич.

Думаю, что завтра мы выйдем на обсуждение, обдумывание и выработку позиций по главным вопросам движения вперед и новым шагам. Надо видеть в этом не только беду, которая нас постигла, но и огромный шанс, который показали эти события. Они показали истинную позицию нашего народа. В разговорах с руководителями иностранных государств все они обратили внимание именно на то, что позиция народа, позиция армии показали, что в Союзе произошли уже такие перемены, которые обратного хода не дадут. Поэтому они надеются, что мы воспользуемся всеми этими возможностями. Все они заявили, что будут сотрудничать, и считают, что это сотрудничество должно принять более активные, более решительные формы. Я принял сегодня 12 послов стран ЕЭС. Они заявили о своей солидарности и поддержке.

Какие приняты решения? Я издал указ...

Да, кстати, вы знаете, дело так выглядело, что ведь могли уничтожить или что угодно сделать со мной, с семьей, со всеми, кто со мной был, и выдать, что Президент вот такую-то позицию занимает, более того, что, дескать, от его имени и действовали. Поэтому на пресс-конференции мне стало видно все это коварство, хотя примитивное, грубое, как мне один из товарищей из Российской Федерации сказал, даже это не умеют делать, как и многое другое.

Я решил немедленно записаться на видеопленку. Четыре записи сделал, разрезали пленку ребята — Ирина и Анатолий — на четыре части, и мы начали искать каналы, кому можно доверять, чтобы отправить эту пленку.

Президент показывает ее журналистам. Вот одна из них, говорит он, я передаю ее Игнатенко, пусть посмотрит, другие могут появиться, потому что они все-

таки ушли. Врач написал свое мнение в нескольких экземплярах, и мы отдали и распространили, с тем чтобы все знали подлинное состояние здоровья Президента. И я, наконец, выдвинул первые четыре пункта письменно и от руки добавил, чтобы видели, что это я написал (на пишущей машинке четыре пункта написаны), и подписал свое заявление.

Первый пункт: принятие на себя Янаевым исполнения обязанностей Президента под предлогом моей болезни, невозможности исполнять свои обязанности — обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот.

Второе. Это значит, что все последующие действия являются незаконными и неправомерными: ни Президент, ни Съезд народных депутатов таких полномочий Янаеву не давали.

Третье. Прошу передать Лукьянову мое требование о срочном созыве Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов для рассмотрения сложившейся ситуации, ибо они и только они, рассмотрев сложившуюся обстановку, вправе решить вопрос о необходимых государственных мерах и механизме их реализации.

Четвертое. Требую немедленно приостановить действия Государственного комитета по чрезвычайному положению впредь до принятия упомянутых решений Верховным Советом или Съездом народных депутатов. Продолжение этих действий, дальнейшая эскалация принимаемых ГКЧП мер могут обернуться трагедией для всех народов, еще больше обострить обстановку, а то и полностью сорвать начатую согласованную работу центра и республик по выходу из кризиса.

Я требовал ответа. Мне сказали: ждите, будет. Сначала вообще никаких ответов, потом сказали: будет ответ. Но ничего не было.

Вот такая ситуация.

Сейчас самое главное — надо принять решение. Я отменил все решения и вице-президента, и комитета, и кабинета, которые в эти дни состоялись. Пользуясь своей властью, я отстранил и освободил их от занимаемых постов. А то, что требует решения Верховного Совета, представил на рассмотрение. Прокурор СССР доложил мне, что он возбудил уголовное дело вчера, и мы договорились, чтобы следственная бригада состояла из следователей СССР и РСФСР.

Приняты временные решения и в тех сферах, где нельзя просто такие службы бросать ни на день. Завтра, когда мы встретимся с руководителями республик, начнем обдумывать расстановку сил, в том числе и главным образом чтобы действовала власть, чтобы согласованные действия нарастали. Нельзя терять времени, есть программа, надо двигаться вперед, решать проблемы. Это самое главное.

Десятки взметнувшихся рук свидетельствуют о том, сколько у прессы вопросов к Президенту СССР. Один из первых сводится к следующему: почему в окружении главы государства оказались люди, способные на мятеж?

Мы никогда не должны забывать, в каком обществе осуществляются реформы, причем в таких масштабах, с такой глубиной и размахом, сказал М. С. Горбачев. Это своеобразие нашей страны. То, что в ней происходило в течение десятилетий, даже столетий, диктует не только темпы, глубину преобразований, но и способы, формы решения избранных задач.

Я прямо скажу, что на первых этапах, пока мы не создали общественное мнение, демократическую обстановку в стране, вот такой поворот мог бы увенчаться успехом. И моя задача все эти годы была провести, сохранить и спасти этот политический курс.

На последних этапах положение изменилось коренным образом. Во-первых, после XIX Всесоюзной партконференции пошли глубокие демократические процессы, создалась другая атмосфера. А затем — выборы и, конечно, гласность. И конечно, — пресса (даже при всей той направленности и неуравновешенности, что есть и что было в последние дни). Вчера тоже, между прочим, со мной связалась из российского Союза журналистов группа журналистов. Я сказал: знаете, всем нам надо быть очень внимательными, уроки для всех есть, потому что пользовались поводом, остротой, иногда бесцеремонностью, которая в газетах была, — что, вот, дескать, кто идет на смену, народ пугает, вот, это ползет диктатура с той стороны. А с другой — другая.

Дав краткий анализ расстановки политических сил в обществе на различных этапах перестройки, Президент продолжает ответ: мы подошли сейчас к решающему этапу перемен. Власть меняется, отношения собственности меняются, федерация меняется. Уже близ-

ко было подписание нового Союзного договора. И не случайно то, что сделано, произошло накануне подписания договора. Отсюда и острота схваток. Это надо всем понять, извлечь из случившегося уроки.

В этой ситуации все спешили — и сторонники, и противники перемен. Различные подходы, варианты не только возникали, но и публично выдвигались, в том числе и на Съезде народных депутатов слышалось: «Долой Президента!» Были и призывы создать некий «комитет общественного спасения». Тут нет никакой новости.

Я же видел свою задачу в том, чтобы сохранить курс перестройки. Впервые в истории этой страны стремился все решать бескровным путем, на основе согласия. Убежден в этом, до конца буду на том стоять!

Президента СССР спрашивают, как он относится к указам и постановлениям Президента России Б. Н. Ельцина, принятым на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР в дни кризиса.

Считаю, что в той обстановке россияне действовали, исходя из высших интересов. То, что они приняли, было продиктовано этой ситуацией, ответил М. С. Горбачев.

Журналисты просят Президента высказать его личное отношение к организаторам путча.

Я уже сказал, что случившееся — это урок и для меня, ответил М. С. Горбачев. В частности, вижу, что Съезд народных депутатов СССР был прав, когда он с первого захода не избрал вице-президента, а я настоял. Это моя ошибка, и не единственная. Я это вижу теперь. Скажу также откровенно, я особенно верил Язову и Крючкову.

— Как после всего этого изменились Вы сами, Ваше поведение? — спрашивает один из присутствующих.

Мои выводы, говорит М. С. Горбачев, — решительно продвигать вперед реформы. Для этого нужна перегруппировка сил. Этим надо заняться немедленно. Без этого не будет согласованности действий и мы не обеспечим продвижения реформ.

Один из вопросов касается позиции КПСС в дни кризиса. Журналист, задавший этот вопрос, считает, что партия не имеет права в критический момент уйти в сторону, отмалчиваться. Отвечает ли такой политический организм сегодняшним требованиям?

Считаю, это — один из важнейших вопросов, заявил Президент. Это та реальность, которую мы должны видеть, знать, понимать. Вижу свой долг, буду делать все, что в моих силах, для того, чтобы изгнать из КПСС реакционные силы. На основе ее новой Программы, считаю, есть возможность объединить все прогрессивное, все лучшее, думающее в партии. Поэтому, когда в целом о партии говорят как о реакционной силе, я с этим не согласен. Знаю тысячи людей в ее рядах — они настоящие демократы, привержены перестройке, привержены нашей борьбе. И не сдаются, не гнутся. Вот это должна ясно обозначить новая Программа КПСС. Никогда не соглашусь, чтобы Программа устраивала тех, кто тоскует по старым временам. Поэтому мы должны сделать все для того, чтобы реформировалась сама партия, чтобы она стала живой силой перестройки. Что касается позиций коммунистов, в том числе и по отношению к случившемуся, то, за исключением некоторых комитетов, они во многих случаях, особенно рядовые коммунисты, отмежевались от заговорщиков.

Говоря о позиции Секретариата ЦК КПСС, М. С. Горбачев сказал, что руководство заметалось. Но в конце концов под воздействием здоровых сил Секретариат принял правильное решение. Как стало известно Михаилу Сергеевичу, два человека заявили о выходе из состава Политбюро, потому что не согласны с тем, что Политбюро или Секретариат не поддерживали требования о поддержке мер чрезвычайного комитета. Как мне сказали, продолжал М. С. Горбачев, это — Шенин и Прокофьев. Но зато там были люди, которые сражались за то, чтобы потребовать немедленной встречи. Это — позиция Ивашко и Дзасохова, особенно Купцова и других. В конце концов было вынесено требование, добрались до Генерального секретаря в Крым.

Один из зарубежных репортеров спрашивает: у кого сейчас больше власти — у Президента СССР или Президента России.

Я так вопрос не ставлю, пояснил М. С. Горбачев; мы делаем с Борисом Николаевичем в последние месяцы все для того, чтобы согласие, наше сотрудничество с ним стало постоянным фактором объединения всех демократических сил вместе со всеми республиками. Это показали и последние дни. Давайте думать

об этом. Такую позицию кое-кто пытается взорвать, но нас уже закалила ситуация, мы знаем, кто есть кто на самом деле.

Кроме политических, звучит «чисто личный» вопрос: как пережили вместе с Вами эти три тяжелейших дня Раиса Максимовна и члены Вашей семьи?

Лучше всех пережила Анастасия, внучка, ответил Михаил Сергеевич. Она ничего не понимала и бегала, требовала вести ее на море... И приходилось вести. Но в последние дни охрана потребовала, чтобы этого не было. Потому что может произойти все что угодно. Поэтому мы, так сказать, окопались, закупорились. Тяжело перенесли все это Раиса Максимовна и дочь, вчера с Раисой Максимовной было плохо, но, кажется, это — эпизод.

Снова возникают вопросы, авторы которых пытаются понять: что же двигало заговорщиками?

Это лидеры той части общества, которая не желает, боится перемен, говорит Президент. У нас в стране — системный кризис, но мы выходим из него.

Один из участников пресс-конференции выражает опасения, что подобные «сценарии» могут иметь продолжение. В этой связи ставится, в частности, вопрос о месте и роли службы охраны Президента в структуре Комитета государственной безопасности СССР, о положении средств массовой информации, их истинной свободе.

Что касается службы охраны, то я не считал этот вопрос настолько важным, чтобы заниматься им сейчас, в это напряженное время. Я к этому отношусь вообще спокойно, ответил М. С. Горбачев. Может быть, есть смысл подумать над этой проблемой, однако и сейчас считаю — не она главная.

Важнее вопрос относительно роли средств массовой информации. Вообще не вижу иного пути, как сохранить завоевания демократии на этом направлении, без этого, думаю, не было бы того, что проявилось в нашем народе в эти дни, когда он встал стеной на пути диктатуры, если бы так активно наряду с народом не выступила демократическая пресса. Хочу, чтобы и вы подумали над уроками этих событий.

Нам нужна политическая культура, при которой возможен конструктивный политический диалог. Я — за такой диалог. Однако не могу принять бесцеремонности, бестактности, которые проявляются порой в ра-

боте средств массовой информации. Страшно не терплю хамства в прессе по отношению к человеку. Особенно если человек этот придерживается иного мнения. Какой уж тут плюрализм! Культура и ответственность не повредят ни политическим движениям, ни политической борьбе, ни самой прессе. Убежден, что самое большое воздействие оказывают аргументированные выступления. Я их ценю даже тогда, когда не разделяю позиций автора, подчеркнул Президент. Нужен анализ, а не политическая трескотня.

Один из вопросов касается выхода из КПСС А. Н. Яковлева.

Уже в отпуске узнал из прессы, каким образом решила ЦКК вопрос в отношении Яковлева, ответил М. С. Горбачев. Это еще раз говорит о том, что действительно предстоит тяжелая борьба за обновление самой партии. Ведь даже не было разговора с А. Н. Яковлевым. Значит, партия живет ненормально. Об этом следует сказать.

Но и сам Александр Николаевич, думается, поспешил. А мне он говорил, что будет до конца бороться за реформирование партии. Жалею, что уходят силы, которые должны внести свой вклад в то, чтобы реформировать партию. Вижу собственную роль в этом и не собираюсь сдавать позиции. Я на них останусь. Но не пойду ни на какие уступки в принципиальных вопросах. Они проявились в проекте новой Программы КПСС. До конца буду бороться за обновление партии. Препятствий же для встреч и бесед с А. Н. Яковлевым с моей стороны нет. Тем более для встреч с теми, с кем я много соли съел.

— Российский парламент называет А. И. Лукьянова одним из идеологов неудавшегося переворота. Как Вы оцениваете его роль? — спросили Президента СССР.

Я беседовал с ним, ответил М. С. Горбачев. Он рассказал о действиях, шагах, которые принимал в данной обстановке. Я принял к сведению все эти заявления. Думаю, мы должны все друг другу сказать начистоту, поставить все точки над «і». Нельзя допустить, чтобы в руководстве страны вновь возникла ситуация, подобная нынешней. Она способна свергнуть общество в катастрофу.

Поэтому сейчас, когда я говорю о перегруппировке сил, надо подтянуть те силы, которые привержены до

конца курсу преобразований и будут за это драться. Я думаю, что все позиции будут обсуждены и в Верховном Совете СССР, и на Съезде народных депутатов. То же и с позицией А. И. Лукьянова: нужно рассмотреть, что в ней есть ценного, конструктивного, а что — неприемлемо. Надо послушать и его самого.

Следующий вопрос вновь касается ситуации в КПСС. Могут ли в ней восторжествовать консервативные силы, возможен ли уход из нее самого М. С. Горбачева, в случае если обновление партии не произойдет?

Я отношусь к людям, которые никогда не скрывали своих позиций, напомнил Президент. Являюсь убежденным приверженцем социалистической идеи. Эта идея пробивает дорогу на протяжении многих веков. У нее много сторонников, они возглавили правительства ряда государств. Есть разные ветви социалистического движения, ибо оно — не какая-то модель, колodka, под которую надо подгонять и общество. Нет, это идея, именно идея, которая включает в себя ценности, выработанные в ходе поиска более справедливого общества, лучшего мира. Это идея, которая питается и многими достижениями христианства, других философских течений. Я рассуждаю как демократ, поскольку не может быть социалистической идеи без демократии, без правильного и надежного решения социальных вопросов. Рассуждая на эту тему, нельзя обращаться лишь к тому, к чему привела реализация сталинской модели организации общества. Какое это имеет отношение к социалистической идее?

Поэтому иной раз и задают вопрос: Октябрьская революция — это катастрофа или все-таки истинная революция? Понимаю, почему такой вопрос возникает. Потому что исторические результаты, на которые рассчитывали люди, делавшие эту революцию, не оправдались. Но это не были результаты реализации идей Октября, подлинно народной революции. То были результаты насильственного внедрения сталинской модели организации общества. Тут нельзя, не следует путать одно с другим. Поэтому я сознательно занимаю избранную позицию. Идей социализации присутствуют во многих других общественных течениях. Что же касается моих собственных взглядов, то я человек принципиальный. И не флюгер. За все эти годы делал все, чтобы покончить со сталинизмом. Если не осуществить

этого, нечего и думать о реализации социалистической идеи. Напомню ленинское положение о том, что социализм — это живое творчество масс. Вот оно, отрицание всякой модели. Сотворить жизнь в каждой стране должны сами люди. И мы должны наращивать, развернуть процессы демократизации во всех сферах. Думаю, что это все — движение к большей справедливости по отношению к человеку, утверждению его прав и свобод, прав и свобод народов. Это и есть движение в направлении реализации социалистической идеи. Таково мое понимание проблемы.

Один из журналистов встревожен: а не осталось ли в обществе, стране корней неудавшегося заговора? С ними нужно решительно бороться.

Не думаю, ответил М. С. Горбачев, что мы должны после всего случившегося организовать «охоту на ведьм», действовать, как действовали в былые времена. Нет. Мы должны в рамках демократии и гласности, движения к правовому государству решать все на основе закона. Поэтому, когда мне сегодня сказали, что после митинга колонны двинулись к Старой площади, к зданию КГБ, общими усилиями было сделано все, чтобы не возникло опасных инцидентов: это был бы большой подарок реакции. Все должно быть только в рамках закона и законности.

Сейчас нужно быть очень внимательными, сохранять выдержку, не поддаваться на провокации. Впереди у всех нас много трудной работы. Прежде всего надо сделать все, что дало бы улучшение жизни людей. Это самое главное сейчас.

Следует еще одна серия вопросов, цель которых — выяснить отношение к недавним высказываниям и поступкам Э. А. Шеварднадзе, и — к ряду инициаторов путча. Президенту СССР вновь приходится касаться перипетий сложных человеческих проблем, столкновений и драм в условиях острейшей борьбы за обновление жизни общества, страны. Для меня лично все происшедшее явилось тяжелым испытанием, признался М. С. Горбачев.

Несмотря на то что Президент вот уже ровно 100 часов находится в состоянии предельного физического и нервного напряжения, он нашел в себе силы ответить также на многие вопросы, заданные ему вне рамок пресс-конференции.

Правда. 1991. 23 августа

РОССИЯ СПАСЛА ДЕМОКРАТИЮ, СПАСЛА МИР

**Выступление Президента России Б. Н. Ельцина
на митинге около «Белого дома»
в 12.00 22 августа 1991 года**

Дорогие москвичи, граждане России, всей страны!
Соотечественники!

В прошедшую ночь произошли крупные события. В 22 часа прекращена деятельность антизаконного комитета по чрезвычайному положению.

Группа авантюристов, пытавшихся захватить власть, арестована.

Попытка круто изменить направление развития нашей страны, ввергнуть ее в пучину насилия и произвола, провалилась.

На третьи сутки антиконституционный, антинародный мятеж был ликвидирован.

За предельно короткое время существования «диктатуры восьми» стало абсолютно ясно, что ждет страну, если путчисты одержат победу и захватят власть.

С первых минут диктатуры грубая сила оказалась главным средством проведения антинародной политики. На улицы мирных городов вышла военная техника. Солдаты снова были выведены из казарм для того, чтобы с помощью оружия «умиротворить» мирных граждан.

Снова пролилась кровь невинных людей. Страна была поставлена на грань гражданской войны, нависла зловещая угроза над жизнью многих тысяч людей.

Была предпринята злобная попытка задушить свободу и демократию, возродить волчьи законы тоталитарной системы.

За считанные часы страну затопило море лжи, начиная от мнимой болезни Президента, отстраненного от власти, и кончая тем, что народ приветствует чрезвычайное положение, чуть ли не ликует.

За считанные часы была растоптана гласность. Даже во времена сталинизма не было такой жесткой цензуры, которую ввели путчисты.

Основные удары заговорщиков были направлены против Москвы, Ленинграда, Прибалтики. Но, думаю, не ошибусь, если скажу — центральной мишенью, избранной путчистами, стала Россия, ее многонациональный народ.

В Москву вошли сотни танков и десятки тысяч военнослужащих. Была поставлена задача овладеть Домом Советов, где размещается парламент и правительство России, и арестовать его руководство и Президента.

Я знаю, многие из участников этого митинга были здесь в самые тяжелые моменты обороны Дома России. Несмотря на дождь, холод и реальную угрозу жизни, вы не покидали этого места, которое стало 19—20—21 августа самым опасным в столице.

Многие тысячи москвичей в эти дни и ночи проявили стойкость, гражданственность и героизм. Именно они остановили наступление реакции и нанесли ей сокрушительное поражение.

Вашим оружием была огромная воля защитить идеалы свободы, демократии и достоинства человека. Оно оказалось самым эффективным! Выражаю сердечную признательность майору Евдокимову, танки которого заняли линию обороны вокруг Дома Советов, генерал-майору Лебедею, командиру Тульской воздушно-десантной дивизии, который вместе со своими подчиненными не дал путчистам захватить политический центр новой России.

Приношу глубокую благодарность тысячам военнослужащих, работникам правоохранительных органов и органов безопасности, истинным патриотам России, которые пришли к ней на помощь в роковые часы.

Неоценимую роль в срыве мятежа сыграла активная позиция жителей многих городов и сел страны, в первую очередь Москвы и Ленинграда, людей разных возрастов и профессий, мужчин и женщин. Веское слово в защиту суверенных прав России снова сказали шахтеры, рабочие других сфер производства.

Наши совместные усилия увенчались успехом, одержана крупная победа над силами реакции!

С первого шага деятельность так называемого комитета по чрезвычайному положению вступила в вопиющее противоречие не только с законом, Конституцией, декларациями о государственном суверенитете республик, но и с элементарными нравственными нормами. Изолировав Президента СССР, путчисты вступили на путь государственного преступления.

Все противозаконные и антиконституционные действия, как и прежде, были негласно санкционированы неосталинистским ядром руководства ЦК КПСС.

Нельзя считать законной деятельность Российской компартии, которая до сих пор не зарегистрирована. Множество различных фактов позволяет сделать вывод, что идеологом этого путча был Лукьянов. Это еще раз бросило тень на рядовых коммунистов, которые, убежден, не должны разделять ответственность за подобные действия.

В то же время понятно, что восемь человек не смогли бы привести страну в оцепенение даже на миг. Это произошло потому, что они опирались на партийно-государственные структуры как в центре, так и кое-где на местах. Они владели значительной информацией о том, что происходит в стране. Они пользовались услугами своих, прежде всего партийных, приспешников, в том числе и в средствах массовой информации.

Со всей очевидностью стало ясно — необходимо более решительно проводить в жизнь процесс департизации, и прежде всего в государственных структурах.

Потребуется время, чтобы восстановить полную картину происшедшего. Будут предприняты и депутатские, и журналистские расследования. Но этого недостаточно. Совершенно тягчайшее государственное преступление, и преступники, изменники Родины, должны быть преданы суду. Генеральный прокурор возбудил уголовное дело. Должно последовать возмездие за содеянное. И не ради мести, а ради высшей, человеческой справедливости. Ради того, чтобы подобное никогда не повторилось в нашей стране. Силами МВД РСФСР взяты под стражу Янаев, Язов, Крючков, Павлов — в больнице, Тизяков.

Нужно было действовать быстро и решительно, чтобы перехватить инициативу у мятежников, не дать им закрепиться. Поэтому уже с 7 часов утра 19 августа начал действовать штаб по нейтрализации их преступной деятельности здесь, в Доме Советов.

К народам России обратились Президент, Председатель Совета Министров и первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР.

Указом Президента России деятельность комитета на территории РСФСР была признана незаконной, а его приказы — не подлежащими выполнению.

Было принято решение об организации оперативного управления народнохозяйственным комплексом республики в чрезвычайных условиях. Все органы исполнительной власти Союза ССР, включая Вооружен-

ные Силы, КГБ и МВД СССР, действующие на территории Российской Федерации, переданы в непосредственное подчинение избранного народом Президента России.

До восстановления полномочий законных органов власти страны Президент РСФСР взял на себя командование Вооруженными Силами, размещенными на территории Российской Федерации. Министром обороны республики был назначен генерал-полковник Кобец.

Были приняты и другие оперативные меры по скорейшей нейтрализации путчистов. Поддерживались контакты с руководителями многих государств мира. Я обратился с посланием к Президенту США Дж. Бушу. Главы большинства стран мира вчера ночью и сегодня утром позвонили и сказали огромное спасибо всем народам России, самой России за то, что она спасла демократию, спасла мир.

Теперь появляется немало новых спасителей Отечества. Не имею желаний осуждать их, только возникает вопрос, где они были, почему молчали, когда заговорщики рвались к власти и использовали ее во вред народу.

Всем нам надо извлечь серьезные уроки из происшедшего.

Мы снова убедились, как хрупка еще в нашем обществе свобода, как уязвимы демократия и гласность.

Мы снова убедились, что реформы, которые проводятся в стране, не стали еще необратимыми. Есть еще немалые возможности у тех, кто хочет их остановить и повернуть вспять. Это — хороший урок для всех нас, в том числе и для Горбачева.

В то же время еще раз доказано, как велики силы народа. Политический курс России, руководства был защищен безоружными мирными гражданами.

Символично, что среди тех, кто встал на защиту Конституции, закона и достоинства человека, много молодежи. Это значит, что будущее курса на реформы обеспечено. Молодое поколение его не только принимает, но и встает на защиту.

Прошедшие дни заставляют сделать ряд выводов.

Сегодня крайне опасно отставание реформ в центре от преобразований в республиках.

Августовский путч еще раз показал — союзные структуры по-прежнему консервативны, недопустимо

громоздки, работают прежде всего на себя. Они в любой момент стремятся восстановить свой диктат по отношению к республикам. Нужны немедленные и решительные их преобразования.

Нельзя откладывать дальше формирование правительства народного доверия. Оно должно быть мобильным, эффективным, рационально устроенным. Решающее слово в его формировании должно принадлежать республикам, образующим Союз.

Необходимы коррективы и в вопросе о Союзном договоре.

Государственный переворот сорвал его подписание. Но недопустимо снова откладывать эту процедуру на неопределенный срок.

В то же время Россия, да и не только она, убедилась, что некоторые статьи последнего варианта договора оказались откровенно слабыми и их надо откорректировать. С другой стороны, в этом документе должен быть учтен опыт, который мы приобрели в эти черные дни.

Жизнь сурово указала нам — Россия не может чувствовать себя в безопасности без своей национальной гвардии. Вице-президенту А. В. Руцкому уже поручено заняться этим вопросом.

Мы намерены занять более принципиальную позицию в вопросах обеспечения экономического суверенитета России. Российская Федерация должна обладать полноценной экономикой, и уже подписан указ о передаче объектов союзной собственности на территории России под ее юрисдикцию.

Дни правления пресловутого ГКЧП показали, что сверхузвимиными являются средства массовой информации.

Необходимо в самые короткие сроки принять решительные меры по укреплению системы средств массовой информации в республике. Незыблемость свободы слова — важнейшее условие прогресса российского общества. Соответствующий указ подготовлен и уже подписан. Готовятся и другие меры.

Требую незамедлительных преобразований структуры политической власти Союза. Они должны быть организованы так, чтобы исключить впредь любые попытки узурпации власти, попрание интересов республики.

Особый вопрос — позиция ряда партий, средств мас-

совой информации, властных структур в дни переворота. Не может оставаться безнаказанной поддержка противозаконных и антиконституционных действий, кто бы ее ни осуществлял.

Вчера Верховный Совет республики поручил мне также произвести кадровые перестановки в тех регионах, где руководители поддержали антизаконный комитет по чрезвычайному положению. И раньше эти люди находились фактически в состоянии «холодной войны» с руководством России, теперь они должны уйти со своих постов. Указ об этом уже подписан.

Уважаемые сограждане!

Положение в стране нормализуется. Уходят в прошлое позорные дни правления кучки высокопоставленных авантюристов. Но за это заплачена слишком высокая цена. Невосполнима утрата человеческих жизней, жизни людей, погибших во время путча. Огромны потери в народном хозяйстве. Но все-таки главное в том, что переворот провалился!

Страна выходит из навязанного ей кризиса. Силы, которые его организовали, исторически обречены! И прежде всего потому, что народ уже сделал свой выбор и отказываться от него не намерен! Он освободился от страха!

Призываю всех сограждан во имя национального единства приступить к созидательной работе, направленной на возрождение и обновление России!

Россия. 1991. № 33

ОБРАЩЕНИЕ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Дорогие соотечественники!

Несколько дней назад я обратился к вам, ко всем гражданам России, с призывом дать отпор реакционной кучке высокопоставленных путчистов, воспрепятствовать их стремлению задушить демократические процессы в стране, не допустить возможности свергнуть многострадальный народ в хаос гражданской войны.

В сложившейся драматической, а подчас и критической ситуации преступному заговору была противопоставлена сила — сила народа, сбросившего с себя оковы 70-летнего рабства.

Именно благодаря поддержке всех слоев населения, особенно молодежи, патриотически настроенных воинов Советской Армии, работников МВД РСФСР, решительные действия руководства Российской Федерации обрели подлинную силу и обеспечили победу над политическими авантюристами, которые будут преданы суду.

В настоящее время созданы условия и появилась возможность стабилизировать политическую обстановку в стране, укрепить российскую государственность. Антиконституционные акты пресловутого «советского руководства» признаны недействительными, вновь восторжествовал закон.

Выражаю искреннюю признательность трудовым коллективам, военнослужащим, всем гражданам РСФСР за оказанную поддержку, солидарность в столь трудный для государства российского час.

Выражаю уверенность, что именно этот час станет началом долгожданной консолидации общества на пути движения к прогрессу.

Необходимость во всеобщей забастовке, как средстве отпора путчистам, миновала.

Призываю всех сограждан во имя национального единства приступить к созидательной работе, направленной на экономическое и социальное обновление России, укрепление ее независимости и могущества.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Известия. 1991. 23 августа

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА СССР

Указом Президента СССР М. С. Горбачева от 22 августа в связи с возбуждением Прокуратурой Союза ССР уголовного дела в отношении Павлова В. С. за участие в антиконституционном заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР. Данное решение внесено на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР,

Правда. 1991. 23 августа

В. Надеин

НОВЫЕ МИНИСТРЫ ВМЕСТО ЗАГОВОРЩИКОВ

Президент СССР М. С. Горбачев подписал серию указов, пополнив ряды Кабинета министров СССР, изрядно поредевшие в результате массового участия членов Кабинета в антиконституционном путче.

Самые серьезные изменения коснулись руководства трех министерств, имеющих вооруженные формирования. После лихорадочно поспешного, а по этой, вероятно, причине крайне неудачного назначения генерала М. Моисеева исполняющим обязанности министра обороны СССР, Президент страны счел целесообразным заполнить сразу несколько вакансий.

Как уже известно, место маршала Д. Т. Язова, снятого указом в четверг, сразу по прилете Горбачева в Москву, но еще до подписания этого указа арестованного, занял генерал Евгений Иванович Шапошников, занимавший до данного назначения должность главнокомандующего Военно-Воздушными Силами.

Первым заместителем министра обороны — начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Президент назначил Владимира Николаевича Лобова. Заместителем министра обороны СССР стал П. С. Грачев, вступивший после мятежа также и на пост председателя Государственного комитета РСФСР по делам обороны.

Кадровые изменения на высшем уровне произвел Президент страны и в Министерстве внутренних дел СССР. В. П. Трушин исполнял обязанности министра неполные сутки. 23 августа он от этих обязанностей освобожден. Указом Президента СССР этот пост отдан Виктору Павловичу Баранникову.

Недолгим был и срок, в течение которого Комитет госбезопасности СССР возглавлял Леонид Владимирович Шебаршин. Зловещее ведомство, от которого до сих пор зависела жизнь каждого из нас, возглавил, согласно указу Президента СССР, известный демократическими убеждениями Вадим Викторович Бакагин.

Об отставке, данной Президентом министру иностранных дел СССР А. А. Бессмертных, первым сообщило одно из американских агентств. Затем состоялся телефонный разговор госсекретаря США Дж. Бейке-

ра с А. А. Бессмертных. Советский министр сказал, что он уволен из-за «пассивности» в дни путча.

Несколько часов спустя после того как эта новость стала активно обсуждаться во всем мире, неспешный ТАСС послал в нашу редакцию документальное подтверждение.

Известия. 1991. 24 августа

О РУКОВОДИТЕЛЕ АППАРАТА ПРЕЗИДЕНТА СССР

Распоряжением Президента СССР М. С. Горбачева от 22 августа 1991 года руководителем аппарата Президента СССР назначен Григорий Иванович Ревенко. От исполнения этих обязанностей освобожден В. И. Болдин.

Правда. 1991. 23 августа

О НАЧАЛЬНИКЕ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ КГБ СССР

Указом Президента СССР М. С. Горбачева от 22 августа Плеханов Юрий Сергеевич освобожден от должности начальника службы охраны Комитета государственной безопасности СССР и члена коллегии КГБ СССР. Плеханов Ю. С. лишен воинского звания генерал-лейтенанта.

Правда. 1991. 23 августа

В НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННОМ СОЮЗЕ СССР

1. За участие в антиконституционных действиях, выразившихся в создании так называемого ГКЧП и фактическом введении режима, повлекшего за собой человеческие жертвы, снять А. И. Тизякова с поста вице-президента Научно-промышленного союза СССР и вывести его из состава правления союза.

2. Просить Ассоциацию государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи СССР рассмотреть вопрос о пребывании А. И. Тизякова в качестве президента этой ассоциации.

Бюро правления НПС СССР

Правда. 1991. 23 августа

МЫ ПОБЕДИЛИ ПОТОМУ, ЧТО НАШЕ ДЕЛО БЫЛО ПРАВОЕ

На сессии Верховного Совета РСФСР

Кажется, сама природа оплакивала минувшие три дня тот ужас, который учинил в стране самозванный ГКЧП. А с утра 22 августа в Москве было хоть и пасмурно, но сухо. И толпы народа, скопившиеся у «Белого дома» (а многие, боясь провокаций, дежурили там всю ночь), ликовали. Однако часто еще можно слышать призывы не спешить праздновать победу: демократия целых три дня, как говорится, висела на волоске...

Вот и депутаты тоже предупреждали о том, чтобы в порыве эйфории не забывать об опасности. А началось заседание с заявления Р. Хасбулатова: «Мы победили потому, что наше дело было правое». Звучит Гимн России. Слово предоставляется Президенту РСФСР Б. Ельцину. Он проинформировал депутатов о последних событиях. Все члены так называемого ГКЧП — Язов, Крючков, Янаев, Тизяков — арестованы, кроме двух, являющихся народными депутатами СССР — Бакланова и Стародубцева. Поскольку В. Павлов находится в больнице, то там приставлена к нему охрана. Пуго, как стало известно уже после заседания парламента, покончил жизнь самоубийством.

Накануне, отметил Б. Ельцин, И. Силаев и А. Ручкой летали в Крым. Самолет долго не удавалось посадить там, где находился Президент СССР. Но поддержка адмирала Чернавина, его подразделений на месте, министра гражданской авиации позволила осуществить посадку в назначенном месте. На этом же самолете Президент СССР, его супруга и дочь прибыли в Москву. Слова Б. Ельцина о том, что в ближайших сутки М. Горбачев приступит к своим обязанностям, были встречены шквалом аплодисментов.

Б. Ельцин отметил оперативную работу российских органов внутренних дел, выполнивших свой долг.

В соответствии с поручением Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин отстранил от должности ряд председателей облисполкомов, принявших к исполнению незаконные указания антиконституционного ГКЧП.

Б. Ельцин сказал, что в течение минувшей ночи и утром ему позвонили руководители практически всех крупных государств и поздравили российский парламент, руководство России с победой, отметили их мужество, оперативность и четкость действий в эти трагические дни для России, страны и всего мира. «Россия спасла демократию,— отметил Президент.— И даже «Правда» сегодня на первой странице крупными буквами написала: «Россия спасает Союз». Насчет «Правды» и «Советской России» мы еще с вами посмотрим, а что касается телевидения, то оно взято под юрисдикцию России, а председатель Гостелерадио Л. Кравченко моим указом от должности отстранен».

Президент поблагодарил всех, кто участвовал в операции «Белого дома» во главе с генерал-полковником К. Кобецем.

Выступивший следом К. Кобец отметил, что депутаты показали преданность демократии, Конституции, всенародно избранному Президенту. Он вспомнил слова Б. Ельцина, когда тому предложили выехать в безопасное место: «Мы или победим, или умрем вместе со всеми». Он предложил объявить 22 августа национальным праздником.

Вообще нужно сказать, что вчерашний день прошел при небывалом подъеме. Это и понятно: именно российский парламент, российский Президент первыми в стране сориентировались, ни минуты не сомневаясь в истинных целях, которые преследовала жалкая группа бездарных политиканов, объявивших себя законной властью. Именно позиция российского руководства, твердо отстаивавшего конституционные нормы, демократию, обезоружила путчистов, позволила верно сориентироваться партиям и общественным организациям. По сути дела, российский парламент и руководители республик разрядили тот шок, в котором оказалась страна после переворота, грязный политический смысл которого очевиден и о нравственной стороне которого, уверен, еще напишут.

Но вместе с тем нельзя от всех людей требовать, чтобы они были героями. Одно дело — политические лидеры, вина которых безмерно велика, а трусость несовместима с должностью. Совсем другое — рядовые исполнители: ОМОН, милиция, военнослужащие и т. д.

И. Силаев в своем выступлении сказал, что идейным вдохновителем переворота был А. Лукьянов. Время, думаю, установит истинность данного обвинения. Но уже сейчас очевидно, что та двойственная позиция Председателя союзного парламента, которую он занимал все эти три черных дня, неоперативное реагирование Президиума Верховного Совета страны — прежде всего на его совести.

Резкой критике подвергся и ЦК КПСС. Позиция ЦК проявилась лишь тогда, когда и без того всем все стало ясно.

Целиком поддержав постановление российского парламента, депутаты внесли в него ряд изменений, направленных на преодоление последствий заговора.

Эти три тревожных дня были проверкой молодой нашей демократии на прочность. И проверку эту она выдержала. Но это и предупреждение каждому из нас: во всех своих поступках необходимо прежде всего руководствоваться голосом совести.

Сессия Верховного Совета России повестку исчерпала и завершила свою работу. Наверное, самую трудную, которая когда-либо выпадала на долю депутатов.

Правда. 1991. 23 августа

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» Совету Министров РСФСР поручено до 1 января 1992 года обеспечить передачу и принятие в ведение органов государственного управления РСФСР и республик в составе РСФСР предприятий и организаций союзного подчинения, находящихся на территории Российской Федерации, за исключением тех, управление которыми передано согласно законодательству РСФСР соответствующим органам СССР. Указанные предприятия и организации обязаны обеспечить безусловное выполнение в 1991 году государственных заказов и договорных обязательств.

До 1 января 1992 года постановлено разработать и представить Президенту РСФСР предложения по расширению масштабов использования мощностей

предприятий оборонных отраслей промышленности, расположенных на территории РСФСР, в интересах повышения жизненного уровня народа. До 1 января 1993 года осуществить необходимые мероприятия по разработке и внедрению единых систем экономико-статистических показателей финансово-хозяйственной деятельности, бухгалтерского учета хозяйствующих субъектов и кодирования товаров, отвечающих принятым в международной практике правилам.

Предприятия и организации, расположенные либо осуществляющие деятельность на территории РСФСР (в том числе союзного подчинения), руководствуются законодательством РСФСР и применяют законы и иные акты органов Союза ССР в порядке, установленном Законом РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР».

Совету Министров РСФСР совместно с Центральным банком РСФСР представить до 1 октября 1991 года Президенту РСФСР предложения по: формированию золотого запаса, алмазного и валютного фондов РСФСР; определению доли РСФСР, подлежащей направлению на погашение внешнего долга СССР, а также доли, подлежащей получению при разделении долгов зарубежных стран Союзу ССР; налогообложению валютных доходов предприятий, организаций и граждан; совершенствованию кредитно-расчетного механизма и оздоровлению финансов, предусмотрев возможность совместных действий с другими союзными республиками.

Совету Министров РСФСР поручено подготовить предложение о приостановлении на территории РСФСР действия Указа Президента СССР от 2 ноября 1990 года «Об особом порядке использования валютных ресурсов в 1991 году».

Установить, что на территории РСФСР (включая континентальный шельф) разведка и добыча полезных ископаемых, промысловый лов рыбы, добыча водных животных и растений осуществляются только на основании специального разрешения (лицензии). Предприятия, организации и граждане, занимающиеся этими видами деятельности, обязаны до 1 июля 1992 года получить соответствующие лицензии.

Указом Президента республики поручено Совету Министров РСФСР представить до 1 января 1992 года предложения о порядке лицензирования указанных

видов деятельности, а также о привлечении иностранных инвестиций и предоставлении концессий иностранным юридическим лицам для разведки и добычи полезных ископаемых на территории республики (включая континентальный шельф).

Совету Министров РСФСР также поручено до 1 октября 1991 года обеспечить создание системы союзно-республиканских таможенных органов РСФСР; согласовать с Кабинетом министров СССР порядок совместного установления ставок таможенных пошлин по экспортно-импортным операциям, осуществляемым с территории РСФСР. Решения союзных органов, касающиеся порядка ввоза (вывоза) товаров, а также установления размеров таможенных пошлин, принятые без согласования с полномочными органами РСФСР, на территории РСФСР не действуют.

Совету Министров РСФСР, исполнительным органам власти республик в составе РСФСР до 1 января 1992 года поручено обеспечить проведение регистрации всех хозяйствующих субъектов, передаваемых в ведение органов государственного управления РСФСР и республик в составе РСФСР в соответствии с настоящим указом.

Главной государственной налоговой инспекции при Министерстве финансов РСФСР постановлено подготовить и внести до 1 ноября 1991 года предложения о порядке ведения налоговыми органами учета предпринимательской деятельности и выдачи свидетельств (лицензий) на право ее осуществления.

Совету Министров РСФСР поручено осуществлять в ходе реализации настоящего указа взаимодействие с союзными республиками и республиками в составе РСФСР по вопросам, затрагивающим их интересы.

Для обеспечения контроля за соблюдением экономических интересов РСФСР решено создать при Президенте РСФСР Комитет по защите экономических интересов РСФСР.

Контроль за исполнением настоящего указа возложен на Совет Министров РСФСР и Комитет по защите экономических интересов РСФСР.

Совету Министров РСФСР поручено регулярно информировать Президента РСФСР о ходе выполнения настоящего указа.

Указ вступает в силу с момента его опубликования.
Правда. 1991. 23 августа

О СОЗЫВЕ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

22 августа в Кремле под руководством председателей палат Верховного Совета СССР И. Д. Лаптева и Р. Н. Нишанова было продолжено заседание Президиума Верховного Совета СССР.

После всестороннего и принципиального обмена мнениями по вопросам, связанным с попыткой государственного переворота, предпринятого группой лиц, было признано необходимым включить в повестку дня предстоящей внеочередной сессии Верховного Совета СССР следующие вопросы:

1. Доклад Президента СССР М. С. Горбачева о ситуации, возникшей в стране в связи с попыткой государственного переворота.

2. О созыве внеочередного Съезда народных депутатов СССР.

3. Об оценке роли руководства Верховного Совета СССР, государственных органов СССР в событиях 18 августа 1991 года и в последующие дни.

4. О перечне первоочередных мер и законодательных актов, которые бы исключили возможность повторения событий, подобных тем, что имели место 18—21 августа 1991 года.

5. Об изменениях в составе правительства СССР и других государственных органов.

Президиум, рассмотрев представление Генерального прокурора СССР, дал согласие на привлечение к уголовной ответственности и арест за участие в заговоре с целью захвата власти народных депутатов СССР О. Д. Бакланова, В. И. Болдина, В. И. Вареникова, В. А. Стародубцева, О. С. Шенина.

По предложению группы народных депутатов СССР Президиум Верховного Совета СССР поручил председательствовать на внеочередной сессии Верховного Совета СССР поочередно председателям палат Верховного Совета СССР.

Правда. 1991. 23 августа

О СОЗЫВЕ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

22 августа в Доме Советов РСФСР под председательством исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова со-

стоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР.

Принято решение созвать очередную сессию Верховного Совета РСФСР 19 сентября в г. Москве.

Обсуждены вопросы, связанные с оценкой деятельности руководителей местных Советов народных депутатов в период государственного переворота.

На заседании рассмотрены и другие вопросы государственной жизни Российской Федерации.

Правда. 1991. 23 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ВЕРХОВНЫХ СОВЕТОВ РЕСПУБЛИК, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ РСФСР

Мы, руководители республик, входящих в состав Российской Федерации, считаем необходимым заявить, что в период государственного переворота наши республики высказались в поддержку законно избранной власти РСФСР, ее Конституции и законов, не подчинились ни одному решению и указанию так называемого ГКЧП.

Наши республики выступают за сохранение Российской Федерации как единого и неделимого государства, освященного вековыми традициями и славной историей единой многонациональной семьи наших народов.

Считаем необходимым принятие экстренных мер по стабилизации в стране политической обстановки, основой которой может быть только Союзный договор, доработанный с учетом сложившейся ситуации. Заявляем, что Союзный договор должен быть подписан от имени РСФСР единой Российской Федерацией.

Мы считаем, что в данной обстановке решающим условием выхода страны из кризиса и стабилизации экономики может быть только незамедлительное и твердое проведение радикальных экономических реформ.

Мы обращаемся ко всем гражданам, всем народам и народностям великой России в этот трудный час сплотиться и объединить усилия для укрепления единства и могущества нашей Родины.

Мы призываем к единению и сплочению народы всех республик Советского Союза. Только этот путь является залогом того, что наша страна будет занимать достойное место в мировом сообществе.

Председатель Верховного Совета Северо-Осетинской ССР
А. Галазов,
Председатель Верховного Совета Карельской АССР В. Степанов,
Председатель Верховного Совета Якутской-Саха ССР
М. Николаев,
Председатель Верховного Совета Удмуртской АССР
(Удмуртской Республики) В. Тубылов,
Председатель Верховного Совета Калмыцкой ССР В. Басанов,
Председатель Верховного Совета Дагестанской ССР М. Магомедов,
Председатель Верховного Совета Коми ССР Ю. Спиридонов,
Председатель Верховного Совета Башкирской ССР М. Рахимов,
Председатель Верховного Совета Мордовской ССР Н. Бирюков,
Председатель Верховного Совета Марийской ССР В. Зотин
Отдел информации Президента РСФСР

Известия. 1991. 29 августа

Ю. Махрин

СЕССИЯ МОССОВЕТА

22 августа начала работу чрезвычайная сессия Моссовета. В повестке дня один вопрос: о ситуации в городе в связи с попыткой государственного переворота.

Слово было предоставлено мэру столицы Г. Попову. Он, в частности, сказал:

— В последние два-три месяца в нашей стране начался процесс, к которому призывали демократические силы, — формирование конструктивного большинства, которое было готово взять на себя решение основных проблем жизни страны. Было очевидно, что если блок новых сил укрепляется, то автоматически теряют власть аппарат КПСС и все связанные с ним структуры. Вот это было единственной причиной путча — реальная перспектива потери власти. Суть путча — это попытка вернуть власть аппарату КПСС.

Далее оратор призвал национализировать имущество КПСС, закрыть или бойкотировать партийные издания, демонополизировать периодические издания, в том числе и Моссовета. Мэр столицы предложил выступить с ходатайством о присвоении звания Героя

Советского Союза Б. Н. Ельцину. Сессия приняла решение о присвоении ему звания «Почетный гражданин Москвы» — за беспредельное личное мужество.

Моссовет принял развернутое решение в связи с попыткой государственного переворота. Мэру и правоохранительным органам поручено привлечь к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц, грубо нарушивших законность или препятствовавших исполнению решений законных органов власти. Запрещена деятельность общественных организаций, поддержавших путчистов, в частности Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда.

Признано целесообразным обратиться в Верховный Совет РСФСР с предложением о передаче ряда типографий в ведение Моссовета. Установлен срок выполнения Указа Президента России «О департизации» на территории Москвы — 15 сентября с. г.

Решено создать депутатскую комиссию по рассмотрению всех обстоятельств, связанных с информацией о деятельности ряда депутатов во время путча.

Правда. 1991. 23 августа

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНТАКТЫ ПРЕЗИДЕНТА СССР

22 августа М. С. Горбачеву в Кремль позвонили председатель правительства Италии Джулио Андреотти, президент Египта Хосни Мубарак, премьер-министр Великобритании Джон Мейджор, премьер-министр Канады Брайан Малруни, премьер-министр Японии Тосики Кайфу, премьер-министр Австралии Роберт Хоук, президент Франции Франсуа Миттеран, канцлер Германии Гельмут Коль.

К сожалению, из-за крайней уплотненности этого рабочего дня по возвращении в Москву М. С. Горбачеву не удалось поговорить с сообщавшими о таком своем желании руководителями других государств и правительств. Это отложено на завтра.

Руководители иностранных государств и правительств поздравили Президента СССР, советский народ с победой демократических сил над заговорщиками, посягнувшими на перестройку. Они высоко оценили роль в этом Президента России Б. Н. Ельцина, российского парламента, населения Москвы и Ленинграда.

Почти во всех этих телефонных беседах затрагивались и деловые вопросы, перспективы сотрудничества. Многие сообщили, что их решения о приостановке сотрудничества, кредитования и т. п. они уже отменили и полностью восстанавливают действие прежних договоренностей и соглашений на этот счет.

Это было чрезвычайно дружеское общение людей, свидетельствующее о том, что они несут совместную ответственность перед миром, делают одно большое и новое международное дело во имя безопасности и прогресса.

М. С. Горбачев принял послов 12 государств — членов Европейского сообщества. Рассказал им о событиях этих дней. Дал оценку заговора и попытки государственного переворота, который кончился полным крахом. Говорил о причинах, почему этот заговор был обречен.

Послы от имени своих народов и государств передали приветы и добрые пожелания Президенту, его семье, которая выдержала вместе с ним это тяжелое испытание, поддержала его морально, помогала ему во всем.

Президенту СССР было вручено заявление Европейского сообщества и государств — членов ЕС, в котором выражены чувства глубокого облегчения и удовлетворения, что с заговором покончено, что демократия в Советском Союзе вновь восторжествовала и процесс преобразований продолжается. ЕС сообщает в этом заявлении, что принятое им 20 августа решение о приостановлении помощи Советскому Союзу в форме кредитов для закупок продовольствия и технологии отменено.

Правда. 1991. 23 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

В критический момент истории государства Секретариат ЦК считает необходимым довести свою позицию до коммунистов, всех граждан нашей страны.

В очередной раз руководящие органы КПСС поставлены перед тяжелыми фактами и необходимостью давать свою оценку уже свершившимся политическим событиям.

Процесс всестороннего обновления советского об-

щества, начатый КПСС в апреле 1985 года по инициативе Генерального секретаря ЦК партии М. С. Горбачева, является исторически необходимым и отвечает высшим интересам советского народа.

Секретариат подтверждает свою приверженность курсу на демократическое обновление советского общества — нашей многонациональной федерации, принципам и целям, изложенным в документах XXVIII съезда КПСС и в проекте новой Программы КПСС.

В последние годы было положено начало важным позитивным сдвигам в общественной жизни, созданы предпосылки для преодоления наследия тоталитарного прошлого. Однако масштабы накопившихся проблем, просчеты, допущенные при их разрешении, привели к глубокому кризису общества и государства. Тем не менее мы считаем, что преодоление кризиса должно осуществляться только конституционным путем.

Секретариат ЦК КПСС считает недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий для установления авторитарного режима, создания антиконституционных органов власти, попыток использования силы.

Мы выступаем за безотлагательное рассмотрение сложившегося положения Верховным Советом СССР, а при необходимости — Съездом народных депутатов.

Мы выступаем за срочное проведение пленума ЦК с непременным участием Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

Секретариат ЦК призывает коммунистов всемерно содействовать сохранению гражданского мира, поддержанию правопорядка в стране, созданию условий, в которых граждане СССР могли бы с полной ответственностью сами определить свое отношение к коренным проблемам развития общества.

Мы обращаемся ко всем гражданам с призывом соблюдать выдержку и спокойствие, не допускать сбоев в трудовом ритме. Особого внимания требуют завершение уборки урожая и подготовка к зиме. Необходимо сделать все, чтобы устранить угрозу энергетического и продовольственного кризиса.

Мы выражаем надежду, что добрая воля и труд советских людей обеспечат развитие страны по пути мира, согласия и созидания.

Секретариат ЦК КПСС

Правда. 1991. 22 августа

В СЕКРЕТАРИАТЕ ЦК КПСС

Секретариат ЦК КПСС отмечает, что в действиях, связанных с попыткой государственного переворота, принял участие ряд членов КПСС, в том числе членов ЦК. Их действия проводились втайне от руководства партии, поставили под угрозу развитие демократических процессов и нанесли огромный ущерб стране и КПСС. Решительно осуждая авантюристов, Секретариат ЦК КПСС постановляет:

1. Обратиться в Центральную Контрольную Комиссию КПСС с предложением незамедлительно рассмотреть вопрос об ответственности перед партией членов КПСС, участвовавших в антиконституционных действиях, и принять соответствующие решения.

2. Считать целесообразным на ближайшем пленуме ЦК КПСС рассмотреть вопрос о входящих в ЦК лицах, виновных в этих действиях.

Секретариат ЦК КПСС, считает необходимым выработать на пленуме ЦК меры по повышению ответственности и роли партии в осуществлении демократических преобразований в стране.

Правда. 1991. 23 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. НАЗАРБАЕВА

Президент Казахстана, первый секретарь ЦК республиканской партийной организации сообщил о том, что 19—20 августа из ЦК КПСС поступил ряд документов, неопровержимо свидетельствующих о поддержке Секретариатом ЦК КПСС действий и постановлений так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению. В одной из секретных записок прямо предписывалось коммунистам Казахстана принять меры по содействию ГКЧП. Кроме того, Н. Назарбаеву как члену Политбюро было предложено подписать проект заявления ЦК КПСС, в котором оправдывалась деятельность антиконституционного комитета. Он отказался.

Этим нынешнее руководство КПСС полностью дискредитировало себя и противопоставило себя рядовым коммунистам, продемонстрировало оторванность от истинных нужд и интересов народа, приверженность тоталитарному мышлению. В этой связи, говорится далее в заявлении, адресованном Политбюро ЦК КПСС,

считаю невозможным дальнейшее пребывание в составе нынешних Политбюро и ЦК КПСС и заявляю о своем выходе из вышеуказанных органов.

Как руководитель Казахской республиканской организации Н. Назарбаев намерен поставить перед коммунистами республики вопрос о выходе Компартии Казахстана из состава КПСС и создании самостоятельной партии.

Правда, Комсомольская правда. 1991. 23 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА

Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота, Центральный Комитет не сумел занять решительную позицию осуждения и противодействия, не поднял коммунистов на борьбу против попрания конституционной законности. Среди заговорщиков оказались члены партийного руководства, ряд партийных комитетов и средств массовой информации поддержали действия государственных преступников. Это поставило миллионы коммунистов в ложное положение.

Многие члены партии отказались сотрудничать с заговорщиками, осудили переворот и включились в борьбу против него. Никто не имеет морального права огульно обвинять всех коммунистов, и я, как Президент, считаю себя обязанным защитить их как граждан от необоснованных обвинений.

В этой обстановке ЦК КПСС должен принять трудное, но честное решение о самороспуске. Судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами.

Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия. Верю, что демократически настроенные коммунисты, сохранившие верность конституционной законности, курсу на обновление общества, выступят за создание на новой основе партии, способной вместе со всеми прогрессивными силами активно включиться в продолжение коренных демократических преобразований в интересах людей труда.

М. ГОРБАЧЕВ

Известия. 1991. 26 августа

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О деятельности КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР в период антиконституционного переворота

Попытка антиконституционного государственного переворота была предпринята высшими должностными лицами СССР, являющимися одновременно руководителями КПСС, членами ее Центрального Комитета. Членами компартии являются и возглавлявшие осуществление путча командующие военных округов и воинских соединений, частей и подразделений армии, КГБ и МВД СССР, руководители Советов и местной администрации, перешедшие на сторону путчистов. Ни один партийный комитет КПСС и КП РСФСР, включая и их ЦК, публично не осудил антиконституционные действия ГКЧП по время путча. Средства массовой информации КПСС обеспечивали идеологическую поддержку путчу, дезориентировали общество, обманывали народ, публиковали ложные сведения и документы, издаваемые антиконституционным органом, представляли как законные акты.

Указанные факты дают основание полагать, что деятельность КПСС и КП РСФСР на территории России в период государственного переворота противоречила части 2 статьи 3 Закона СССР «Об общественных объединениях», запрещающей методы действий общественных объединений, направленные на насильственное свержение законных органов власти и управления, и части 1 статьи 5 Закона СССР о печати и других средствах массовой информации, запрещающей, в частности, призыв к насильственному свержению или замене существующего государственного и общественного строя.

С учетом вышеизложенного Верховный Совет РСФСР

п о с т а н о в л я е т:

1. Органам Прокуратуры РСФСР провести расследование причастности руководящих органов и средств массовой информации КПСС и КП РСФСР к организации антиконституционного переворота.

2. Поручить Комитетам ВС по законодательству, по вопросам законности, правопорядка и борьбы с пре-

ступностью, по правам человека, по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и изучению общественного мнения (в 3-месячный срок) провести парламентское расследование участия КПСС и КП РСФСР в антиконституционном перевороте. Просить Конституционную комиссию принять участие в этом расследовании.

Первый заместитель Председателя
Верховного Совета РСФСР Р. И. ХАСБУЛАТОВ

Россия. 1991. № 33

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

О приостановлении выхода ряда коммунистических изданий

Президент РСФСР Б. Н. Ельцин издал 23 августа Указ.

В Указе говорится, что эти средства массовой информации вели активную кампанию клеветы против представителей законной власти, дезинформировали народ и, по сути, явились соучастниками государственного переворота.

«В связи с вышеуказанным временно приостановлены выпуски газет «Правда», «Советская Россия», «Гласность», «Рабочая трибуна», «Московская правда», «Ленинское знамя» как издания КПСС».

Имущество данных изданий, включая ТАСС и агентство Новости, передано в ведение государственных органов РСФСР.

Прокуратуре РСФСР дано поручение дать правовую оценку действий вышеуказанных газет.

Президент России также отстранил от исполнения должностных обязанностей директора ТАСС Л. Спиридонова и председателя информационного агентства Новости А. Власова «за осуществление дезинформации населения и мировой общественности о событиях в стране».

Кроме того, Совету Министров РСФСР поручено внести предложения о реорганизации ТАСС. Имущество агентства Новости, а также все расположенные на территории РСФСР издательства, полиграфи-

ческие и обслуживающие их предприятия, находящиеся в собственности КПСС (кроме издательств и полиграфических предприятий, расположенных на территории республик в составе РСФСР), передаются в ведение Министерства печати и массовой информации РСФСР.

Известия. 1991. 24 августа

НА СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

На сессии Верховного Совета СССР принято постановление о ситуации, возникшей в связи с имевшим место государственным переворотом. В нем кратко изложены события трагических трех дней, названы главные виновники путча, а также те органы, чья позиция или нерешительность действий нанесли стране политический и экономический ущерб, практически сорвали подписание Союзного договора.

Предложено внести необходимые изменения в Конституцию СССР и другие законодательные акты, которые обеспечили бы правовой механизм защиты конституционного строя, четкий порядок назначения и смещения высших должностных лиц. Отменен закон, предоставляющий Президенту СССР дополнительные полномочия. М. С. Горбачеву предложено выступить на внеочередном Съезде народных депутатов с докладом о положении в стране.

Республикам предложено ускорить подписание Союзного договора, скорректированного в соответствии с новой ситуацией в стране. Договоры об экономическом, валютно-финансовом сотрудничестве, обороне, экологии, защите прав и свобод граждан предлагается заключить также и тем республикам, которые не будут подписывать Союзный договор.

Политическую оценку обстоятельств государственного переворота даст парламентская комиссия, которую решено создать из народных депутатов СССР и представителей республик.

В постановлении выражено недоверие коллегии Прокуратуры СССР, принята отставка Генерального прокурора Н. Трубина. Органам прокуратуры поручено привлечь к ответственности всех участников государственного переворота. В то же время подчеркива-

ется недопустимость преследования граждан за их убеждения и принадлежность к политическим партиям.

Приостановлена деятельность КПСС на всей территории СССР, а МВД поручено обеспечить сохранность ее материальных ценностей и архивов. Будут расследованы данные об участии в путче руководящих органов КПСС.

Президенту СССР рекомендовано упразднить Комитет по координации деятельности правоохранительных органов.

На очередной сессии Верховного Совета СССР будут рассмотрены предложения по реорганизации МВД СССР, КГБ СССР и Министерства обороны. В месячный срок поручено разработать необходимые изменения и дополнения в Закон СССР «Об органах государственной безопасности в СССР».

Последним пунктом постановления предложено внеочередному Съезду провести обновление Верховного Совета СССР.

Известия. 1991. 31 августа

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР И ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

**По уполномочию Президента СССР
на внеочередном Съезде народных депутатов СССР
с ним выступил Н. А. Назарбаев**

В результате государственного переворота, совершенного 19—21 августа с. г., был сорван процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, что поставило страну на грань катастрофы.

Сложившаяся в стране после путча ситуация, если она выйдет из-под контроля, может привести к непредсказуемым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Мы констатируем, что срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакционным силам и по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым

создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В этих условиях законно избранные высшие руководители страны в лице Президента СССР, президентов и председателей Верховных Советов республик в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой политической, государственной системы отношений между республиками, формирования межреспубликанских, союзных структур власти на переходный период (до принятия новой Конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти) согласились с необходимостью:

1. Подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о союзе суверенных государств, в котором каждая из них сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе.

2. Обратиться ко всем республикам независимо от декларируемого ими статуса с предложением безотлагательно заключить экономический союз с целью взаимодействия в рамках единого свободного экономического пространства и для нормального функционирования народного хозяйства, жизнеобеспечения населения, ускоренного проведения радикальных экономических реформ.

3. В условиях переходного периода создать:

— Совет представителей народных депутатов по принципу равного представительства от союзных республик по 20 депутатов из числа народных депутатов СССР и республик, делегированных их Верховными Советами для решения общих принципиальных вопросов;

— Государственный совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик;

— для координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ создать временно межреспубликанский экономический комитет с представителями всех республик на паритетных началах.

Проект Конституции после его подготовки должен быть рассмотрен и утвержден парламентами союзных республик, а окончательное принятие осуществлено

на съезде полномочных представителей союзных республик.

Подтвердить сохранение статуса народных депутатов СССР за всеми избранными депутатами на весь срок, на который они были избраны.

В связи с этим мы обращаемся к Съезду с просьбой временно приостановить действие соответствующих статей Конституции СССР.

4. Заключить соглашение на принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых вооруженных сил и военно-стратегического пространства, проведения радикальных реформ в Вооруженных Силах, КГБ, МВД и Прокуратуре СССР с учетом суверенитета республик.

5. Подтвердить строгое соблюдение всех международных соглашений и обязательств, принятых на себя СССР, включая вопросы сокращения и контроля над вооружениями, внешнеэкономические обязательства.

6. Принять декларацию, гарантирующую права и свободы граждан вне зависимости от их национальности, места проживания, партийной принадлежности и политических взглядов, а также права национальных меньшинств.

7. Просить Съезд народных депутатов СССР поддержать обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

В связи с безотлагательностью проведения указанных мер, диктуемых сложившейся ситуацией, мы обращаемся к Съезду срочно принять решение по предложенным вопросам.

Заявление подписали Президент Союза ССР и высшие руководители РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Армении и Туркмении. Грузия участвовала в работе.

Известия. 1991. 2, 3 сентября

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

О мерах, вытекающих из совместного заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР

В результате государственного переворота, совершенного 19—21 августа 1991 года, был поставлен под угрозу процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами. Сложившаяся ситуация может привести к тяжелым последствиям внутри страны и в отношениях с зарубежными государствами.

Срыв заговора, победа демократических сил нанесли серьезный удар по реакции, по всему тому, что сдерживало процесс демократических преобразований. Тем самым создан исторический шанс для ускорения коренных преобразований, обновления страны.

В целях недопущения дальнейшего распада структур власти Съезд народных депутатов СССР объявляет переходный период для формирования новой системы государственных отношений, основанной на волеизъявлении республик и интересах народов.

Съезд народных депутатов СССР постановляет:

1. В основном одобрить предложения, вытекающие из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик, Постановления Верховного Совета СССР о ситуации, возникшей в стране в связи с государственным переворотом.

2. Ускорить подготовку и подписание Договора о Союзе Суверенных Государств, в котором каждое из них может самостоятельно определить форму своего участия в Союзе. Новый Союз должен основываться на принципах независимости и территориальной целостности государств, соблюдения прав человека и народов, социальной справедливости и демократии.

3. Разработать и заключить межреспубликанские соглашения (договоры) об экономическом, валютно-финансовом, научно-техническом сотрудничестве, экологической безопасности, защите прав и свобод граждан, о принципах коллективной безопасности и обороны при сохранении единых Вооруженных Сил, единого

руководства ядерным и другими арсеналами оружия массового поражения.

Межреспубликанскому экономическому комитету безотлагательно приступить к разработке и заключению договора об экономическом союзе, который носил бы открытый характер, а участие в нем не обусловливалось подписанием Союзного договора.

4. Президенту СССР, Верховному Совету СССР, Государственному Совету СССР обеспечить правопреемственность власти и управления, гарантируя мирный упорядоченный переход к демократическому гражданскому обществу.

5. В переходный период должны неукоснительно соблюдаться все международные соглашения и обязательства, принятые СССР, в том числе по вопросам сокращения и контроля над вооружениями, защиты прав человека, внешнеэкономические обязательства.

Поддержать стремление республик к признанию их субъектами международного права и рассмотрению вопроса об их членстве в ООН.

6. Всем государственным органам, учреждениям, организациям и должностным лицам в переходный период обеспечить соблюдение прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР, Декларацией прав и свобод человека, законами СССР и республик, свободу печати, совести, права на создание политических партий, профсоюзов, общественных объединений.

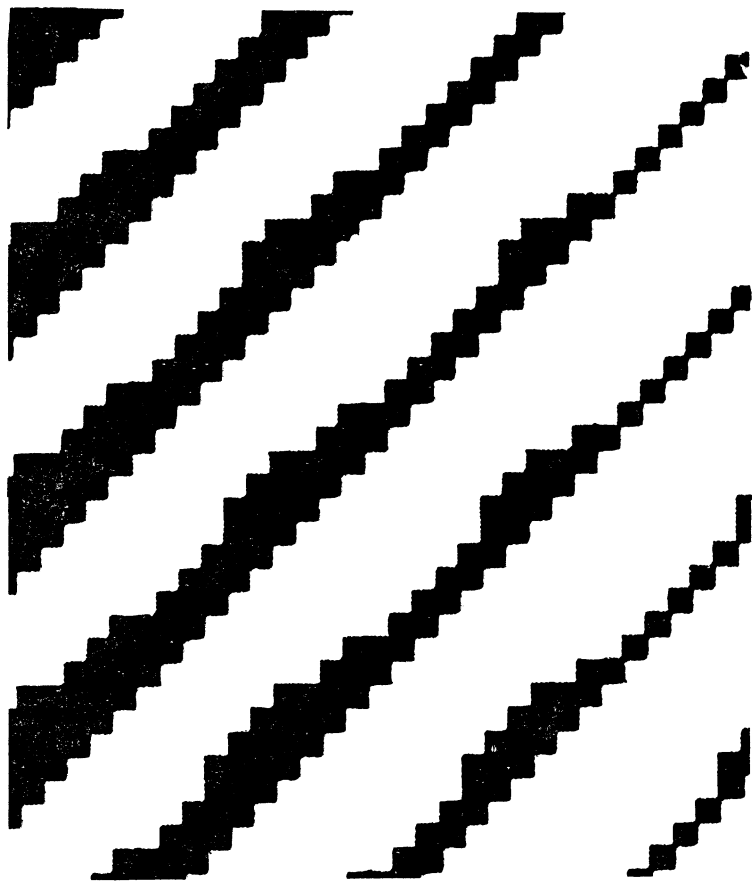
7. Уважая декларации о суверенитете и акты о независимости, принятые республиками, Съезд подчеркивает, что обретение независимости республиками, решившими отказаться от вхождения в новый Союз, требует проведения их переговоров с СССР для решения всего комплекса вопросов, связанных с отделением, а также их немедленного присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, к Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другим важнейшим международным договорам и соглашениям, включая те, которые гарантируют права и свободы личности.

Съезд народных депутатов СССР

Москва, Кремль.
5 сентября 1991 года

Известия. 1991. 6 сентября

СВИДЕТЕЛЬСТВА РАЗМЫШЛЕНИЯ ОЦЕНКИ

ФОРΟΣ, АВГУСТ-91

Дневник помощника
Президента СССР Анатолия Черняева

Несколько предварительных пояснений. Записи эти я начал делать 21 августа, еще будучи вместе с Президентом в блокаде. Но не успел их закончить. В тексте я помечу, что написано там, на месте, и что — в первые дни уже по прибытии в Москву.

Текст, как читатель заметит, местами «телеграфный». Поэтому нужна некоторая расшифровка. Ольга — это Ольга Васильевна Ланина, референт в секретариате Президента. Тамара, или Тома, — это Тамара Алексеевна Александрова, мой референт — помощника Президента. Шах — это Шахназаров. Инициалы М. С., Р. М. — понятны. «Южный» — это санаторий километрах в 12 от дачи Президента, там я и Ольга с Тамарой жили и ездили туда днем на обед. Работали мы в служебном помещении метрах в 50 от дачи.

Когда я писал там, через каждые полчаса включал «Маяк»: между новостями шли «симфонии», от которых в той обстановке тошнило. Надо же — использовать великую классику для прикрытия грязного дела! Так вот, сведения от «Маяка» я тут же фиксировал: эти места печатаются другим шрифтом. Примечания сделаны позже — при передаче текста в печать.

И еще: я не собирался публиковать эти заметки. Делал их по привычке вести дневник и уповая на то, что «рукописи не горят», хотя на этот раз надежды было не так уж много. Если же все-таки уцелеют, хотел оставить их для «мемуаров в отставке». Но нелепости, недоразумения и преднамеренные гнусности в отношении Президента в средствах массовой информации заставили меня изменить свое намерение.

21 августа 1991 года. Крым. Дача «Заря».

Видимо, пора писать хронику событий. Кроме меня, никто не напишет. А я оказался свидетелем поворота истории.

18-го, в воскресенье, после обеда в «Южном», мы с Ольгой вернулись «на работу». Тамара (по случаю воскресенья) попросила остаться в «Южном». Дел действительно не было. Речь для подписания Союзного договора была готова. Он ее несколько раз переиначивал, все требовал от нас с Шахназаровым (который отдыхал в «Южном» здесь, «на работе» никогда не бывал, общался с М. С. по телефону) укрупнять, а от меня еще — стилия.

Итак, около 4 часов мы с Ольгой въехали в зону дачи. У въезда стояли, как обычно, две милицейские машины, лежала лента с шипами, которую для нас отодвинули*.

А около пяти прибежала Ольга:

— Анатолий Сергеевич, что происходит! Приехал Болдин, с ним Бакланов и Шенин и еще какой-то генерал, высокий в очках, я его не знаю. (Потом оказалось Варенников.)

Я выглянул в дверь... У подъезда нашего «служебного» дома скопилось множество машин — все с антеннами, некоторые с сигнальными фонарями... толпа шоферов и охраны. Выглянул в окно — в сторону дома, где живет М. С... По дорожке ходит смурной Плеханов. На балконе виден издалека Болдин.

Ольга:

— Анатолий Сергеевич, все это неспроста... Вы знаете, что связь отключили?

Я снял трубку... одну, другую, третью, в том числе СК** — тишина. Стали гадать. Вслух я фантазировал насчет какой-нибудь новой аварии на АЭС (поскольку Бакланов...): накануне сообщили о неполадках на Тираспольской АЭС и на одном из блоков Чернобыля...

Но дело оказалось... гораздо хуже!

Четверо были у М. С.

Плеханов, Генералов (его зам.) и Медведев сидели на парапете лестницы под моим окном... Поглядывали, когда я подходил к окну... Включил транзистор... обычные передачи... Потом в этот день сообщили, что М. С.

* Кстати, лента эта в отличие от прошлого и позапрошлого года всегда лежала — с момента приезда Президента в Крым, а не со дня путча.

** Прямая связь через космос, которую обслуживают специальные телефонистки, находясь в специальном помещении в нескольких километрах от дачи Президента.

приветствовал какую-то очередную конференцию, что было передано его обращение к Наджибулле по случаю «ихнего» праздника (это я сам все писал...).

Примерно через час четверо отбыли. Уехал и Плеханов, забрав с собой Медведева, личного адъютанта Президента. Это уже был знак. Я и когда говорил Ольге насчет АЭС, понимал, что речь идет о Горбачеве.

Связь была отключена начисто.

Еще когда ехали с Олей сюда, она попросилась отпустить ее пораньше, часов в 5, чтоб поплавать и т. д. Но машина за ней не пришла. Шоферу я сказал, чтобы он за мной приехал в 6.30. Но и за мной он не приехал. Я через охранника-дежурного попросил, чтобы тот, кто остался среди них за старшего, объяснил мне, что происходит.

Минут через 10 явился Генералов Вячеслав Владимирович... Мы с ним хорошо знакомы по поездкам за границу с М. С. — он обычно руководил безопасностью Президента там... Очень вежливый. Попросил Ольгу оставить нас. Сел. «Анатолий Сергеевич, поймите меня правильно. Я здесь оставлен за старшего. Мне приказано никого не выпускать. Даже если бы я вас выпустил, вас тут же бы задержали пограничники: полукольцо от моря до моря в три ряда, дорога Севастополь — Ялта на этом участке закрыта, на море — видите — уже три корабля»...

Я задаю наивный вопрос: «А как же завтра с подписанием Союзного договора?»

Он: «Подписания не будет. Самолет, который прилетел за М. С., отправлен обратно в Москву. Гаражи с его машинами здесь на территории запломбированы, и их охраняют не мои люди, а специально присланные автоматчики.

Я не могу выпустить даже многочисленный обслуживающий персонал (местные — садовники, повара, уборщицы). Не знаю, где я их тут буду размещать».

Я опять наивно: «Но как же так... у меня в «Южном» вещи, в конце концов ужинать пора! Там Тамара Алексеевна (мой секретарь) мечется, ничего не может понять, ни до кого дозвониться...»

Он: «Ничего не могу сделать. Поймите меня, Анатолий Сергеевич. Я военный человек. Мне приказано... Никого! И никуда, никакой связи»,

Ушел...

Вернулась Ольга. Она живая, острая, умная (недавно замужем, ребенок — 1,5 года, и муж Коля... здесь в охране!!). Стала крыть Болдина, своего давнего начальника. Давно его не терпит. «Он-то зачем сюда явился?.. Показать, что он уже лижет... новым хозяевам?..» и т. п.

Время шло тупо.

Смеркалось, когда новый прикрепленный (вместо Медведева), симпатичный красавец Борис, передал, что М. С. просит меня выйти... Он, мол, здесь, гуляет возле дома.

Я быстро оделся. Иду и думаю: каким я его сейчас увижу... как он??

(10 утра. По «Маяку» сообщение коменданта Москвы — ночью первые столкновения, нападение на БТРы и патрулей на Смоленской площади (возле моего дома), у здания Верховного Совета РСФСР и у гостиницы ВС — есть убитые и раненые. Итак — первая кровь. Комендант все валит на «хулиганствующие элементы» и уголовников...)

(В 12.00 по «Маяку»: Ивашко заявил в обращении к Янаеву: «ПБ и Секретариат ЦК не может вынести свое суждение о событиях до тех пор, пока не встретится с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым!» Это — да!.. Особенно после этого) *.

Итак: у входа в свой дом стояли М. С., Р. М., Ирочка — дочь и Толя — зять. Пошутили: кому холодно, кому жарко. Потому что М. С. был в теплой кофте, за два дня перед тем ему «вступило» в поясницу, старый радикулит, но уже прошел. М. С.: «Просили беречься». Он вообще боится сквозняков.

Он был спокоен, ровен, улыбался:

— Ну, ты, знаешь, что произошло?

— Нет, откуда же мне знать. Я только из окна наблюдал. Видел Плеханова, Болдина. Говорят, какой-то генерал в очках, большой... и Бакланов.

— Генерал — это Варенников. Он и был самым активным. Так вот, слушай, хочу, чтоб ты знал.

Встряла Р. М.:

— Вошли без спроса, не предупредив. Плеханов их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо, и только Бакланов со мной поздоровался... А Болдин!.. с ко-

* То есть после пролитой крови.

торым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все, самое интимное!!!...

М. С. ее остановил:

— Слушай. Сели, я спрашиваю, с чем пожаловали. Начал Бакланов, но больше всех говорил Варенников. Шенин молчал. Болдин один раз полез: «Михаил Сергеевич, разве вы не понимаете, какая обстановка!» Я ему: «Мудак ты и молчал бы, приехал мне лекции читать о положении в стране». (Слово «мудак» произнес «при дамах»... Иришка засмеялась и интерпретировала: «мутант», очень удачно. Она вообще умная и образованная.)

Словом, — продолжал М. С., — они мне предложили два варианта: либо я передаю полномочия Янаеву и соглашаюсь с введением чрезвычайного положения, либо отрекаюсь от президентства. Пытались шантажировать (не пояснил — как). Я им сказал: «Могли бы догадаться, что ни на то, ни на другое я не пойду. Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать с этим комитетом и т. п. — антиконституционно и противозаконно. Это — авантюра, которая приведет к крови, к гражданской войне». Генерал стал мне доказывать, что они «обеспечат», чтобы этого не случилось. Я ему: «Извините, т. Варенников, не помню вашего имени-отчества». Тот: «Валентин Иванович». «Так вот, Валентин Иванович, общество — это не батальон. Налево марш — и шагай. Ваша затея отзовется страшной трагедией, будет порушено все, что уже стало налаживаться... Ну хорошо: вы все и всех подавите, распустите, поставите везде войска, а дальше что? Вы меня застали за работой над статьей*.

Так вот: в статье рассмотрен и ваш вариант — с чрезвычайным положением. Я все продумал. Убежден — что это гибельный путь, может быть, кровавый путь... и он — не куда-нибудь, а назад, в доперестроечные времена». С тем они и уехали.

Походили мы еще в темноте минут 15. Все наперебой — что же дальше? М. С.:

* Он, как приехали, сразу озадачил... Я, монтируя из его мыслей последних месяцев, опубликованных и неопубликованных, добавлял что-то от себя, «выравнивал» и т. п. К 15.VIII уже был 30-страничный текст, где, в частности, подробно анализировались все возможные и предлагаемые слева и справа выходы из кризиса.

— Ведь завтра они должны будут обнародовать. Как они объяснят «мое положение»?

Порассуждали насчет тех, кто приезжал... Я не преминул вернуть: «Это же все «ваши», М. С., люди, вы их пестовали, возвышали, доверились им... Тот же Болдин...» — «Ну о Плеханове,— обойдя Болдина, сказал М. С.,— и говорить нечего: не человек! Что он — о Родине печется, изменив мне?! О шкуре!»

Как выяснилось, на др. день Медведев, тут же как приехал Плеханов и сказал ему «о чем речь», написал рапорт с просьбой забрать его от М. С.!! А ребята из охраны, которой он был начальником, печалились: мол, Владимиру Тимофеевичу даже попрощаться с нами не разрешили.

Я вернулся к себе. И стал волноваться «за» Тамару. Она там, в «Южном»... в панике, ничего не может понять, не с кем связаться, бегаёт, наверное, от Примакова к Шаху, от Шаха к Красину *, умоляет узнать что-нибудь... хоть. Я сказал на другой день о ней Генералову, попросил отправить ее в Москву, помочь достать билет. Он:

— Билета сейчас не достанешь (ему-то не достать?!). А она в какой степени готовности?

— А что?

— У нас сегодня военный самолет пойдет. Аппаратуру связи и некоторых связистов повезет, одного большого из охраны.

— Так захватите Тамару!

— Ладно. Сейчас пошлю за ней машину.

— Но пусть она мой чемодан соберет, пусть привезут сюда его.

Чемодан мне принесли поздно вечером. Там не оказалось не только бутылок (был у меня там французский коньяк, виски и испанское вино — из Москвы привез), но и... костюма, а также блокнота с телефонами. За костюмом пришлось посылать еще раз. Тамара, видно, в панике бросала все в чемодан, плохо соображая.

Что в самолет ее посадили — мне сообщили. Но вчера по Би-би-си передали, будто с Президентом удерживаются В. А. Медведев (советник, он отдыхает с женой в Нижней Ореанде и никогда здесь не был),

* Ю. А. Красин — ректор бывшего Института общественных наук, с ним мы давно знакомы. Отдыхал в «Южном»,

А. С. Черняев, помощник, Г. Х. Шахназаров, помощник... То есть слышали звон. Но про Хосроевича прошло и другое по Би-би-си: будто он хотел прорваться сюда и был задержан.

В 15.00 ТВ новости. Ельцин в парламенте России; Горбачев в изоляции в Крыму. Решение — направить сюда Руцкого, Силаева плюс других депутатов. Выступил там Бакагин. Диктор взволнованно и подробно изложил его речь... Представляю себе... Государственный переворот. Горбачев, по крайней мере в воскресенье, был совершенно здоров, не считая радикулита (видно, от Примакова узнал). Творится беззаконие. Пригласить в российский парламент депутатов ВС СССР, которых сейчас усиленно обрабатывают. И — мол, по неподтвержденным данным — коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе бронетехники из Москвы...».

Парламент почтил минутой павших в эту ночь «на его подступах».

Вот, Михаил Сергеевич, где проверяются люди... Бакагин, которого Вы отпихнули, боясь всяких Лукьяновых, Янаевых и проч.!

Только сегодня после настойчивых требований моих от Генералова мне сообщили, что Тамара, как и остальные в этом военном самолете, долетели до Москвы и будто бы за ней пришла машина из ЦК и отвезла домой. Дай-то Бог. Впрочем, скоро проверится: по моему и Горбачева требованию Ольге разрешили (в сопровождении, конечно) съездить в Мухалатку и позвонить домой: у нее малыш ребенок и отец-инфарктник. Ничего о ней не знают столько дней. Я попросил также позвонить и мне домой, и Тамаре. Позволят ли?!

19-го утром, как только по «Маяку» услышал о комитете по ЧП, стал думать, как мне вести себя с М. С.—ждать, когда позовет? То есть по прежней субординации? Нет, так нельзя: он должен убедиться в моей верности. И он нуждается в поддержке. Пошел к нему. Долго бродил по дому, пока внучка меня не обнаружила. Привела к деду наверх. Он лежал на постели — после процедуры: ему еще «донатирали» радикулит. Но уже бодро вскочил.

— Ты знаешь, Анатолий... когда я разговаривал с этими, ни один мускул у меня не дрогнул. Был совершенно спокоен. И сейчас спокоен. Я убежден в своей правоте. Убежден, что это — авантюра, и не дай Бог

с кровью...— Помолчал...— Не удастся им ни навести порядок, ни собрать урожай, ни запустить экономику... Не удастся! Преступная авантюра!

Олю возили в Мухалатку *. Шофер «Володя», который был с самого начала к нам прикреплен и возил нас три раза в день из «Южного» сюда и обратно, зашел ко мне в кабинет... Не поздоровался: «Где тут Ланина? Велено отвезти ее на телефон». Я встал, протянул ему руку... Он помедлил и вяло протянул свою. Я заметил в нем перемену, еще когда он за чемоданом моим ездил. Для него — я уже преступник, заключенный. Ольга, не сговариваясь, вернувшись, говорит: «Он от меня как от прокаженной отодвигался в машине». Сопровождал ее еще один из ГБ — связист. И сидел против нее, когда ее связывали с Москвой,— все насквозь прослушивается, чтоб мгновенно отключить, если что-то лишнее начнет говорить. «Я,— говорит,— разрыдалась. Брат кричит: что с тобой! Одно расстройство, а Вашей жене не разрешили позвонить. Сказано — что можно только по одному номеру!»

В общем, дали понять, кто мы для них такие. На рейде ночью Ольга насчитала около 16 единиц боевых кораблей, включая ПЛ. Днем они в тумане видны не все. Спрашиваю у Ольги:

— Ты выезжала — что на дороге?

— Дорога закрыта. На каждом шагу пограничники.

Продолжаю о М. С. Вечером 19-го он опять меня позвал... Нет, это был еще не совсем вечер... часов в 6. Пошли со всей семьей на пляж... Потому что в доме говорить было уже невозможно — кругом «жучки» (во всяком случае, особенно у Р. М. был на этот счет просто панический страх).

Когда спускались к пляжу, ко мне прильнула меньшая внучка, взяла за руку: «А у меня — карты (держит в ручонках колоду). Это вот король, а это дама... нет — валет, а это — ох! забыла (это была десятка).

Я ей: «Ну ладно, а какой она масти?» (Не рассчитывал, что она знает это слово.) Она: «Червивая!»

Р. М. завела нас с М. С. в будку для отдыха, а всех остальных отправила к воде. Лихорадочно вырвала из блокнота несколько чистых листков, подала мне, дол-

* Пункт связи президентской дачи с внешним миром километрах в двадцати от дачи.

го копалась в сумочке — нашла карандаш, подала мне. «Я оставляю вас». «Да, да, — нетерпеливо (необычно для него в обращении с ней!) бросил он, — надо работать». Она улыбулась и «сделала мне ручкой».

«Толя! Надо что-то делать. Я буду давить на этого негодяя (он имел в виду ген. Генералова, зам. Плеханова, которого оставили в качестве главного жандарма над нами, начальника «внутренней» охраны). Буду каждый день предъявлять требования. И наращивать».

«Да, М. С., согласен. Сомневаюсь, чтоб банда в Москве на это отреагировала. Но нельзя, чтоб подумали, что вы смирились...»

«Пиши: 1. Требую немедленно восстановить правительственную связь... 2. Требую немедленно прислать президентский самолет, чтобы я мог вернуться на работу».

Если не ответят, завтра потребую, чтоб прислали журналистов, советских и иностранных».

Я записал. Он: «Смотри, как бы по дороге не отбрали». — «Не отберут!» (Я сказал так уверенно, потому что днем, когда я пошел к нему, часовой в будке у самого служебного дома на пути к даче остановил:

— Вы кто такой?

— Помощник.

— Куда идете?

— Легко догадаться, — показываю на дачу Президента.

— Не положено.

Я взвился и стал ему говорить нехорошие слова. Вдруг сзади подскочил Олег (один из личной охраны) и ему:

— Ты, марш в свою будку. И чтоб никогда больше не лез к нему (показывает на меня пальцем). Идите, идите, Анатолий Сергеевич.

Я сделаю отступление. Оно важно. Это очень поддерживает атмосферу какой-то минимальной надежности. Во всяком случае — надежду, что нас голыми руками не возьмут. А если попытаются, дорого обойдется. Личная охрана, к которой «публика» относится обычно с презрением. А эти ребята показали себя настоящими рыцарями. Их начальники, Плеханов и Медведев, предали и их, изменили Президенту. А они не дрогнули. День и ночь, сменяясь, спокойные, напря-

женные, сильные ребята с пистолетами и мини-рациями, часть всоружилась автоматами... во всех «жизненных» пунктах вокруг дачи, иногда незаметные за кустами. Они были готовы стоять насмерть: и по службе, по долгу, но главным образом — по-человечески, по благородству духа).

Вчера утром Оля говорит:

— А. С., чего вы сидите все время в кабинете... Сходим купаться. Ребятам (т. е. охране — она знает через мужа) запрещено выходить к воде. Но вас вряд ли остановят. А нас без вас не пустят.

— А куда?

— Ну, вон там, за домом, где столовая, гаражи, где большинство ребят живут. Там есть спуск к воде. Правда, крутой, камни, сорваться можно. Но ходят же люди.

Я согласился. Н. Ф. * принес что-то на тарелке из столовой. Поел. Зашла Оля с Ларисой (медсестра) и Татьяной — большой доброй женщиной, массажисткой.

Пошли. Первый часовой очень подозрительно посмотрел. Не остановил, но тут же сообщил по рации: «Черняев куда-то пошел». Когда проходили мимо дома, навстречу выбежали знакомые ребята из охраны с мячом (рядом — засеченная площадка). Спрашиваю: «Развлечься?..» — «А что делать-то, А. С.?.. Никуда не пускают. Жарища. Тоска!»

Дошли до тропки, резко вниз по самодельным ступенькам... Спуск — метров 100. На половине — Ольга мне: «Оглянитесь!» Я оглянулся. За нами шел человек. Спустились к воде. Между больших валунов можно пробраться в воду. Небольшая площадка. На ней брошены три деревянных мата. Лариса разлеглась загорать. Мы трое пошли в воду — ногу сломать — чтоб добраться до глубины и поплыть. Сделал несколько махов, перевернулся на спину. Мужик, который шел за нами, звонил по телефону. Лариса потом сказала, что он произнес: «Черняев здесь. Сижу...» (Телефон в будке... потому что в этом месте купалась охрана... чтоб можно вызвать...)

Справа — пограничная вышка. Два солдата направили на нас все трубы и бинокли. Перед нами катер и

* Николай Феодосеевич Покутний — второй личный врач Президента.

глицсер... Завели моторы. Метрах в ста маячит фрегат. Зачем тогда мужик-охранник?.. Догонять, если в Турцию поплыву. Не догонит: я слишком хорошо (для него, толстяка) плаваю. Ясно: чтоб знали — вы собой не распоряжаетесь, за вами везде следят, вы полузэки... Психическое давление.

Через 1/2 часа вылезли. Он «смотрит в сторону», не поздоровался. Пошли вверх. Слышим, он по телефону: «Черняев поднимается!» *

Женщины уговорили меня и сегодня пойти купаться. Идем. Говорю: противно, неохота... Таня реагирует: тоже ни за что бы не пошла, да позлить этих сволочей хочется.

«Процедура» та же, что в первый раз: за нами стал спускаться (хотя и другой) охранник. Еще не успели раздеться, он громко по телефону: «Объект здесь. Остаюсь...» Но на этот раз наверху у начала тропинки объявился еще и пограничник с собакой.

Поплыли, видно, как в даче на балконе Толя и Иришка наблюдают за нами. А внизу ближе к «президентскому» пляжу, Генералов и еще человек 5 — выстроились, смотрят в бинокль. Потом он «счел нужным довести» до Ольги, что видел, что мы купались.

М. С. после этого мне сказал:

— Не ходи далеко от дома... во всяком случае — без моего ведома...

Что он имел в виду?..

Вчера я к нему пошел сразу после «купанья». Опять долго ходил по этажам, пока кухарка не показала: мол, вон там, в кабинете. Он вышел навстречу, тут же из другой комнаты Р. М... И сразу потащил нас на балкон, показывая руками на лампы, потолок, на мебель, мол, «жучки». Постояли, облокотившись на перила. Я говорю:

— Р. М., вот видите эту скалу, над которой пограничная вышка... За ней, за поворотом — Тессели. До того как построена была эта дача, здесь, на этом месте, был дикий пустынный «пляж»... На самом деле никакой не пляж — по валунам в воду зайти было трудновато. Так вот... Я несколько раз отдыхал в Тессели.

* Да... вспомнил... Еще когда шли с купанья — навстречу Олег: мол, М. С. вас просит прийти... Но не срочно... но... с «материалом». На всякий случай я захватил копию статьи. Он, оказывается, ее имел в виду. Перелистывал, отмечая места, где он резко осуждает «выход» с помощью чрезвычайщины.

И плавал сюда... из-за той скалы. Лежал здесь и потом плыл обратно.

Она слушала рассеянно. И вся встрепенулась, когда я продолжил:

— Вы, наверное, знаете, что я очень хорошо плаваю? Мне и 5 и, наверное, 10 километров проплыть ничего не стоит. Может, рискнуть?

Я улыбался, говоря это. А она вся насторожилась. Прямо и долго смотрит на меня — т. е. всерьез подумала, что такой «вариант» возможен. До этого она бурным шепотом мне рассказала, как они в 3 ночи, завесившись во внутренней комнате, Толиной камерой засняли заявление М. С... «Мы его вырежем из кассеты, — говорила она (но скрыла, что снято было в двух вариантах, плюс еще — заявление врача Игоря Анатольевича). — Так вот... Я упакую пленку в маленький «комочек» и вечером вам отдам... Но вы, ради Бога, не держите у себя... вас могут обыскать... и не прячьте у себя в кабинете». Тут вмешался М. С. и посоветовал упрятать в плавки. Я их сушу на балкончике при комнате Оли и Тома, где и их машинки. Там она сейчас и лежит.

М. С. отнесся скептически — чтоб я поплыл в Тессели, в Форос и даже в «Южный»: даже если не выловят в воде, выйдет голый — и что дальше? Отправят в ближайшую комендатуру, и пропала пленка... Но обсуждали всерьез... хотя вариант был явно абсурдный. И я его «предложил» в шутку, чтоб как-то рассеять их нервное состояние.

Пленку Р. М. мне дала после обеда... А пока М. С. попросил ее заняться детьми. Мы с ним перешли на другой балкон, встали у перил и тут же увидели, как повернулись к нам трубы с вышки и погранпатруль на ближайшей скале взял нас «в бинокль». Одновременно услышали из будки внизу под домом по телефону: «Объект вышел на балкон, второй справа!..» Мы с М. С. переглянулись, я засмеялся и обозвал «их» матом... Он посмотрел на меня: раньше я при нем не позволял себе... (Я посожалел — подумает, что теперь можно!)

Сели за стол. Он положил перед собой блокнот. Предложил мне сесть напротив, спиной к солнцу и на солнце. Я говорю:

— А можно рядом? Не люблю солнца — в отличие от вас с Бушем... Помните, как он в Ново-Огареве пе-

ресел на мое место, когда солнце вышло из-за стены и я ушел — сел рядом с вами в тени?..

М. С. улыбнулся, видно вспомнив о встрече с Бушем, как эпизоде из античной истории.

Он стал диктовать заявление — Обращение к народу и к международному сообществу. Поговорили. Обсудили, отформулировали каждый пункт. Я пошел к себе. Оля напечатала на шершавке*. Вечером я попросил его поставить подпись, число, место... Вверху он подписал, что просит огласить это заявление любыми средствами каждого, кому оно попадет в руки... Когда уходил, Р. М. опять стала меня строго инструктировать: чтоб я хорошо спрятал и сумел донести — как бы в дороге не обыскали... Мне эти страхи кажутся плодом нервного перенапряжения... У меня вообще еще с войны несколько атрофировано чувство физической опасности.

Вчера она дала мне свою книжку «Я надеюсь», которую прислали ей еще 17-го... — сигнальный экз. Просила прочитать за вечер... Я прочитал и очень хвалил. Это доставило большую радость... М. С., у него даже глаза увлажнились. Я уверял их, что книга разойдется по всему свету, расхватают... и у нас тоже (Р. М. сомневалась, что теперь она может выйти). «Замолчать не удастся, что бы ни случилось», — уверенно заявил я... Вообще всем своим видом, поведением я стараюсь показать, что «все обойдется»... Они встречают меня с какой-то обостренной надеждой — не принес ли я какую-нибудь «хорошую весть»... Расспрашивают, что я слышал по «Маяку» (по оказавшемуся в комнате Ольги и Тамары допотопному ВЭФу). Как я оцениваю то, что услышал, что я вообще думаю о том, что будет завтра, послезавтра, через неделю? Я «в несвойственной мне манере» отвечаю самоуверенно, бодро... Р. М. все время в крайнем напряжении, хоть бы раз улыбнулась. Зато дочка — Ира — вся полна решимости, бесстрашная, резкая... беспощадная в словах и «эпитетах» по поводу того, «что с ними сделали»... Оказалось, образованная и с хорошим вкусом... Перебрасываемся и на «отвлеченные» темы... вроде бы не к месту. И муж у нее Толя — хирург из 1-й Градской... Умён, уверен, «мужик», «опора»...

* Особо плотная бумага, предназначенная для записок Президента.

Так вот, «вестей» я им никаких не приносил. И наши «дискусии» вращаются все вокруг приезда Болдина и К^о... Что урывками брали с маленького «Сони»*, оказавшегося у Толи.

Р. М. все время носит с собой маленькую шелковую сумочку. Там, видно, самое потайное, что отбирать стали бы в последнюю очередь... Она очень боится унижительного обыска... Боится за М. С., которого это потрясло бы окончательно. Она была постоянно в нервическом состоянии. В этом состоянии она мне вручила вчера и «комочек» пленки, завернутый в бумагу и заклеенный скотчем.

— Мы уже передали другие варианты. Я лучше не скажу вам — кому. Это — вам. Нет, не вам...

— Почему же не мне? Я ведь продолжаю качать права как народный депутат: хочу, мол, быть на заседании Верховного Совета 26-го, о котором объявил Лукьянов.

М. С.: «Чего захотел?!»

Я: «Оно конечно. Заполучить на трибуну такого свидетеля вашей смертельной болезни и недееспособности — даже эти кретины догадаются, что нельзя...»

Р. М.: «Анатолий Сергеевич! Надо через Олю. У нее ребенок, родители больные, вы говорили... А она согласится? Ведь это очень опасно...»

Я: «Согласится. Это «отчаянная» женщина и ненавидит их люто еще и за то, что они отрезали ее от ее Васи...»

Р. М.: «Но вы ее очень предупредите. Пусть спрячет... куда-нибудь в самое интимное место — в бюстгальтер или в трусики, что ли... А вы сейчас, когда пойдете к себе, где будете держать эту пленку? В карман не кладите, в руке донесите и спрячьте... Только не в сейф... Где-нибудь в коридоре, под половиком...»

Я все-таки положил в карман. Ольге сказал только вечером. Она сидела в кресле, притихшая. Симфоническая музыка по «Маяку» — оба в бешенстве от нее. Но тишина еще хуже. Я включаю только по полчаса —

* Сейчас у меня спрашивают (после пресс-конференции М. С., после интервью «Взгляду»), что ж это у Президента на всей этой великолепной даче ничего другого, кроме этой «спичечной коробки», не было? Так вот — не было. Потому что вся «электроника», вмонтированная в комнатах, была «вырублена» в первый же момент приезда «банды четырех»... как и антенна ТВ, обслуживавшая всю «зону».

известия. Но они часто о спорте и о культурной жизни. Одна вчера была... о визите супруги президента Боливии в Перу, где та занималась какой-то благотворительной, не то фестивальной деятельностью. Верх идиотизма. Тут я подумал — остро, физически ощутил, — что банда возвращает нас в информационную среду худших времен застоя.

Опять экстренные сообщения. В 16.30 «Маяк» начался с взволнованного голоса диктора: мы, работники ТВ и радио, отказываемся выполнять приказы и подчиняться т. наз. Комитету по ЧП. Нас лишили возможности давать объективную и полную информацию, мы требуем снятия с постов полностью дискредитировавших себя руководителей ТВ и радио. Мы, если удастся еще прорваться в эфир, будем честно выполнять свой профессиональный долг.

Бакатин и Примаков (молодец Женька, прорвался в Москву!) как член СБ заявляют, что ГКЧП — незаконно, противоправно, антиконституционно... И все его постановления — тоже. Горбачев здоров и находится в изоляции. Необходимо немедленно добиться, чтобы он вернулся в Москву, нет — чтобы он имел возможность встретиться с прессой.

Нишанов и Лаптев — председатели палат — провели экстренное заседание комитетов.

Лукьянов вылетел в Крым для встречи с М. С. Горбачевым.

И самое-самое: Минобороны, проанализировав ситуацию, сложившуюся в результате введения чрезвычайного положения в ряде мест, приняло решение немедленно вывести войска из этих мест (т. е. не просто бронетехнику, а войска целиком — т. е. и десантников и т. п.).

С кем остаются Янаев и Пуго + их генерал Калинин — комендант Москвы — перед лицом народа?!

С 6 часов по «Орбите» объявлено — будет полностью транслироваться сессия ВС РСФСР!

Было уже часов 11 вечера *. Я включил на полную мощность ТВ. Подсел на корточках к Ольге... у ее колен.

— Оля! Есть серьезная вещь. Вы готовы меня выслушать? Только очень серьезная. Можете тут же, не слушая, пока я не начинал еще, отказаться.

* 20 августа.

— Ну что вы, Анатолий Сергеевич! Будто вы меня не знаете. Говорите.

Я рассказал.

— Хорошо. Допустим, я попадаю в Москву. Дальше что? За мной наверняка будут следить...

— Да, конечно. Мы обсуждали это с М. С. и Р. М. И договорились. Вполне естественным будет, если вы зайдете к моей жене. Я напишу письмо ей... такое, как из тюрьмы, наверное, шлют: мол, все в порядке, не беспокойся, скоро вернусь, обстоятельства... и т. п. На случай, если будут обыскивать в самолете ли, в аэропорту. А «комочек» с пленкой придется вам запрятать действительно в «укромное» местечко. Дальше так: если удастся его довести до Москвы, вы приходите на Веснина к моей жене. Передаете ей письмо и эту штучку. Скажете, чтоб она позвонила Лене — жене Бовина. Они знакомы. Та придет. Именно она, а не сам Бовин: слишком заметная фигура, да еще на подозрении, особенно после его вопроса на пресс-конференции Янаева и К^о. Ей жена передаст эту вещь, она — Сашке, а тот догадается сразу, что надо делать.

Ольга засунула пленку все-таки в джинсы*. Так «комочек» постоянно выпирал. Я посмеивался, указывая пальцем на это местечко... Попытки утром сегодня разжалобить Генералова, даже пошантажировать, мол, не вечно мы будем тут сидеть и ему придется ответить за издевательство над молодой матерью, о которой дома ничего не знают который день... Но он меня «обыграл»: организовал Оле поездку под охраной в Мухалатку, чтоб она позвонила, опять же под наблюдением, домой... Об этом я уже рассказал.

Далее идет текст, написанный уже в Москве, в первые дни после возвращения с добавлениями перед сдачей в печать.

Около 5 вечера 21-го вбежали все три женщины: Ольга, Лариса, Татьяна — в страшном возбуждении: «Анатолий Сергеевич, смотрите, смотрите, что происходит». Выскочили на балкон... С пандуса от въезда на территорию дачи шли ЗИЛы, а навстречу им с «калашниковыми» наперевес ребята из охраны. «Стоять!» — кричат. Машины встали. «Стоять!» — из-за кустов еще ребята. Из передней машины вышел шо-

* Она так и привезла этот «комочек» в Москву, когда «вырвались» все вместе, вернула мне, я Горбачеву, и он продемонстрировал его на пресс-конференции.

фер и еще кто-то... Чего-то говорят. Им в ответ: «Стоять!» Один побежал к даче Горбачева. Вскоре вернулся, и машины поехали влево за служебный дом, где мой кабинет и проч.

Я вышел из кабинета. Он на втором этаже. Прямо — лестница к входной двери. В помятой майке, в спортивных штанах, уже ставших портками. Мелькнула мысль — как лагерник!

И в эту дверь тесно друг за дружкой — Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. Вид побитый у всех. Лица сумрачные. Каждый кланяется мне!! Я все понял — прибежали с повинной. Я стоял окаменевший, переполняясь бешенством. Еще до того, как они ушли в комнату налево, развернулся и показал им спину. Ольга стояла рядом, красная, в темных глазах торжествующие бесенята.

В кабинет вбежали Лариса и большая Татьяна. Она, вся такая степенная, сильная, спокойная, вдруг бросилась мне на шею и зарыдала. Потом — нервный смех, всякие восклицания, незапоминающиеся реплики... Словом — ощущение: наше заключение кончилось. Подонки провалились со своей затеей.

Я оделся и побежал к М. С. Признаться, боялся, что он начнет их принимать... А этого тем более нельзя делать, что по ТВ уже известно было, что летит делегация российского парламента. Горбачев сидел в кабинете и «командовал» по телефону. Оторвался: я, говорит, им ультиматум поставил — не включают связь, разговаривать с ними не буду. А теперь и так не буду.

При мне он велел коменданту Кремля взять Кремль полностью под свою охрану и никого из частных к путчу не пускать ни под каким видом. Велел позвать к телефону командира кремлевского полка и приказал ему поступить в распоряжение исключительно коменданта Кремля. Вызвал к телефону начальника правительственной связи и министра связи и потребовал от них отключить всю связь у путчистов. Судя по их реакции они на том конце стояли по стойке смирно. Я обратил его внимание, что в их ЗИЛах есть автономная связь... Он вызвал Бориса и приказал ему «отъединить пассажиров» от машин.

Потом он говорил с Джорджем Бушем. Это был радостный разговор. М. С. благодарил за поддержку, за солидарность. Буш приветствовал его освобождение, возвращение к работе...

Был у М. С. тут же разговор с В. И. Щербаковым и с кем-то еще... забыл. Смысл: приеду — разберемся. До того как я пришел, он говорил с Ельциным, с Назарбаевым, Кравчуком... еще с кем-то. Сказал мне об этом.

Мои опасения он развеял с ходу:

— Ну что ты! Как тебе в голову могло прийти. Я и не собираюсь их видеть, разве что с Лукьяновым и Ивашко.

Борис доложил, что на территории дачи появилась российская делегация.

— Зови,— сказал М. С.,— пусть идут в столовую.

Через пару минут мы пошли туда. Последовавшая сцена запомнится на всю жизнь. Силаев и Руцкой бросились обнимать Горбачева. Восклицания, какие-то громкие слова. Перебивают друг друга. Тут же Бакатин и Примаков. Здоровается с депутатами. Я гляжу на них. Это все — ребята из тех, которые и в парламенте, и в печати не раз крыли М. С., спорили, возмущались, протестовали, а теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: «Вот и состоялось соединение Центра и России без всякого Союзного договора...»

Сели за стол. Наперебой стали рассказывать — что в Москве и что здесь. Оказалось — меня почему-то это удивило, — что они даже не знают, кто приезжал к Президенту с ультиматумом и что вообще был этот ультиматум.

Иван Степанович и Александр Владимирович — против того, чтобы Горбачев принимал Крючкова и К⁰, которые сидели, по существу, под охраной в служебном доме. Он сказал, что примет скорее всего только Лукьянова и Ивашко, которые вроде прилетели отдельно.

Разговор затянулся. Шел уже 10-й час. Вступил в дело Руцкой. Сильный, красивый человек, любо-дорого его наблюдать. На таких земля стоит.

— Михаил Сергеевич,— говорит,— пора обсудить, что будем делать дальше... В самолет (президентский), на котором они (!) явились, мы вас не пустим. Полетим в моем самолете. Он стоит на том же аэродроме, но вдали от вашего. Его надежно охраняют. Я привез с собой 40 подполковников, все вооруженные. Прорвемся.

(Об этих подполковниках стоит сказать. Когда М. С. после ложного выхода из машины возле президентского самолета, согласно плану Руцкого, вновь быстро туда сел и машины рванули дальше — к самолету Руцкого — километрах в 3—5 от этого места, так вот, когда М. С. в своей шерстяной кофте, которую все увидели на нем по ТВ уже во Внукове, вышел к самолету, эти офицеры взяли с автоматами на караул и так стояли, пока он не поднялся по стремянке в самолет. Я подумал, глядя на эту сцену: есть еще офицерская честь в нашей армии, неподдельная. Есть и высокая интеллигентность в ее среде: достаточно пообщаться с тем же А. В. Руцким или с полковником Н. С. Столяровым, который тоже прилетел в группе депутатов спасти своего Президента. В аэропорт мы ехали с ним в одной машине).

Потом был перелет. Распоряжался Руцкой. Об этом он рассказал сам по ТВ... М. С. с семьей расположился в маленьком отсеке, позвал меня. Там было настолько тесно, что девочки-внучки улеглись прямо на пол и скоро заснули.

Когда я вошел, спрашивает веселый: «Ну ты кто теперь?» А я: «Простой советский заключенный, но бывший». Все возбужденно смеялись. Пришли Силаев, Руцкой, Примаков, Бакатин, был тут и доктор Игорь Анатольевич. Р. М. рассказывала, что с ней случилось, когда узнали, что путчисты едут выяснять состояние здоровья Михаила Сергеевича, что теперь уже ей лучше, но рукой плохо владеет. Шел бурный разговор: о людях — как они проверяются в таких обстоятельствах, о безнравственности — источнике всех преступлений и бед. Были тосты за продолжение жизни... И впервые тогда М. С. произнес слова: «Летим в новую эпоху».

Многие журналы обошла фотография: Ира спускается по трапу (во Внукове), несет завернутую в одеяло дочку. Прошла мимо толпы, окружившей Президента: там, заметил, были и те, кто искренне рад, и те, кто, наверно, чувствовал, что для них лично лучше бы было «по-другому». Иришка пронесла дочку в машину, возле которой я оказался, в стороне от сгрудившихся вокруг М. С. людей. Бросилась на сиденье, и всю ее затрясло в рыданиях. Я наклонился, пытался что-то говорить. Муж ее рядом обнимал, гладил, стараясь успокоить, — безуспешно. Эта финальная для меня на аэро:

дроме сцена останется символом трагедии, которая произошла не только там, на даче в Крыму, а со всей страной. Иришка, молодая русская женщина, которая перед лицом беды была вся энергия, собранность, решимость и готовность ко всему, здесь, когда «это» кончилось, взорвалась слезами отчаяния и радости. Разрядка. Но потом все равно ведь... наступают будни, и надо делать дело.

Известия. 1991. 30 сентября

73 ЧАСА

**Беседа Р. М. Горбачевой
с корреспондентом
Советского телевидения
6 октября 1991 года**

Вопрос. Мой первый вопрос, естественно, как вы себя чувствуете после пережитого?

Ответ. Если вы имеете в виду мое здоровье, то спасибо, все как будто нормализовалось. Если вы спрашиваете о моем общем самочувствии, то здесь сложнее. Вышло уже много материалов, различного рода публикаций, посвященных трем августовским дням. Но меня волнует, что некоторые авторы пытаются трагедию, августовскую трагедию превратить в какой-то фарс.

Когда мы обнаружили, что отключена вся телефонная связь, отключены телевизор и радио, мы поняли, сразу поняли, что это изоляция, это арест. А телефонных аппаратов у Михаила Сергеевича десять или восемь, я точно не помню, и он поднял все, одну за другой, телефонные трубки — и все молчат, даже телефон главнокомандующего. В любой момент этот телефон стоит у нас под колпаком на даче, в резиденции, в квартире, никто его не трогает. Даже пыль не протираем, потому что он находится под колпаком и к нему не разрешается притрагиваться. Михаил Сергеевич вскрывает этот телефон, поднимает трубку, он тоже отключен. И вот тогда мы поняли, что это все, это все.

Вопрос. Видели ли вы тех, кто приезжал с ультиматумом к Михаилу Сергеевичу, и тех, кто был оставлен осуществлять, собственно говоря, арест?

Ответ. Да, видела. Встречу с ними Михаил Сергеевич проводил в своем рабочем кабинете. Понимая уже весь смысл происходящего и ожидая, что возможен самый худший исход этой встречи, мы — Анатолий, Ирина и я — всю эту встречу стояли около дверей кабинета.

Вопрос. То есть вы слышали все, что говорилось?

Ответ. Нет.

Вопрос. Не слышали?

Ответ. Нет. Но не непосредственно, не прямо перед дверью, не подслушивали, мы стояли рядом.

Вопрос. То есть, чтобы быть рядом с Михаилом Сергеевичем?

Ответ. Чтобы видеть, чем это окончится. Даже не предполагали реально, чем кончится эта встреча. Мы уже поняли, что началось что-то тяжелое, страшное, все то, что я вам рассказала. А в какие конкретно действия это выльется, конечно, трудно было сказать. Но уже предполагая самые худшие варианты, я с детьми подошла, и мы были рядом с кабинетом, где шли эти переговоры.

Вопрос. Раиса Максимовна, у вас был какой-то план, и если, не дай Бог, что-то в этот момент происходит, вы бы вмешались, вошли?

Ответ. Никаких планов не было. Только желание быть рядом. И вот мы были здесь, около кабинета. Сколько они там находились, сколько длились эти переговоры, точно мне трудно сказать. Но сейчас мне кажется, что это где-то окончилось около шести часов. Открылась дверь, и приехавшие вышли одни. Варенников прошел мимо меня, мимо нас, не обратил внимания и начал спускаться вниз по лестнице. Кабинет находится на втором этаже. Болдин остановился, но в отдалении и не подошел к нам. Ко мне подошли Бакланов и Шенин, сказали: «Здравствуйте». Бакланов протянул руку. Я на приветствие не ответила и руки не подала. Спросила: «С чем приехали? Что происходит?» Даже, может быть, так: «С чем приехали? С добром? Что происходит?» Возникла заминка. Я услышала одну фразу Бакланова: «Вынужденные обстоятельства». Они повернулись и ушли. Когда они ушли, через какое-то мгновение дверь открылась и из кабинета вышел Михаил Сергеевич. Он был очень взволнован. В руках держал листочек. Он подошел к нам и подал мне этот листочек. Я сейчас очень пере-

живаю, никак не могу найти этот листок. Но я так его хорошо помню. Листочек из блокнота. Наспех синим фломастером Михаил Сергеевич записал фамилии тех, кто вошел в состав ГКЧП, как его называли вот эти приехавшие. На что я обратила внимание. В списке не было ни Стародубцева, ни Тизякова. Первая буква в фамилии Пуго была написана Михаилом Сергеевичем «Б», а потом переправлена на «П». Может быть, потому, что выше стояла фамилия Бакланова. Был в списке и Лукьянов, его фамилия была написана с маленькой буквы. А рядом с фамилией стоял вопросительный знак, то есть Михаилу Сергеевичу не было понятно, вошел он в ГКЧП или нет. Мне вот запомнился этот листочек, который подал мне Михаил Сергеевич, выйдя из своего кабинета, а потом он стал уже нам рассказывать о предъявленных ему требованиях, о своей позиции.

Вопрос. Как вы определили, что изоляция глухая, могли ли каким-то образом выйти с территории дачи?

Ответ. Когда мы в ночь с 19-го на 20-е сделали видеозаписи и нам нужно было передать их, как мы говорили, на волю, я спросила старшего по охране Олега Анатольевича: «Олег Анатольевич, можем мы как-то передать информацию на волю, минуя Генералова?» Он сказал: «Раиса Максимовна, что вы, не сможем, с моря мы полностью заблокированы, а на суше окружены так, что не проползешь». Теперь ваш прямой вопрос, об этом спрашивают и другие. А не мог бы вот в эти дни Михаил Сергеевич прорваться с охраной ребят. Вы знаете, этот вопрос обсуждался. Обсуждался тогда, и я не знаю, какое бы развитие получили события дальше в те дни в Форосе. Но дело в том, что когда мы поняли, что путчисты уже терпят поражение, то было принято решение — не выходить ни на какие акции, в результате которых могла быть вызвана перестрелка с возможными, и вы знаете о чем прежде всего идет речь, последствиями для Михаила Сергеевича.

Вопрос. То есть это обдумывалось и было принято такое решение?

Ответ. Да, это обсуждалось.

Вопрос. Раиса Максимовна! А продумывалось, как обезопасить самых маленьких членов вашей семьи?

Ответ. Дети. И вот я опять как будто возвращаюсь так, по-живому, по-настоящему, в обстановку, атмосферу тех дней. В первый момент, когда мы поняли, что арестованы, и когда узнали, кто оказался заговорщиками, нас особенно мучила, я уже говорила об этом, горечь предательства. Вот есть особое состояние муки горечи предательства людей, которые работали рядом с Михаилом Сергеевичем, кому он доверял. Хотя хочу сказать, что родных людей среди заговорщиков, с которыми я делилась самым интимным, как было сказано в одной из газетных публикаций, у меня не было. Все это вымыслы, преследующие непонятные для меня цели. А затем присоединилась боль и тревога за мужа, за то, что происходит в стране. И конечно, конечно, боль и переживания за детей, особенно за внуков, которые оказались рядом с нами. Вы спрашиваете меня, что мы могли тогда специально сделать для них? Мы старались сохранять спокойствие. Старались поддерживать их обычный режим дня. Вопросы у них, особенно у Ксенички, она старше, возникли тогда, когда охрана посоветовала не ходить больше на пляж. И конечно, она испугалась, когда увидела в доме людей с автоматами. Мы старались изолировать детей в отдельной комнате. Они там читали книжки, рисовали. К этому времени включили телевизор, смотрели телевизор. Но Ксеничка потом мне сказала: «Бабуленька, я совсем испугалась, когда вечером, я уже очень хотела спать, вбежала в комнату мама и сказала: «Быстро собираемся. Мы улетаем домой, в Москву».

Вопрос. Многие говорят, что президент изменился после августовских событий. С вашей точки зрения, он изменился, и изменился ли он дома, и изменились ли вы сами?

Ответ. Михаил Сергеевич сам говорит, что он изменился. Что касается семьи, вы знаете, мне кажется, что в основном все осталось по-прежнему. Но честно, я бы слукавила и не была бы искренней, если не сказала — что-то новое пришло в наше настроение. Наверное, оно стало более минорным.

Знаете, я вот всегда говорила: три дня — это не совсем точно. Трое суток, три дня и три ночи. 73 часа. Не 72 часа, это тоже неточно говорят, а 73 часа.

Анатолий Собчак

ПРОРЫВ

Интервью без единого вопроса

Ту ночь я провел в своей московской казенной квартире.

Рано утром в понедельник меня разбудил телефонный звонок: мои друзья из Казахстана сообщили о военном перевороте. (Спасибо разнице часовых поясов!)

Первое движение: выглянул в окно — не окружено ли здание? Не окружен, а то пришлось бы уходить к соседям: наш дом в Крылатском весь заселен членами Верховного Совета СССР.

Вызвал по телефону машину с моим охранником. В тот день дежурил Олег (фамилию его по понятным соображениям называть не буду), но охраняют меня ребята из ельцинской команды.

Узнал, что Ельцин ждет меня на даче в Усове. Это за Архангельским.

По кольцевой дороге идут танки: смех и грех! Горит танк на обочине, весь в дыму. И никто его не поджигал. Просто у нас такие умельцы за рычагами. Куда неприятней, что на повороте с кольцевой — группа десантников. Впрочем, меня не остановили.

Дача Ельцина охраняется: человек шесть или восемь с автоматами, не больше. Вошел — обмер. В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю российскую государственность.

Ельцин спросил, что посоветую? Говорю: надо собирать российский парламент. И чтобы он заседал непрерывно.

Ельцин:

— Это мы уже решили. Сейчас принесут текст воззвания гражданам России, а потом надо думать, оставаться здесь или ехать.

Мнения разделились. И то и другое — опасно.

Хасбулатов:

— Я еду сразу, как получу текст, а вы решайте сами.

Текст приносят. Глава Верховного Совета России уезжает в «Белый дом». Кажется, на частной машине. Чтоб не опознали.

Я стал настаивать: нужно прорываться за Хасбулатовым. Есть ли другая дорога — очень боюсь тех десантников на повороте к кольцевой. Говорят, другой нет. Если только пешком.

Я:

— Все-таки это президентский кортеж... Давайте выставим государственный флаг — и в путь. Только быстрее!

Борису Николаевичу надели бронезилет. Дочь его сказала: «Папа, успокойся, теперь все зависит только от тебя».

Впрочем, явных признаков волнения никто не выказывал. Даже жена президента, Наина Иосифовна.

Спрашиваю у Ельцина, нужен ли я в «Белом доме» или могу вернуться в Ленинград? Он говорит: «Езжай». Уточняю: «Но до Кутузовского я за вами, а там — по обстановке». Если проскочим — мне назад, на кольцевую и в Шереметьево.

Слава Богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать и мы разминулись, то ли это другая группа захвата опоздала на усовскую дачу (как потом узнали мы, на десять минут).

Едем быстро. Впереди ГАИ, и потому машины уступают нам дорогу. Танки и бронетранспортеры — не исключение. Машины сопровождения прикрывают автомобиль Ельцина с боков. Кольцевую проскакиваем за несколько минут. Дальше — Рублевка. Это узкое шоссе, но и здесь бронетранспортеры, завидя нас, съезжают на обочину. Хорошо, что их немного.

Прорвались! Теперь мне — на Шереметьево. А там оказывается, что самолет на Питер только через два с половиной часа.

Задним числом я узнал: приказ о моем аресте все-таки был. Путчисты, впрочем, и здесь дали маху, не удостоили меня персональной спецгруппой, поручили это дело работникам КГБ аэропорта. Они согласились. Но только на словах. Когда сидел в депутатской комнате, вошли трое, дежурная спросила их: кто они? Показывают удостоверения. Я говорю Олегу: «Готовься». Он: «Я одного из них знаю».

Прошли в буфет. Олег за ними. Возвращаются вместе, говорят, что они из службы по борьбе с валютчиками. И намерены меня охранять до трапа самолета. Теперь у меня уже четыре охранника. Причем трое с автоматами.

Чтобы не терять времени, связываюсь с Питером. Даю указания ОМОНу взять под охрану Лентелевидение. Выясняю ситуацию. Командующий Ленинградским военным округом генерал Самсонов уже вышел в прямой эфир и объявил: берет власть в городе в свои руки. В остальном все спокойно, войск в городе нет.

Позже я узнал, собирались арестовывать меня и в Пулковском аэропорту. Но начальник ленинградского ГУВД Аркадий Крамарев по своей инициативе выслал мне навстречу машину с ОМОНОм. Да и мои помощники приехали.

Ныряю в автомобиль — и в штаб военного округа. Охрана остается внизу. Потом они рассказали, как торчавший в холле гидасповский охранник из-за моей спины, весь сияя, показал моим ребятам язык.

На втором этаже — кабинет командующего. Дверь нараспашку, комната пуста. Ору на все здание:

— Что за бардак! Кабинет командующего не охраняется!..

Откуда-то бежит перепуганный подполковник. В иной ситуации он бы меня не пустил, но тут вытягивается. Я продолжаю:

— Ведите к командующему!

— Есть! Они вот там заседают...

— Немедленно проведите!

Спускаемся на первый этаж: там все они, голубчики, и сидят. Самсонов, Курков (начальник КГБ), Савин (внутренние войска), Викторов (начальник Северозападного пограничного округа). И конечно, Гидаспов, первый коммунист области. Еще — верный демократ и благодетель наш Аркадий Крамарев. Он единственный свой.

Вижу, что растерялись, и с порога не даю им открыть рта. Произношу целую речь, напоминаю о генерале Шапошникове, который в 1962-м отказался в Новочеркасске стрелять в народ, объясняю, что, с точки зрения закона, все они — заговорщики и, если хоть пальцем шевельнут, их будут судить, как в Нюрнберге нацистов.

Укоряю Самсонова: мол, вспомните, генерал, о Тбилиси... Вы же там 9 апреля 1989 года чуть ли не единственный вели себя как разумный человек, от исполнения преступного приказа уклонились, остались

в тени... Что ж вы теперь? Связались с этой бандой... Это же незаконный комитет!

Самсонов:

— А почему незаконный, у меня есть распоряжение...

— Вы прекрасно знаете, что я один из разработчиков закона о чрезвычайном положении и есть только четыре ситуации, когда оно может быть введено на конкретной территории. Это — эпидемия, эпизоотия, землетрясение и массовые беспорядки. Что из этого наличествует?

Самсонов:

— Но мы вводим на всякий случай... У меня приказ. Есть шифрограмма...

— Покажите.

— Не могу. Она секретная.

— Тогда ответьте, в ней есть или нет такие слова: «Ввести в городе Ленинграде чрезвычайное положение»?

Самсонов:

— Таких слов нет...

— Я знаю, что нет. А вы вспомните генерала Родионова на первом Съезде народных депутатов СССР. Он 9 апреля тоже превысил приказ. Ему велели всего-навсего взять под охрану военные объекты, а он войска на людей бросил. И вы туда же?

Гидаспов:

— Что вы на нас голос повышаете?

— А вы вообще замолчите. Неужели не понимаете, что своим присутствием уничтожаете собственную партию? Вам бы сейчас не здесь сидеть, а по всем улицам бегать, крича, что КПСС не имеет к этому отношения.

Гидаспов:

— Но у нас хозяйственный развал, промышленность падает...

— Ложь. Промышленность Ленинграда перевыполнила план по первому полугодю.— К Самсонову:

— Виктор Николаевич, я прошу сделать все, чтобы войска не вошли в город!

— Хорошо, я сделаю...

Еду в Марининский дворец, в мэрию. Выясняю: возвращается из поездки наш вице-мэр, контр-адмирал Вячеслав Щербаков. Встречаюсь с председателем Ленсовета Александром Беляевым:

— Надо созывать сессию.

— Уже созвали. Депутаты оповещены.

Договариваюсь с телевидением о выступлении в прямом эфире в телепрограмме «Факт». Это будет в 19.20.

С Щербаковым и Яровым, председателем областного Совета,— обоих их путчисты включили, не спросив, в свой комитет — за пять минут до эфира приезжаем на телестудию. Председатель Ленинградского телевидения Борис Петров обеспечил даже спутниковую связь. И нас смотрели далеко за пределами Ленинграда.

Мне пришла в голову мысль назвать московских путчистов «бывшими» (бывший вице-президент, бывший министр обороны и т. д.), а во-вторых, просто «гражданами», словно они уже сидят на скамье подсудимых.

Если до вечера ни о каком народном отпоре путчу не слышно (сессия Ленсовета еще не собиралась), то совместное выступление мэра, вице-мэра и председателя облсовета прорвало блокаду удушья и растерянности.

После передачи вызываем дополнительный ОМОН. Крамарев и тут на высоте. Щербаков курсирует между Мариинским дворцом и штабом военного округа...

А на Самсонова идет страшное давление из Москвы. Путчисты в истерике, кричат в трубку, что он продан демократам.

Меж тем к городу с юга движутся две колонны военной техники. Их передвижение постоянно отслеживает верная демократии ГАИ. Надо строить баррикады, но ясно, что не успеем, танки ворвутся через час. Выясняется: в районе аэропорта большая стоянка тяжелых машин — трейлеров, катков для укладки асфальта. Ими можно перекрыть шоссе за десять минут. Но когда танки уже прошли Гатчину, Самсонов дал мне честное слово офицера: он не пропустит боевую технику в город. И поворачивает колонну из Гатчины в сторону Сиверской. Здесь, на родине предков Пушкина и пушкинской няни, на военном аэродроме эти танки простоят трое суток.

Чем и как нам с Щербаковым удалось убедить Самсонова? Не знаю, но думаю, что здравым смыслом. Мы говорили: неужели вы, генерал, не видите,

что за ничтожества эти люди? Они не удержат власть, даже если и возьмут ее.

Напряжение несколько спадает, связываюсь с Ельциным. На час засыпаю на диванчике в своем кабинете. А в шесть утра — на Путиловский (ныне Кировский) завод, поспеваю до начала смены. Тут у проходной уже ждет машина с громкоговорителем. Проводим митинг. Потом — в дирекцию завода, чтобы всем желающим идти на общегородской митинг выдали пропуска. Когда уезжаю, то колонна путиловцев — тысячи три или четыре человек — уже выходит на проспект Стачек. Мне надо бы самому вести людей к Дворцовой площади на общегородской митинг, но моя охрана сообщает, что, по их сведениям, этого делать нельзя.

В десять утра на Дворцовой был весь город. Приходилось даже заворачивать целые колонны на дальних подступах к площади. Уж на что широка, а людское море шире. Мы решили, что все вернутся на рабочие места к 13.00. Так и было. Никто не прогулял.

Мне потом говорили: даже заключенные в тюрьме просили отпустить их на баррикады, обещая вернуться после в свои камеры.

Среди выступающих — Дмитрий Сергеевич Лихачев, старейший ученый и патриот, академик, а теперь и народный герой.

Ясно, что путчисты в Питере не пройдут.

К вечеру в голову приходит идеальная находка: необходимо, чтобы Ельцин назначил Щербакова главным военным начальником Ленинграда и области, а также личным представителем Президента России и комитета обороны РСФСР.

...Что там за команда у Бориса Николаевича?! Приходит факс о назначении Щербакова командующим Ленинградским военным округом. Это почти катастрофа: теперь Самсонов уже точно выйдет из берегов... Кроме того, такое назначение не решает проблемы. Помимо военного округа у нас еще и военно-морская база, и пограничный округ... Так и знал... Звонит Самсонов: «Что вы там за моей спиной устраиваете?» Уверяю: произошла ошибка, сейчас исправим. Но радио передало то же губительное для нас назначение. Несколько раз объясняю по телефону, какой текст нам нужен. Наконец из Москвы приходит необходимое.

А в три часа ночи еще новость: с улицы Каляева

к мэрии брошен спецназ военного округа. Это тот, что используется для захвата угоняемых террористами самолетов.

Щербаков:

— Против этих весь ОМОН и ваши милиционеры — это несерьезно. Им работы на пять минут.

Договариваемся разделиться. Еду на Кировский завод, вызываю директора, объясняю ситуацию.

Но поднимать с постели путиловских рабочих, слава Богу, не потребовалось...

Запись А. ГОЛОВКОВА и А. ЧЕРНОВА

26 августа 1991 года. 01.00

Московские новости. 1991. 1 сентября

КАК МЫ ЗАЩИЩАЛИСЬ И ЗАЩИЩАЛИ ДЕМОКРАТИЮ

**На вопросы корреспондента «АиФ» Н. Желноровой
отвечает помощник вице-президента России,
начальник штаба Комитета
обороны «Белого дома» А. Стерлигов**

— Как генерал КГБ, опытный контрразведчик, скажите, можно ли было захватить «Белый дом» изнутри?

— Можно было бы, но с морем крови. Мы достали около 400 автоматов, перекрыли все ходы и выходы.

— Как работал ваш штаб?

— Мы создали несколько направлений, в том числе и разведывательное, куда поступала информация. На карте Москвы отмечали, где какая часть движется, посылали людей агитировать солдат. У нас были начальники тыла, оперативного управления, связи, медицины.

То, что войска двигались не быстро, это не просто так, с ними работали. Один командир крупного и очень опасного для нас соединения сказал: «Мы будем двигаться настолько медленно, насколько это возможно, и постараемся не дойти». Взять наше здание можно было элементарно. Одному подразделению хватило бы 20 минут, и не спасли бы наши автоматы. Приказ захватить здание заговорщики дали, но группа «А 7» подразделения КГБ (она рассчитана на захват заложников) забастовала. И это очень сильное подразделение по огневой мощи и выучке.

Нас спасли три обстоятельства: знание обстановки в городе, выход навстречу солдатам депутатских групп для морального разоружения и море людей здесь.

— Не кажется ли вам, что это не очень этично: самим сидеть в здании и защищаться толпой безоружных людей?

— По радио постоянно объявлялось, как демонстрантам действовать. При появлении танков надо было расступиться. Ни в коем случае не стрелять, не провоцировать столкновений. А скопление людей имело психологическое значение, чтобы танки сюда и не приблизились.

— Александр Николаевич, как могло случиться, что ваша головная фирма — КГБ — даже заговора «сотворить» не сумела? Что, уже совсем нет пороха в пороховнице?

— Все эти заговорщики и их заместители в прошлом комсомольско-партийные работники. Они всегда опирались на свой аппарат. Но заговор же не поручишь аппарату. Здесь их несостоятельность, неспособность предвидеть развитие ситуации и выявилась. Когда утром 19-го я услышал, что Ельцин даст пресс-конференцию (то есть что он не арестован), я не понял, какой же это заговор.

— Не возникла ли у вас мысль, что разыгран спектакль?

— Она возникла, когда я приехал на дачу к Президенту. Уж очень лояльный был режим содержания. Потом понял, что для уровня Президента он не столь уж лоялен, ведь не в кандалы же его сажать. Изоляции было достаточно. Однако при энергичных действиях его личная охрана могла бы арестовать группу тех преступников, которые явились к Президенту. Но охрана остолбенела перед начальством (надо знать 9-е управление). Все-таки для военных приказ, присяга — это серьезно.

Ведь там — в личной охране — шел специфический отбор людей и воспитание, определенная изоляция их от общественной мысли, чтобы обеспечить беспрекословное подчинение.

Горбачев ждал развития событий, считая, что как-нибудь образуется... И то, что особо жестких мер не было, давало ему силу. Окажись на его месте Руцкой, он через день был бы в Москве и руководил страной.

— КГБ полностью дискредитировал себя. С одной стороны — его шеф сам участвовал в заговоре, нарушив все заповеди госбезопасности, с другой — даже те силы в КГБ, которые были против путча, не раскрыли заранее нити этого заговора. Словом, с какой стороны ни посмотри — низкий профессиональный уровень.

— О заговоре знал, по-видимому, небольшой круг лиц в окружении Крючкова. И среднее звено, где есть демократически настроенные люди, узнали об этом слишком поздно.

Потом, не думаете ли вы, что в комитете информация циркулирует где попало? Чего не надо знать, там никто за соседним столом не узнает.

— А сейчас демократизм входит в деятельность КГБ?

— Нет, в спецслужбах демократизм ни при чем. Иначе все будет гореть синим пламенем. Вот поэтому вполне могло быть, что Крючков и двое его замов знали, а остальные нет. Они позднее получают команду и ее выполняют.

Но значительная часть комитета оказалась не на стороне демократии. Дело в том, что союзный КГБ свои действия базировал на возможностях московского КГБ, и он активно готовил группу захвата. Были совещания, где начальники говорили: «Хватит этой демократии!» Один из заместителей начальника управления Е. Карабанов специально выделен на работу с российским парламентом и с Моссоветом для сбора всякой негативной информации по левому крылу депутатского корпуса. Все публикации, которые были в «Советской России», шли из этого источника. Огромную роль они сыграли и в деле «о 140 миллиардах». Они подобрали иностранцев, всячески способствовали тому, чтобы сделка состоялась, дожидаясь момента, когда можно поднять скандал. Они втирались в доверие, а сами собирали порочащие факты, «чернуху».

Хотя и в КГБ есть люди, которым всё это претит, которые хотели бы нормальной работы. Начальник одной из экономических служб московского КГБ Е. Матвеев выразил свой протест тем, что отказался там работать, и сейчас без дела.

К нам поступают сведения, что офицеров и солдат тех подразделений, которые выступили на стороне демократии, подвергают травле и преследованиям. Я хо-

чу заявить, что этих людей мы не дадим в обиду и используем наши возможности, чтобы защитить их.

— Расскажите, как вы летали спасать президента и арестовывали Крючкова.

— Вылет был внезапный. Самолета не было. Из школы МВД в Москву пробилась, несмотря на запреты, большая группа преподавательского состава офицеров. Замминистра МВД РСФСР Дунаев выбрал из них полсотни человек, и они поехали в аэропорт. Никто не сомневался, что будет стрельба, что, может быть, придется и помирать.

...Приземлились в Бельбеке. Руцкой и депутаты уехали на встречу с Горбачевым. Договорились, что мы держим самолет в полной готовности, и если через 3 часа от Руцкого не будет никаких вестей, то начинаем действовать самостоятельно.

Связи с миром никакой. Хоть недалеко военная база, но попасть туда мы не можем, там автоматчики, нам не хватало с ними сцепиться... Кругом — степь, море, ночь. Мы как на ладони. Попался офицер с машиной, просим отвезти за 6 километров к пункту милиции. Там хиленький телефон. «Есть с Севастополем связь?» Милиционер отвечает: «Заказывать надо и час ожидать». Кошмар! Но вскоре соединились с начальником Севастопольского управления милиции. Тому уже, к счастью, позвонил из Москвы В. Баранников, попросил оказать нам содействие.

Нас предупредили, что в Крыму уже приземлился самолет с Лукьяновым и Ивашко, и летит Ил-62 с Плехановым и 85 сотрудниками службы охраны.

Изучили местность, решили, что 5 человек будут охранять наш самолет, все остальные рассредоточились, чтобы в случае нужды вести перекрестный огонь...

Часов 10 вечера. Известий от Руцкого нет. Подъехала машина, выходит офицер службы охраны и говорит, что в наш самолет нужно посадить группу людей с дачи президента.

Я отвечаю, что «можно, если мне такую команду даст Руцкой. Или вы мне организовываете связь с Руцким, или вы отсюда не уедете. Я вас не выпущу». Он отвечает: «Поехали». Так мы и встретились с Руцким.

Когда в самолет сели Президент и его семья, было решено доставить сюда Крючкова. Его пригласили в

самолет Президента, и, я уверен, он не думал, что его арестуют. Он надеялся на разговор с Горбачевым.

Мне было поручено отвечать за жизнь Крючкова. У того в руках была пухлая папка, явно с ценными материалами, так как он ее крепко держал. Я не отрываясь следил за его руками, готовый в случае чего их перехватить.

— Какое у него было состояние — безразличия, страха?

— Тревоги. Страху не было. Его мысль все время работала, он пытался уснуть, но не удавалось.

Арестовали его уже в Москве. Руцкой меня вызвал и сказал: «Арестовывай». Когда Крючков попытался вместе со всеми выйти из самолета, я сказал: «Посидите еще, надо подождать». Когда он попытался встать второй раз, я повторил свою просьбу. Он сказал: «Я все понял». Я ответил: «Вы поняли правильно».

Вышли из самолета, к Крючкову подошел Генеральный прокурор России Степанков, объявил об аресте.

— Какое у вас было ощущение, когда вы арестовывали своего начальника?

— Неприятное.

— Как вы думаете, зачем они рисковали своей карьерой, собой?

— Они были уверены в успехе. Ведь в их руках были армия, КГБ, МВД, Лукьянов и недовольство народа бардаком в стране. Они считали, что народ их поддержит.

Наша беда в том, что в руках КГБ — гигантская власть, этого не должно быть.

Аргументы и факты. 1991. № 34

Н. Бурбыга

НА ЗВОНОК ЕЛЬЦИНА

ГЕНЕРАЛ ГРАЧЕВ ОТВЕТИЛ:

«МЫ НА СТОРОНЕ РОССИИ»

Первым заместителем министра обороны СССР, председателем Государственного комитета РСФСР по обороне и безопасности назначен генерал-полковник Павел Грачев.

Из досье «Известий». Павел Грачев родился в 1948 году в деревне Рвы Тульской области, русский. Окончил военные академии — имени М. Фрунзе и Генерального штаба. Служил в Афганистане, был удостоен звания Героя Советского Союза. До назначения первым заместителем министра Обороны СССР был командующим Воздушно-десантными войсками. В дни попытки совершения государственного переворота Грачев занял твердую позицию противодействия решениям ГКЧП.

— Павел Сергеевич, когда вы узнали о том, что в стране законная власть переходит к так называемому ГКЧП?

— Мысль о том, что М. Горбачев заболел, что, видимо, он передает руководство страной вице-президенту Янаеву и что, если народ будет волноваться, введется чрезвычайное положение, навязывалась еще 18 августа.

— Кем?

— Министром обороны Язовым... Утром 19 августа мне позвонил Борис Николаевич и спросил: «Что происходит?» Я доложил ему все, что знал, что Михаил Сергеевич заболел, что его обязанности теперь якобы выполняет Янаев. Ельцин ругнулся, сказал: «Провокация это». И спросил: «Выделишь своих людей на охрану?» Я сказал: «Да». Вскоре к «Белому дому» я направил генерала Лебеда.

— Как велась подготовка к штурму здания парламента России и какая роль отводилась в этом деле ВДВ?

— 20 августа между четырнадцатью и пятнадцатью часами в кабинете заместителя министра обороны СССР по экстремальным ситуациям генерала Ачалова состоялось совещание. Там были генералы Варенников, Калинин, Карпухин, много гражданских, которых я не знал. Обстановка была напряженной... Говорили: правительство России выступило против ГКЧП, переговоры с ним ни к чему не привели... Надо сделать так, чтобы признание состоялось. Была поставлена задача: оцепить здание парламента. Мне было сказано — десантников разместить в районе американского посольства, войска МВД размещались на Кутузовском проспекте, а спецподразделение «Альфа» — на набережной. А план такой: войска МВД оттесняют людей во-

круг здания парламента, а в проход входит «Альфа» и штурмует здание.

— Кстати, как вел себя во время совещания командир «Альфы» генерал Карпухин?

— Активности с его стороны не было. На мой взгляд, он был даже пассивен и подавлен. Ночью перед штурмом парламента он позвонил мне. До штурма оставалось два часа. И говорит: «Звоню своему начальству, но никто не отвечает». «Где находишься?» — спросил я его. «В двух километрах от здания парламента России. Оценил обстановку и принял решение...» Он помолчал. Я тоже его не торопил. Потом продолжил: «Участвовать в штурме не буду». «Спасибо», — сказал я. «Моих тоже нет уже на территории Москвы. И я больше шага не сделаю...»

Разговор велся при моих заместителях.

— Но бывшие подчиненные Карпухина уже сообщили, что их командир готов был выполнить приказ, а вот они, мол-де, провели совещание и, посоветовавшись, решили больше не принимать участия в мероприятиях, которые планировал ГКЧП...

— Об этом заявлении мне тоже известно. Думаю, Карпухин был в более трудном положении, чем его подчиненные. Ведь он не мог им сказать обо всем сразу. Его отстранили бы, заменив на более ретивого или покладистого. Тогда — все.

— Как вел себя все эти дни тогдашний министр Язов?

— Я бы сказал, очень культурно. Он несколько раз выходил со мной на связь. Приглашал к себе. Интересовался настроением. Даже по имени, Пашей, называл, чего раньше никогда не было. Но при постановке задач он не принимал участия.

— На когда был назначен штурм?

— Время выдвижения — в полночь 20 августа. Штурм должен был состояться в 3 часа ночи. Что удивительно? Задолго до штурма все гэкачеписты вдруг уснули. В полночь своих десантников мы не стали выдвигать. Проходит час, но никто не звонит. Мои заместители шутят: они, очевидно, спокойно спят, а нас в очередной раз подставляют, надеются, что мы начнем эту бойню.

Позвонил генералу Громову. С ним я и раньше постоянно контактировал и знал, что ему антипатичны самозванцы. Рассказал ему о своем разговоре с Кар-

пухиным. Спросил, что делают войска МВД? Он ответил коротко: «Стоят. И никуда не пойдут».

После этого я понял, что у ГКЧП ничего не получилось и уже не получится никогда.

— От защитников «Белого дома» довелось услышать упрек в адрес десантников, которые, несмотря на просьбы продержаться некоторое время у «Белого дома», покинули свои позиции, тем самым оставив их на произвол судьбы.

— Если вы обратили внимание, то десантники в те дни все время совершали какие-то маневры. Мой разговор с Ельциным, я уверен, подслушивался. Мой заместитель генерал Лебедь тоже был под подозрением. Поэтому все наши действия со стороны напоминали шахматную партию. Например, Язов потребовал перебросить в Москву Белградскую дивизию. Я переговорил с Евгением Ивановичем Шапошниковым, и тот посоветовал тянуть время. Якобы из-за погоды мы не давали команды на взлет. Но со стороны министра усилилось давление. Я приказал с интервалами в 10 минут хаотично приземлять полки на два аэродрома. После чего их долго собирали. Потом я дал команду одному из полков совершить марш до кольцевой дороги и больше не дергаться.

Через час мне звонит комдив. Докладывает, что приехали народные депутаты, интересуются, что делать? Я сказал: «Успокой их. Скажи, что мы в Москву не войдем...»

— Павел Сергеевич, как получилось, что особая воздушно-десантная Витебская дивизия была передана КГБ СССР?

— Эта дивизия плюс две мотострелковые дивизии и одна мотострелковая бригада были переданы КГБ. Объяснялось это тогда тем, что возможны прорывы границы, межнациональные конфликты. Решение это офицерами было воспринято с возмущением. Они вышли с лозунгами: «ВДВ никогда не подадутся в КГБ». Более 150 офицеров отказались служить в КГБ и были переведены в другие части. Людей обрабатывали долго. Оставили название. Плюс увеличили денежное содержание, другие льготы... Кстати, эта дивизия не привлекалась ГКЧП. Сидела на месте. Очевидно, уверенности в ее «благонадежности» у путчистов не было. Сейчас она снова возвращается в ВДВ, что воспринято личным составом с ликованием.

— И последний вопрос: какие задачи вам придется решать в новой должности — председателя Госкомитета РСФСР по обороне и безопасности?

— Если коротко, в сферу моих служебных обязанностей входят вопросы от формирования военной политики до меню рядового срочной службы.

Известия. 1991. 4 сентября

Ю. Хайтина

ОБОРОНА ПО ПЛАНУ «ИКС»

Наш собеседник — генерал армии Константин Кобец, 52 года, министр обороны России, доктор военных наук. В недавнем прошлом заместитель начальника Генштаба, начальник связи Вооруженных Сил.

— По словам заместителей Язова, которые после провала путча дали пресс-конференцию, введение войск в столицу объяснялось тем, что якобы руководство Московского военного округа по своей инициативе приняло решение о проведении в Москве учений...

— Да никаких учений Московским военным округом на это время не планировалось. Войска были подняты по боевой тревоге...

— Не учебной, а боевой?..

— Именно боевой! В полной экипировке с боевыми патронами, а не холостыми, как рассказывали.

— Так какая задача была поставлена этим войскам?

— Блокировать все наиболее важные объекты, органы государственной власти — в Москве это Моссовет и российский парламент. Во-вторых, создать благоприятные условия для того, чтобы быстро покончить и с законной властью, не подчинившейся решениям ГКЧП, и с теми, кто встал на ее защиту.

— Знали ли офицеры, которые ввели воинские подразделения в столицу, какие цели преследуют эти «маневры»?

— Нет, конечно. Перед ними поставили задачу выдвинуться в определенную точку. Они действительно думали, когда пошли выполнять приказ, что в Москве происходит что-то серьезное. Но вот когда на своем

пути они встретили толпы людей, которые начали объяснять, что произошло в стране, когда к танкам и бронетранспортерам вышли народные депутаты — и мы вместе с Борисом Ельциным выступали перед людьми прямо с танка, — офицеры и солдаты начали понимать, для каких целей их хотят использовать. И тогда некоторые части перешли на сторону российских властей.

— Существовал ли какой-то план обороны российского парламента?

— Да, у меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался план «Икс». Мы тут же начали возводить баррикады. По секторам, внешним и внутренним, на все участки обороны я тут же старшими назначил наших офицеров, а в штабе обороны было всего лишь девять генералов. Мы заранее определили, какое предприятие что должно нам выделить: где взять железобетонные плиты, где — металл и т. д. Продумали, каким образом обрезать провода, как забаррикадировать мост, чтобы на него не прошли танки. По информации, которая поступала в штаб от людей, народных депутатов, на те маршруты, по которым выдвигались войска, тут же выставлялись заслоны: из техники, бульдозеров, кранов, снегоочистителей, бензовозов, водовозов и всего того, что было у нас под руками.

Когда на улицах возникли баррикады, как раз в тех местах, где уже не могла пройти боевая техника, начался отход войск назад. В общем, получилось черт знает что, какое-то хаотичное движение. И дисциплина уже была нарушена.

Под руководством заместителя премьер-министра Михаила Малая были введены даже 15 катеров и барж, чтобы блокировать Москву-реку...

— А были ли на момент переворота в вашем распоряжении военные подразделения?

— Нет, у нас никаких войск не было. На помощь сразу пришли добровольные объединения десантников, «афганцев», правоохранительное объединение «Колокол» и некоторые другие. В здании находилось примерно около 150 профессиональных военных, офицеров.

— Возможно, если бы на месте командующего Московским военным округом был не Калинин, а ленинградский Самсонов, который не отдал приказа ввести

войска в Санкт-Петербург, переворот в первый же день окончился бы провалом...

— Если сейчас вешать на Калинина всех собак, то это будет неправильно. Калинин оказался все же порядочным человеком. Хоть он и издал приказ о введении комендантского часа и ввел войска, он все же не предпринимал активных мер, чтобы разрушить наши баррикады. А ведь вы сами понимаете, что это сделать несложно: отряд разграждения бросил — и до рога открыта.

Я постоянно связывался с Калининым по телефону, иногда чуть ли не по несколько часов не отнимал трубку от уха. Я ему: Николай Васильевич, такой-то полк такой-то дивизии идет по такому-то маршруту. Останови! Дай такую-то команду! Не вздумай ничего сделать! Не вздумай дополнительные силы! И он выполнял это. Он подчинялся фактически двум командирам. С одной стороны, он не мог нарушить приказ министра обороны. С другой — не мог пойти против народа. Калинина просто подставили самым наглым образом...

— Но в такой же ситуации оказались и другие офицеры. Особенно тяжело, наверное, было тем, кто командовал подразделениями, вошедшими в Москву...

— Командирам частей, вошедшим в столицу, я сказал: я понимаю, что вы связаны присягой и уставом, что вы должны выполнять приказ. Но выполняйте этот приказ с замедлением на 10—15 минут. Чтобы мы успели. Ведь у них танки, БТР, а у меня — снегоочистители, грузовики и т. д.

— Эта двойственность положения офицера в такой ситуации трагична...

— Для того чтобы этого не происходило, срочным образом необходимо ввести в законодательство страны положение о том, что военнослужащий может не выполнять приказ, если он противоречит Конституции, как это сделано в Соединенных Штатах Америки.

— В ночь с 20 на 21 августа все ждали, что на крышу «Белого дома» высадится отряд КГБ и спецвойска начнут штурм российского парламента...

— Это была наша самая главная задача — не дать прорваться передовому отряду 103-й воздушно-десантной дивизии КГБ и этим самым не позволить им создать условия для штурма здания группой «А» («Альфа»). И второе — не допустить огневого боя. Если бы

он начался, вы сами понимаете, что мы продержались бы не больше 15 минут. Было бы море крови, конечно же никто не сдался бы, но...

Помог Шапошников: он не дал вертолеты. Помог, наверное, и Глеб Якунин, который молился Богу за нашу победу. И Бог сделал такую погоду, что вертолеты не взлетели бы.

А поскольку передовой отряд не прорвался, группа «А» не могла штурмовать. Потому что она не была в состоянии преодолеть всю эту массу народа, которая не представляла толпу, а была разделена на отделения, взводы, роты, каждая из которых знала свою задачу. И мы их даже успели оттренировать, как пропустить сначала «Альфу», а потом сжать телами и обезоружить...

— Константин Иванович, почему, на ваш взгляд, войска не были введены в такие сильные республики, как Украина или Молдова?

— Все должно было решиться в Москве. Если бы российский парламент пал, то с остальными справиться было бы гораздо легче. Кстати, как вы, наверное, заметили, многие республики заняли выжидательную позицию и, только лишь когда обстановка стала проясняться, предприняли какие-то решительные действия.

— Переворот выглядит несколько театральным. Почему, на ваш взгляд, его инициаторы свернули с полпути, хотя на серьезное сопротивление у них сил было достаточно?

— Просто переворот делали люди, не уверенные в себе.

— На что же они надеялись?

— На авось. Это чистой воды авантюра.

— Язов не похож на авантюриста...

— Да, я до сих пор не могу понять позицию Язова. Я имел с ним телефонный разговор в 10.30 утра 19-го. Он позвонил мне и сказал, что мы должны подчиниться ГКЧП, а в противном случае я и моя семья будем интернированы. И на следующий день уже было готово решение о возбуждении против Ельцина и против меня уголовного дела — скажу я, немного забегая вперед. А во время того телефонного разговора я ответил, что свое решение принял еще в январе, когда пришел в российский парламент. Еще в своей предвыборной программе я говорил, что буду всеми спосо-

ми отстаивать независимость, целостность и суверенитет России.

— В кулуарах ходят разговоры о том, что за «восьмеркой» гэкачепистов стоят и другие люди, в том числе называется и фамилия Варенникова...

— Да, Варенников сыграл большую роль в этом деле. Он подписал «Слово к народу». Кстати, перед путчем он был в Крыму, в той самой делегации, которая уговаривала Горбачева подписать свое отречение. Он все знал. Туда же был вызван и Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Чернавин. Но тот, к его чести, оказался настоящим адмиралом и не стал участником сговора.

— Как вы думаете, давно сложился план захвата власти у знаменитой «восьмерки»?

— Я думаю, что эта «работа» началась с того момента, когда на сессии Верховного Совета СССР выступил Валентин Павлов и попросил себе дополнительные полномочия. Тогда же выступали и Крючков с Язовым. Тогда мне стало ясно, что акция военного переворота уже намечается. Точной информации на сей счет я не имею: прокуратура разберется. Но логика вещей подсказывает именно такую версию. Тихий переворот 1964 года пытались повторить в августе 91-го... Но страна сегодня не та, люди добровольно не пойдут в стойло.

Лишний раз я хочу выразить признательность всем, кто помог нашей победе. Удивительно, как сплотились в трудную годину народные депутаты. Я убедился, что это — великолепный народ. Они четко и смело действовали. Я ставил им задачу, и они бросались навстречу танкам и бронетранспортерам. Я даже не знаю, как у них получалось, ведь это гражданские люди. Я готов каждого обнять... Но почему теперь, говорю я им, вы на сессии друг друга отталкиваете от микрофонов, не можете прийти к согласию? Ну, действуйте так же дружно, как это было в августовские дни.

— Будет ли продолжать свое существование Министерство обороны России?

— Я думаю, что его нужно расформировать. Оно выполнило свою задачу. Указ Ельцина о переводе Вооруженных Сил, действующих на территории России, под юрисдикцию РСФСР и создании своего Министерства обороны в тот момент был единственно верным.

Надо было дать войскам возможность одуматься. И Ельцин четко сказал в том Указе: совершен переворот, устранен Верховный главнокомандующий, и в это время данный шаг — единственно верный. А когда будет отменено чрезвычайное положение, Горбачев вернется к законной власти, будут сформированы новые государственные структуры, все вернется на круги своя.

Этот Указ сыграл большую роль. Например, большой противолодочный корабль «Таллинн» поднял национальный флаг России и отказался выполнять указы ГКЧП. Группировки войск на Сахалине, на Камчатке и много других гарнизонов сделали то же самое.

— Но с судьбой Союза пока ничего не ясно. Возможность другого переворота не устранена...

— Но нельзя создавать прецедент, оставляя сейчас, когда ситуация все-таки стабилизировалась, Министерство обороны России. В противном случае другие республики могут начать подозревать Российскую Федерацию в желании диктовать свои условия, в том числе и территориальные, с позиции силы. Ни к чему хорошему это привести не может. Вооруженные Силы должны быть едины и находиться под единым командованием.

— Но в республике должны существовать какие-то силы обороны. Эти функции будет выполнять национальная гвардия?

— Мы обязательно будем создавать национальную гвардию. Но пока сложно сказать, что она будет представлять собой, какой будет ее концепция, принципы строения. Мы благодарны народному ополчению, ребята из которого уже составляют списки желающих вступить в национальную гвардию. Но просим не торопиться: это серьезный вопрос — дайте нам возможность как следует его разработать.

— Как все-таки предохранить нашу страну от подобных переворотов? Кто помешает подобным Крючкову, Пуго и иже с ними руководителям пойти на такой шаг в следующий раз?

— Коллегии основных министерств, в том числе КГБ, МВД, Министерства обороны, должны состоять из полномочных представителей республик, руководителей соответствующих республиканских кабинетов. Все решения коллегии должны приниматься на принципах единогласия. И второе. Надо быстро решить

вопрос с Союзным договором. Мы подготовили целый пакет предложений по оборонным вопросам. Мы предлагаем в виде приложения к Союзному договору принять соглашение о разграничении полномочий в сфере обороны. И кроме того, нужно четко отследить все формулировки. Вот маленький пример. В последнем проекте Союзного договора Центру делегируется защита территориальной целостности СССР. Мы дописали: «При военном нападении». Если этой фразы здесь не будет, то территориальную целостность можно трактовать по-разному. К примеру, республика захочет переделать границы — и тут же будут введены войска... А вообще, что касается самой начинки Союзного договора, то ее нужно в корне переделывать.

— Какова сейчас обстановка в войсках? Я слышала, что вы сейчас принимаете меры по дополнительному контролю над ядерным оружием. Неужели может что-то случиться?

— Мы действительно сейчас принимаем активные меры, чтобы не допустить несанкционированного применения ядерного оружия, чтобы усилить оперативное управление войсками. Но ничего страшного не грозит, просто дополнительные меры безопасности никогда не помешают.

А в войсках обстановка действительно тяжелая. Неуверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, нагнетающаяся напряженность, которая создается теми, кто сейчас кинулся в «охоту за ведьмами», дают о себе знать. Но мы не собираемся устраивать всеобщее гонение. Главная задача — как можно быстрее провести реформу армии.

— Знаю, что на оборону «Белого дома» встал не только генерал-полковник Константин Кобец, но и его сын...

— Нужно отдать должное командиру Берлинской бригады, где служит мой сын, подполковнику Александру Николаевичу Евтееву. Он дал свои деньги, валюту для того, чтобы мой сын приехал в Москву в эти тяжелые дни...

— Спасибо вам за все, Константин Иванович...

— И вам спасибо...

Московский комсомолец. 1991. 31 августа

РЕЗЕРВНЫЙ СОВМИН В БУНКЕРЕ

*Запасной вице-премьер Алексей Яблоков:
«Если бы «Белый дом» был захвачен, российское
правительство все равно существовало бы»*

Прошел первый день, для всех нас какой-то шальной. Часа в четыре вечера вызывает меня Бурбулис: «Решено организовать резервное управление народным хозяйством. Поднимись к Лобову». Вместе с первым заместителем Силаева Олегом Ивановичем Лобовым обдумываем указ. Через полчаса все было готово. Указ № 62 был подписан в пять вечера: создать резервное управление народным хозяйством, для чего соответствующими полномочиями наделяются первый заместитель предсовмина Лобов, член госсовета Яблоков и член Президиума Верховного Совета Красавченко.

Естественно, мы хотели придать нашей работе секретность. Но совсем скрытно такую операцию не проведешь. Это ясно. И была выработана рабочая легенда. Лобов по статусу является начальником гражданской обороны России. И вот мы, группа, сформированная Советом Министров РСФСР, едем в Свердловск для проверки состояния гражданской обороны в России.

Во всех регионах страны есть так называемые запасные пункты управления. Сделаны они были еще в период «холодной войны». Это бункеры на глубине 10—15 метров, в которые подведена правительственная и другие виды связи, организовано жизнеобеспечение. Хотя и очень паршивое и несерьезное. Место, где мы находились — поселок Верхняя Сысерть, — в 60 километрах к югу от Свердловска. Подземное здание было законсервировано. Правда, там проводились учения. Потому-то, кстати, Лобов и выбрал это место. Сначала речь шла о том, чтобы ехать в Зеленоград. Все-таки там очень мощные демократические силы, которые могли бы нас защитить. Но, подумав, решили — Свердловск. Сил там не меньше, а от Центра все-таки дальше. К тому же Лобов всего несколько лет назад был одним из руководителей области. Знал о существовании бункера, знал местные условия...

В шесть часов начала формироваться наша группа. В нее вошли вторые лица министерств, начальники

главков, пять высших офицеров гражданской обороны во главе с генерал-майором Дроновым. Всего двадцать четыре человека. Все те люди, которые могли бы действительно принимать оперативные решения, если что случится. Все понимали, что речь идет о резервном правительстве. Хотя слово это нигде не употреблялось. Но если бы «Белый дом» был захвачен, российское правительство существовало бы. По указу у нас были все полномочия: «организовать оперативное управление народнохозяйственным комплексом республики и обеспечить эффективность действия основных государственных структур». Лобов — премьер, мы с Красавченко и Кисиним — замы.

Стоит, пожалуй, вспомнить, как мы вылетали из Москвы. Препятствия чинились жуткие. Решили не пользоваться самолетом, который есть в распоряжении российского правительства — боялись, что нас просто не выпустят. И мы были правы. Этот самолет оставили в резерве. В качестве рабочего варианта выбрали такой. Нам было известно, что одно советско-турецкое СП совершает чартерные рейсы. Самолет советский, с нашим экипажем, но с турецкими опознавательными знаками. Этот самолет был готов вылететь с нами из Внукова. Возник вопрос, примет ли такой самолет Свердловск. Согласие получили довольно быстро. Стали готовить машину к вылету. Получили извещение о том, что летчики прошли предполетную подготовку, получили карты, мы можем лететь. Приезжаем во Внуково. «Какой самолет? Какая подготовка? Ничего не известно». Попросту нас блокировали. Лобов выходит на министра авиации и открытым текстом говорит, что по поручению Ельцина мы должны лететь в Свердловск. Министр оправдывается — у него какие-то сложности, он нам обязательно даст улететь, но, к сожалению, рейсовым самолетом, и завтра, и из Домодедова. Оставляем несколько человек заниматься билетами, остальные отправляются спать в Москву.

Рано утром 20-го собираемся в Домодедово. Странная ситуация. Билеты вроде бы и есть, но нам их не дают. Через некоторое время получаем пачку. Среди нас четыре депутата, но приходится платить свои деньги. Черт с ними — шестьдесят пять рублей не жалко, лишь бы улететь. Опять затычка. Рейсовый самолет на Свердловск не вылетает. Опять связываемся с министром авиации — опять невнятные объяснения. Обраща-

емся к начальнику отряда. Тот говорит: «Экипаж не хочет лететь». Выходим на экипаж. Они нам: «То есть как не хотим лететь? Мы с удовольствием и для вас, и для России. У нас приказ был. Рейс изменен, нам предписано лететь на Оренбург. Конечно, мы полетим в Свердловск». Вроде бы разобрались. Садимся в самолет. Заходят пассажиры. Самолет не взлетает. Ждем час. Ну наконец-то.

Прилетели в Свердловск. Сразу же состоялась встреча в областном Совете с его руководством, с руководством КГБ и МВД области, армии. Кстати, это тот самый округ, которым командует Макашов. С областным Советом ситуация совершенно была ясна — председатель заявил: «Никакого чрезвычайного положения, комитет не признаем». Позиция МВД тоже однозначна: мы подчиняемся только законно избранной власти. КГБ и армия с некоторыми качаниями заняли ту же позицию: будем согласовывать свои действия с руководством области, ничего самостоятельно не будем предпринимать.

Приехали на место. Стали размещаться по комнатам. На комнатах в бункере таблички — «1-й секретарь», «2-й секретарь», «председатель исполкома» и т. д. Мне по чину достался кабинет второго секретаря. Развернули работу на пункте. Начали с того, что послали телексы во все области. Проинформировали всех об указе № 62. Просили всю информацию о положении дел в регионах. За каждым была закреплена группа областей. Так сказать, общественно-политическая часть была на нас с Красавченко, а общее руководство и хозяйственная часть — на Лобове. Началась интенсивная работа. Для начала продумали вопросы, ответы на которые нам нужно получить из регионов в первую очередь. Получилось семь-восемь вопросов: наличие связи с армией? Насколько армия взаимодействует с советской властью? Подчиняется ли или есть вероятность, что будет выполнять приказы ГКЧП? Отношение местного руководства к ГКЧП? Какими документами подтверждается это отношение, есть ли решение Совета, публичные выступления первых лиц? Как информация о действиях российского правительства доводится до населения?

Всего у нас было 88 областей и регионов. Для связи в бункере — около десятка телефонных аппаратов, три аппарата ВЧ, система быстрой связи «Искра». Со свя-

зью, надо сказать, были большие сложности. «Искрой» так и не смогли воспользоваться — не было справочника со специальными кодами. ВЧ вообще работала отвратительно. С этим, кстати, надо еще разобраться. Начальник управления ГБ отрицал свое причастность к этому делу, но после нашего жесткого разговора с ним правительственная связь заработала несколько лучше. Значит, все-таки что-то было тут. Постоянно прерывались разговоры, иногда просто не соединялось. Надежней было пользоваться обычными телефонными аппаратами.

На следующее утро Лобов, Красавченко, Кисин и я выехали в Свердловск на сессию областного Совета, на которой должна была обсуждаться вся эта ситуация. Сессия прошла, на наш взгляд, очень хорошо. Совет принял достаточно жесткие решения. Одно из них — лишить все партийные структуры правительственной связи. Первый секретарь обкома Романов в знак протеста покинул сессию, призвав всех коммунистов последовать его примеру. Вышли еще четыре человека. Из двухсот коммунистов, сидевших в зале.

После заседания — общегородской митинг. Грандиозный по масштабам Свердловска — более ста тысяч человек. Выступал Лобов, благодарил за поддержку, говорил, что мы надеемся на помощь и защиту. Сразу же люди предложили охрану нашего бункера: «Сколько тысяч должны встать вокруг вас лагерем?» Мы ограничились взводом ОМОНа. Но были уверены: одно слово — и вокруг нас встанут десятки тысяч людей.

Область предоставила в наше распоряжение несколько автомобилей, вертолет. В принципе, рассматривался вариант дальнейшей эвакуации. Для того и вертолет. Насколько мне известно, Козырев за границей прорабатывал вопрос о возможности существования правительства в изгнании.

Но все обошлось. Уже днем двадцать первого, когда все стало ясно, наше существование и работа стали двусмысленными. Мы свернулись и уехали.

Записал А. Зуйченко

Независимая газета. 1991. 27 августа

ВЕРНУЛСЯ Я НА РОДИНУ — В САДУ... СОЛДАТЫ С ТАНКАМИ

Имя В. Козловского, эмигранта «третьей волны», корреспондента русской службы Би-би-си в Нью-Йорке, вероятно, известно многим. И вот В. Козловский снова в Москве как участник конгресса соотечественников. С ним беседует корреспондент «АиФ» Д. Макаров.

— Как отреагировали соотечественники на события 19—21 августа?

— Я спрашивал об этом у организаторов конгресса, и, как мне сказали, практически никто домой не собирается. Некоторые даже заявили, что теперь со своим народом готовы оставаться до конца в эту трудную минуту.

— Как для вас начался переворот?

— Где-то в 12 часов дня 19 числа я пошел на Манежную площадь, где начался импровизированный митинг. Толпа была не 100—150 человек, как передавали по советскому телевидению, а тысяч пять. И вдруг вперед выходит в сопровождении четырех «шестерок» В. Жириновский, пытается забраться на парапет и что-то там прокричать.

— И как отреагировала толпа?

— Произошла сцена, которую я нахожу крайне безобразной, но, к сожалению, симптоматичной для происходящих в этой стране процессов. На Жириновского набросились и чуть было не линчевали. Его «шестеркам» едва удалось его отбить и затолкать в вестибюль гостиницы «Москва». Жириновский, видать, давно уже на политической арене, потому что ему удалось сохранить профессиональную улыбку политика.

— Судя по вашему репортажу по Би-би-си, вы были свидетелем событий у Верховного Совета РСФСР.

— Позвонил мне в 12 ночи 20-го приятель из агентства ЮПИ, живущий на Садовой, и спрашивает: «Владимир, это что за звуки такие? Неужели выстрелы?» Даже по телефону были слышны хлопки. Я выскочил из гостиницы, и кто-то, несмотря на комендантский час, за 5 долларов меня довез до таксопарка. Там

толпа. Люди кричат: «Стреляют, убивают!!!» А за домами в ночном небе летят трассирующие очереди. Подхожу, под мостом у Калининского горит троллейбус. Зрелище ужасное. Горит БТР, народ кричит, что там боезапас, который может взорваться. Рядом из дома со второго этажа стали лить воду. Смотрю, японцы лезут прямо в огонь со своей камерой. Тогда и я стал пробираться через огонь.

Чем хороша эта страна, так это тем, что она как будто создана для антиправительственных действий. Все в армии служили, все знают, как парализовать боевую технику. Берется какой-нибудь штырь и вставляется в гусеницу, ну и дальше танк или БТР не едет.

Смотрю: стоит на БТРе молодой мальчишка в форме и на грани крайней степени возбуждения кричит: «Мы не хотели, отойдите отсюда!» Народ кричит о каком-то страшном количестве убитых.

Я пошел к «скорой помощи»: действительно, лежит убитый, полголовы у него снесено, сидит человек рядом на асфальте и окровавленными руками перелистывает его документы. Как мне объяснила милиция, шли бронетранспортеры. Одному из них заткнули смотровые щели, и он стал метаться по туннелю. Когда стали стучать по люкам, солдаты внутри начали паниковать. Долбанули из пулемета.

Все это длилось долго — несколько часов, потому что толпа окружила эти бронетранспортеры, их не выпускают, солдаты кричат, один из них с подбитым глазом. Все-таки солдаты не сдались, оружие не отдали, посадили какого-то депутата сверху на броню. Стали выбираться из этой ловушки троллейбусной, впереди идет полковник и несет на грязной палке привязанный носовой платок. Если ехать от Смоленки по левой стороне туннеля, была здоровенная лужа крови, поэтому камни, которые кидали в БТРы, сложили вокруг, чтобы огородить. А часа в 3 ночи поставили крест из березовых поленьев.

— Не жалеете, что приехали?

— Нет, конечно. Увидеть такое — большая удача для журналиста. Если остался в живых.

Аргументы и факты. 1991, № 34

СТРАШНО ВЫЛЕЗАТЬ ИЗ-ПОД ГУСЕНИЦ БМП

Капитан I ранга Михаил Головкин: «То, что я считаю необходимым сообщить «Известиям» о трагической ночи с 20 на 21 августа, я уже рассказал в Московской прокуратуре. Мое признание документально зафиксировано». Итак...

...У «Белого дома» России в числе многих и многих его защитников были офицеры армии и флота. И не так уж мало их оказалось. Просто большинство пришло в «гражданке». Те же, для кого свершившийся переворот перечеркивал дальнейшую службу, надели форму. Так поступил и я.

Около 0.15 21-го я находился на площади перед мостом через Москву-реку. Какой-то мужчина, взбравшись на баррикаду, крикнул: «Штурм начался! Техника идет по Садовому! Свободные — на защиту баррикад!» Бегом вместе с другими людьми я поднялся к туннелю под Калининским. Внизу несколько БМП двигались с улицы Чайковского в сторону Смоленской площади. Пока машины перестраивались и подтягивались, я успел добежать до баррикады из троллейбусов на выходе из туннеля...

Вокруг меня и за троллейбусами было не меньше 100—150 человек. Готовых, как я уже понял, лечь под гусеницы. Это неправда, что они были пьяны! Несколько «личностей» в хорошем хмелю дали деру сразу с появлением военной техники.

Перед глазами у меня стояли те тысячи на площади перед российским парламентом. Что могут натворить эти БМП, если им действительно отдан приказ прорваться к «Белому дому», я представлял. И еще сидело в голове, что меня, старшего офицера в морской форме, ясно видной при свете фар, сразу давить не будут. Хотя бы выслушают или просто арестуют. Но я ошибся...

Думал я и о том, что если первым навстречу БМП выйдет офицер, то хоть на миллиметр, но меньшими будут обвинения в том, что армия пошла против народа, когда путч провалится. А в том, что он провалится, я не сомневался уже после опереточной пресс-конференции «лидеров» переворота.

Все это очень сумбурно пронеслось в мозгу, и я вышел вперед, перегорев дорогу первой БМП. Машина

резко затормозила, «клюнув» носом и качнувшись на подвеске, а затем, резко дав ход, подмяла меня под днище. Из-под гусениц второй БМП меня успели вытаскать двое парней.

Я был подмят под БМП, но остался жив. И, полагая, что дальше техника пойдет к «Белому дому» любой ценой, я закрыл своей плащ-накидкой смотровые щели одной из БМП. Остальные 7 или 8 БМП стояли и особой агрессивности не проявляли. Их механики-водители, до пояса высунувшись из люков, переругивались и перекрикивались с защитниками баррикады. Кто-то уже протягивал солдатам сигареты. И мне показалось, что все кончится без жертв. Тем более что до этого ко мне подбегали ребята с «боезапасом» бутылки с бензином. Я говорил: первая кровь не должна быть на нашей совести. И бутылки в ход не шли.

После удара о корпус БМП у меня гудела голова, болели колени, ныла левая рука. Две женщины помогли мне добраться до стены дома. Сидя на асфальте, я видел, как взобравшиеся на броню парни разворачивают брезент, скатанный за башней БМП и скрепленный ремнями, ломают радиоантенну... Как падают они вниз, сваленные стволом быстро разворачиваемого орудия. Видел, как в гусеницы засовывают железные столбы от дорожных знаков... Видел и приготовленные бутылки с бензином. Но уже ничего не мог изменить.

В 0.38 я записал на диктофон то, что видел (спасибо фирме «Сони» — он даже после удара о БМП продолжал работать). После этого я встал и захромал вниз, к «Белому дому», надеясь найти врача. Шел, не зная, что за моей спиной, в криках «Убийцы! Убийцы!» уже пришла смерть...

Я не знаю, что я должен был еще сделать, чтобы не было погибших. Я не знаю, что было бы, не закрыл мы смотровые щели машин. Но не выйти вперед перед первой БМП я не мог... Уверен, что если бы две головные машины не продемонстрировали готовность идти по людям, а командир группы вступил бы в переговоры, то жертв бы не было. Но в таких ситуациях каждый решает, где он должен быть и что должен делать, только сам за себя...

Известия. 1991. 2 сентября

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза Комарю Д. А., Кричевскому И. М. и Усову В. А.

За мужество и гражданскую доблесть, проявленные при защите демократии и конституционного строя СССР, присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно):

Комарю Дмитрию Алексеевичу;
Кричевскому Илье Маратовичу;
Усову Владимиру Александровичу.

Президент Союза Советских Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль.
24 августа 1991 г.

Красная звезда. 1991. 27 августа

С. Романовский, М. Сердюков

ИХ СМЕРТЬ — НА СОВЕСТИ ПУТЧИСТОВ

23-летний Дмитрий КОМАРЬ из Подмосковья, 37-летний Владимир УСОВ и 27-летний Илья КРИЧЕВСКИЙ из Москвы.

К сожалению, об этих людях и об обстоятельствах их гибели пока известно немного. Дмитрий Комарь служил срочную службу в Афганистане, видел смерть и поэтому лучше многих других знал цену жизни. И все же он полез на пробивавшуюся через баррикады БМП, чтобы набросить сверху брезент и «ослепить» механика-водителя. Его убило, по всей видимости, ударом незакрепленной створки люка, который у БМП находится сзади. Тело его так и повисло на нем, на этом люке...

Увидев смерть человека, к машине бросился Владимир Усов. Он хотел оттащить Комаря к людям. Но когда Владимир был уже в нескольких шагах от БМП, та неожиданно резко дала задний ход. Говорят, его тело потом собирали по частям...

Обстоятельства гибели Ильи Кричевского пока неизвестны. Срочную службу он служил танкистом и, по

словам приятеля, шел к «Белому дому» брататься с товарищами по оружию. Побратался... Как сказала мне следователь московской прокуратуры Валентина Фомина, он был убит выстрелом в голову.

К длинному списку жертв, который тянется от Баку до Вильнюса, прибавилась еще одна страница — Москва. Еще одна страница, на которой политиканы и «вдохновленные» ими военачальники расписались в «преданности» народу его же кровью.

Собеседник. 1991. № 35

**В. Коновалов, Э. Максимова,
Л. Савельева**

ПРОЩАНИЕ

*Борис Ельцин: «Простите
меня, что не смог защитить,
убережь ваших сыновей».*

В жизни они не встречались — Владимир Усов, Дмитрий Комарь, Илья Кричевский. Оказались рядом — в смерти. Она соединила трех молодых москвичей, соединила нас, граждан, стоявших на Манежной площади и вдоль всего погребального пути на Ваганьковское кладбище. Соединила наши слезы и наши надежды.

Кого в последний раз оплакивала Москва так искренне? С кем прощалась так скорбно? Когда собирала по доброй воле столько сотен тысяч в похоронной процессии?

Никто не знал этих троих парней еще неделю назад, кроме родителей, родных, друзей. А сейчас их имена известны миру. Их хоронит не только Родина — все честные люди Земли. Они стали трагическим символом бесстрашного, беззаветного сопротивления насилую. Пали жертвой... Мы знаем, кого и чего. Но — не окажется ли жертвоприношение напрасным?

Ответы на этот вопрос — самое важное сейчас для всех и каждого из нас.

Вот главное из того, что было сказано 24 августа с траурной трибуны на Манежной площади и что мы успели записать.

И. ЗАСЛАВСКИЙ.

— Кроме слов прощания, хочу сказать о самом простом: такое больше не должно повториться. Давайте немного помолчим.

Г. ПОПОВ.

— У нас, москвичей, много привилегий — мы можем побывать в Кремле, посмотреть спектакль в Большом театре, посетить Третьяковку. Но у нас есть и великие обязанности. Москвичи в эти дни до конца отработали свои «талоны», встав на защиту своего города по-русски, не щадя живота своего... Все трое погибших знали, что ненавидят и за что борются. В истории случайности редки... Но всегда после победы Москва бралась за молотки и топоры, чтобы строиться. Теперь все в наших руках. Надо возродить и обустроить жизнь. Им, троим погибшим, — слава. Нам — немедленный труд.

А. РУЦКОЙ.

— Сегодня весь мир провожает в последний путь трех бойцов за демократию. Мы все должны понять: если человек хочет жить свободным, небезразличным, чтобы не мучила совесть, надо поступать так, как эти ребята. Низкий поклон родителям, воспитавшим таких сыновей. Вечная им слава!

М. ГОРБАЧЕВ.

— Глядя в эти молодые лица и глаза их родителей, трудно говорить. Но позвольте мне не только от себя, от вас, но и от имени всей страны, всех россиян низко поклониться им, отдавшим жизни, ставшим на пути тех, кто хотел вернуть страну в мрачные времена тоталитаризма, столкнуть в пропасть, привести к кровавой бойне. Спасибо их родителям! Это — единственное, что мы можем сказать им в этот час. Перед памятью этих молодых людей я и все мы считаем себя обязанными продолжать идти избранным путем, быстрее выбираться на дорогу нормального развития и улучшения жизни, как бы тяжело это ни было. Прощения тем, кто пошел на путч, не будет. Я сегодня подписал Указ о присвоении Дмитрию Комарю, Илье Кричевскому, Владимиру Усову посмертно звания Героев Советского Союза. Мы провожаем в последний путь настоящих граждан. Они сделали все, что могли.

Е. БОННЭР.

— Эти три дня были не днями, не часами, а эпохой, за которую мы прошли неимоверно большой путь.

Я, старый человек, ничего не могу сказать, кроме слов утешения родителям этих мальчиков. Мы должны обещать им, что жизни их сыновей отданы не зря. Все вместе, всей страной мы должны запретить тем, кого мы избираем в руководство государством, путать понятия, сбивать нас с толку. Армия должна воспитывать солдат, а не убийц. Говоря это, мы не противопоставляем армию народу. Если мы говорим, что КПСС должна ответить за состояние страны и нравственность народа, то это не значит, что мы требуем привлечения к ответственности миллионов честных тружеников. Мы должны научиться думать сами и становиться гражданами. 132 года назад Авраам Линкольн открывал кладбище жертв гражданской войны в Америке. Их хоронили вместе, тех, кто погиб за свободу, и тех — кто за рабство. Мы не должны забывать, что мальчики, которые служат сейчас в армии, в спецназе и ОМОНе,— они тоже наши. Нам предстоит многому учиться — истинной человечности, преданности свободе и демократии. Я хочу сказать моему поколению, людям, прошедшим войну,— не тоскуйте о порядке. Том порядке, который ордуниг — любимое слово эсэсовцев. Порядок — это свобода и демократия.

Э. БИЧКАУСКАС.

— Эти трое защищали не только парламент России, но и парламент Литвы. Мы знаем: не может быть свободной Литвы без свободной России. Свою жизнь вы отдали за нашу и свою свободу.

А. КАРПЕНКО.

— Пока мы, «афганцы», живы, сделаем все, чтобы кровь больше не пролилась.

...О, люди, знайте, берегитесь!

Учитесь защищать себя!

А. ИСМАИЛОВ.

— Победа далась ценой ваших жизней... Мы, «афганцы», подросли. Ваша смерть дала нам силы... Спи-те спокойно. Мы победили. Прощайте!

Отец Вячеслав ПОЛОСИН.

— Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II в ночь штурма Верховного Совета РСФСР отлучил от святой православной церкви всех участников насильственного переворота. Народ будет вечно хранить память о своих павших сыновьях, ибо «нет выше той любви, как если кто положит жизнь свою за други своя...».

Э. КОГАН, раввин.

— Вы спасли Россию, демократию и надежду. Я прочту поминальную молитву о всех погибших...

И. ЧЕБУК.

— Молдова скорбит по этим ребятам. Больно, очень больно... Но поверьте, ребята, мы всегда будем помнить вас.

Р. СТРАУСС, посол США в СССР.

— Я обращаюсь к вам от имени президента Буша. Больше двухсот лет назад наш великий патриот сказал, обращаясь к Богу: «Дай нам либо свободу, либо смерть». С тех пор многие американцы, столкнувшись с таким выбором, пошли на эту великую жертву. Как эти молодые люди. Справедливость их дела не умаляет общего горя. Всю неделю американский народ испытывал вместе с вами шок и с восхищением следил за защитой «Белого дома» и всего, что этот дом символизирует. Мы разделяем с вами печаль, скорбим о цене, которой оплачено справедливое дело.

А. КОЗЫРЕВ, министр иностранных дел РСФСР.

— Весь мир следил за героизмом тех, кто насмерть стоял здесь. Теперь мы заслужили право вернуться в семью цивилизованных народов. Миллионы жизней за эти семьдесят с лишним лет были принесены на алтарь милитаризованной державы. Сегодня у нас есть возможность построить великую мирную державу. Теперь мы узнали, кто наши истинные друзья. Это — демократические страны Запада и Востока. Российская дипломатия никогда больше не будет дипломатическим отрядом КПСС, который создает прикрытие для вооруженных карательных отрядов КПСС. В нашем Министерстве иностранных дел мы объявили конкурс имени Ильи Кричевского на лучшие внешнеполитические идеи. Отсюда, от этих дней, от этих имен пойдет отчет новой мирной политики нового мирного государства.

Голоса с трибуны разносились по площади, собравшей десятки тысяч людей. Среди них, конечно, прежде всего те, кто встретил ночь вместе с погибшими. Они ищут и находят друг друга уже как однополчане-фронтовики: «25-й отряд», «отряд Белой гвоздики», «7-я сотня» — то здесь, то там мелькают надписи на щитах. Цветы, траурные повязки, печаль и скорбь на лицах. О чем сейчас думают люди на площади, что чувствуют?

Д. ЗАГРЕБАЕВ, шофер автокомбината № 33.

— Мне 55 лет, и я, бывало, тоже поругивал молодежь: много, дескать, хулиганов и бездельников. А ведь как показали себя молодые — и не только во время путча. Я же политикой уже несколько лет занимаюсь — на все московские демократические митинги ходил. И, конечно, трое суток у «Белого дома» отстоял. Погибших ребят мне не пришлось увидеть там живыми. Но многих и многих других знаю, таких же молодых, которые были на баррикадах рядом со мною. Любой из них мог также погибнуть. Они это понимали и были к этому готовы.

Е. ЗЛОТНИКОВА, ведущий научный сотрудник НИИрадио.

— Я в ту ночь была дома, и мне было страшно. А они не испугались. Безоружные, спасли нас и Россию от темной силы. Они погибли за моих детей, я обязана с ними проститься.

А. АХМЕДОВ, бывший преподаватель Азербайджанского экономического института, член Народного фронта Азербайджана.

— Я приехал в Москву как только начался переворот. Мы в Баку оказались в информационной блокаде, и Народный фронт Азербайджана направил меня для установления контактов с силами сопротивления, для участия в защите демократии. Это наша общая борьба. Это — продолжение кровопролитных событий в Баку, Вильнюсе, где я тоже был в январские дни. И трое ребят, которых мы сегодня хороним, погибли за то же, за что отдавали жизни люди в других республиках. Поэтому и победа у нас общая. Но еще не окончательная. Надеюсь, что у российских демократов хватит сил и мудрости, чтобы не поддаваться эйфории, а еще — удержаться от тех необольшевистских методов, которыми действовали их противники.

И. БУРКОВ, студент Воронежского сельскохозяйственного института.

— Приехал, чтобы попрощаться с погибшими москвичами, передать от своих друзей-воронежцев благодарность всем, кто спас страну. Мы хотим, чтобы здесь, в Москве, люди знали, что за ними вся страна.

И. ПЕТРЕНКО, инженер-конструктор.

— Их героизм не в том, что погибли. В том, что пришли защитить в ту ночь нас и страну. Погибнуть

мог любой, смерть всегда случайна. Но выбор каждый делает сознательно.

И. ЛОБОВ, военный.

— Тбилиси, Вильнюс, Москва... Всюду кровь, всюду замешана армия, состоящая из таких же ребят, кого мы сегодня хороним. Только демократия, только закон — вот наше спасение.

С. РУЗОВ, рабочий.

— Я пришел сегодня сюда, потому что виноват перед погибшими. Они пошли в ту ночь и не вернулись. Я остался дома — и жив. Не пошел... Не потому, что испугался — просто мне было все равно. Та ночь разбудила многих: равнодушие сегодня — это тоже преступление.

А. НЕЖНЫЙ, писатель.

— Когда в ночь с 20 на 21 августа где-то, по-моему, около четырех часов по радио «Белого дома» России объявили, что спецназ ГБ вот-вот начнет штурм здания, я подумал, что многим из нас не миновать нынешней ночью жертвенной участи. Море крови пролилось на нашей земле, но, должно быть, общий, соборный — как сказали бы в старину — наш грех столь велик, что еще не пришло время прощения и милости. И покаяние наше, наверно, сочтено было недостаточным, и Тот, Которому все открыто и Который ведет даже сокровенную нашу мысль, видел, что истина, страдание и понимание еще не возобладали в наших сердцах. Еще не миновала чаша, а раз так, то не пристало нам отказываться пить из нее.

Я не знал, не мог знать в тот час, что противогаз мне так и не понадобится, что пленка моего диктофона вместо выстрелов запишет невозмутимо богатырский храп одного из российских депутатов и что искупление совершилось и последняя жертва уже принесена. И что из тысяч и тысяч людей, по доброй воле ставших на пути насилия и лжи и готовых погибнуть за свободу, уже избраны трое. Три свечи задуты, три жизни оборваны. И я верю — всем сердцем, всей душой и всеми помыслами моими! — что это были самые чистые, самые прекрасные из нас и что там, на небесах, они говорят сейчас: мера России наполнилась, хватит с нее, Господи, крови, хватит страданий и печали.

С Манежной площади траурная процессия направилась к «Белому дому», на место трагедии, где с погибшими простился Президент России Б. Н. Ельцин.

Президент России сказал:

— Дорогие мои родные и близкие Дмитрия Комаря, Владимира Усова, Ильи Кричевского! Мы прощаемся с вашими сыновьями, нашими героями, защитниками, спасителями. Но мы не прощаемся с их именами. Они останутся для России, для страны святы. В тот понедельник, 19 августа, прежде всего дрогнули сердца миллионов матерей и отцов, ибо раньше других бросилась на защиту демократии, России, ее парламента молодежь. Трое суток на этой площади десятки тысяч людей держали свою опасную вахту. ...Это был заговор прежде всего против России, и вся она поднялась — Москва, Ленинград, Кузбасс, Урал. Ребята погибли у стен нашего дома. Я преклоняюсь перед родителями Дмитрия, Володи и Ильи... И простите меня, что не смог защитить, убереечь ваших сыновей. Сегодня, в день национального траура, мы понимаем, что должны как можно энергичнее действовать дальше. Путь расчищен, и они помогли нам в этом. А могло быть еще хуже, много хуже... Спите спокойно, пусть будет земля вам пухом.

Похороны состоялись на Ваганьковском кладбище.

Известия. 1991. 24 августа

И. Сичка

КАК МЫ ЛЕТАЛИ В ФОРΟΣ ЗА ПРЕЗИДЕНТОМ СССР

«Они даже государственный переворот как следует организовать не могут»,— сказал Вадим Бакагин, когда наш самолет поднялся в воздух и взял курс на Крым. Мы знали точно лишь одно: Президент пока жив...

В первом салоне правительственного ТУ-134 разместились вице-президент России Александр Руцкой, премьер-министр Иван Силаев, члены Совета безопасности Вадим Бакагин и Евгений Примаков, несколько народных депутатов РСФСР. Второй и третий салоны заняли три десятка вооруженных автоматами и пистолетами охранников. Мы летели в полную неизвестность, не зная даже, где будем садиться.

Предварительная информация была очень скудной и противоречивой. По дороге во Внуково мы увидели огромную колонну танков и бэтээров, выходящих из Москвы. Значит ли это, что заговорщики решили вывести из города все войска и отменить чрезвычайное положение? Черт его знает! От танков в городе все равно проку никакого. Может, они просто убедились, что устрашающие маневры бронетехники на население не действуют, и сменили тактику?

Уже в воздухе Рудкой поделился свежей информацией. По его сведениям, главкомы ВМФ и ВВС Чернавин и Шапошников отказались выполнять некоторые распоряжения Язова, и после этого тот вроде бы отдал приказ начать вывод войск из Москвы. Даже если это так, то в городе все равно остаются вооруженные подразделения КГБ, которые гораздо опаснее армейских. «Первое, что надо будет сделать, как только закончится эта заваруха, — заметил Бакатин, — забрать у КГБ эти подразделения!»

Примаков сообщил, что, по словам Вольского, ему сегодня позвонил из Крыма Горбачев. Силаев недоверчиво покачал головой и высказался в том смысле, что Вольский иногда любит «пофантазировать». «Да нет, он публично об этом заявил», — настаивал Примаков. «Тогда, может быть, и правда, — почти сдался Силаев. — Но все равно непонятно, неужели они включили ему связь?..»

Самая тревожная информация состояла в том, что двумя с половиной часами раньше нас в Крым из Внуково вылетели два самолета с членами ГКЧП. Кто конкретно вылетел, пока неясно, но точно известно, что среди них — Крючков. Зачем они полетели к Горбачеву? Что успеют сделать там до нашего прилета? Дадут ли нам возможность встретиться с президентом и вообще сесть в Крыму? Не исключено, что к нашему прибытию Президента могут перевезти в какое-то другое место.

Обмен новостями незаметно перешел в выработку тактики поведения. Тут бразды правления взял в свои руки полковник Рудкой. С присущей боевому офицеру решительностью он начал предлагать различные варианты использования вооруженной охраны, летящей с нами. На всякий случай тут же отправили с борта радиogramму адмиралу Чернавину с просьбой выделить подразделение морских пехотинцев и обеспечить по-

садку самолета на одном из военных аэродромов вблизи Севастополя, если нам не разрешат сесть на президентском аэродроме Бельбек.

Вся беда в том, что мы ничего не знали об обстановке на президентской даче в Форосе. Мы были уверены, что личная охрана Горбачева изолирована и его сейчас стережет какая-нибудь крючковская спецкоманда. В этих условиях проявление с нашей стороны малейших признаков вооруженной агрессивности могло вызвать перестрелку. И кто знает, не попытаются ли заговорщики использовать малейший повод для того, чтобы спровоцировать пальбу и в этой ситуации физически устранить Президента, свалив потом всю вину на нас. Этим ребятам уже терять нечего. Они ходят под расстрельной статьей. Этот аргумент Бакатина окончательно развеял боевой запал Руцкого, и он даже снял из-под мышки кобуру.

...Аэродром Бельбек отказал нашему самолету в посадке: якобы полоса занята другим самолетом и убрать его оттуда нет никакой возможности. Повод был явно надуман, и это было дурным знаком. От Чернавина все еще не было никакого ответа. Запросили посадку в Симферополе. Разрешили. Тут же прикинули, что от Симферополя до Фороса на машинах добираться часа полтора-два. Значит, мы отстаем от Крюčkова уже почти на пять часов. Поди знай, что он за это время успеет там наворотить. Наудачу запросили у Симферополя вертолеты. Пообещали три борта. Это здорово облегчало дело, но порождало новую проблему. Вертолеты смогут сесть только на территории самой дачи либо на шоссе перед ней. В обоих случаях не исключено, что по нам могут просто открыть огонь и потом с полным основанием мотивировать это защитой безопасности больного Президента. Мол, прилетели вооруженные боевики, было не до выяснений.

Конечно, сейчас, когда всеми овладела эйфория победы, очень сложно представить себе тревожную атмосферу, царившую в те часы в салоне правительственного ТУ-134. Это сейчас мы знаем, что к моменту нашего приезда президентская дача была уже разблокирована, что личная охрана Президента осталась до конца верна ему и все эти дни контролировала обстановку на территории дачи, что Крючков прилетел с Язовым, Баклановым и Тизяковым не для того, чтобы в последний раз попытаться надавить на Горбачева,

а бить челом и просить пощады... Все это мы узнали потом. А тогда вечером мы летели к Президенту готовые ко всему, вплоть до боевой операции по его освобождению.

К исходу полутора часов полета Бельбек дал нам посадку. Дальше все пошло как по маслу. На взлетной полосе встретил Председатель Верховного Совета Крымской АССР Багров, сообщил, что Михаил Сергеевич готов принять прибывшую делегацию и находится в добром здравии.

Четыре машины мигом доставили нас на мыс Сарыч. Сперва Михаил Сергеевич встретился со всеми членами официальной делегации, затем состоялась беседа в узком кругу: Горбачев, Руцкой, Силаев, Лукьянов, Ивашко. Последние двое прибыли отдельным рейсом. С группой заговорщиков Горбачев даже не стал разговаривать.

Что же произошло в последние дни на президентской даче?

18-го числа в 16.50 на дачу явилась группа во главе с начальником аппарата Президента Болдиным и предъявила ультиматум: объявить о передаче власти вице-президенту. Горбачев отказался.

С той же минуты дача оказалась отрезанной от всех линий связи вплоть до телевизионной антенны, вынесенной за территорию объекта. Фельдпочта прекратила доставку всей корреспонденции, даже газет. Единственным источником внешней информации остались коротковолновые приемники. То есть Президент мог черпать сообщения о положении в собственной стране практически лишь из передач радио Би-би-си, «Голос Америки» и т. д.

С моря вход в бухту закрыли военные корабли (19-го, проехав на машине по шоссе, я сам насчитал их пять штук на протяжении всего лишь нескольких километров побережья), с берега дачу блокировали вооруженные подразделения.

На территорию дачи никто не совался, но Горбачев, как он потом рассказал, отдал охране приказ открывать огонь по любому, кто попытается сюда проникнуть.

Насколько я понимаю, замысел у заговорщиков был такой. Сочинив версию о болезни Президента, отстранить его на некоторое время от власти, попытаться изменить политический и экономический курс страны,

а затем поставить его перед свершившимся фактом: либо он сам продолжает начатую путчистами линию, либо... Либо дальше они действуют, как говорится, по обстановке.

На что рассчитывали самозванные «защитники» Отечества — взять Президента на испуг, сломать морально, — сказать трудно. Во всяком случае, когда по истечении некоторого времени к нему явились со своим ультиматумом Янаев, Крючков и Язов, он их просто по-русски послал... «Ни на какие сделки я не пошел, — заявил Михаил Сергеевич. — Занял твердую позицию, сказал, что ни в каких авантюрах я участвовать не буду. Более того, срочно требую созыва или Съезда, или Верховного Совета. И только они должны решать вопрос. Иначе я должен был после другого шага просто или покончить с собой, или... Другого не может быть...»

В дальнейшем он ежедневно передавал свое требование на ту сторону. Параллельно Михаил Сергеевич нашел возможность передать за внешнее кольцо блокады письмо Президенту Бушу и пленку с записью своего обращения к народу. Я не знаю, какова судьба этих посланий, дошли ли они до адресатов, впрочем, сегодня это уже не имеет, наверное, принципиального значения.

Наибольшей неожиданностью для Михаила Сергеевича, как он признался в беседе с членами прибывшей к нему делегации, была измена Крючкова и Язова. От них он, видимо, меньше всего ожидал участия в заговоре.

Весьма бледно выглядел в Форосе Лукьянов. По мнению Силаева, он является главным идеологом переворота, предпочитавшим оставаться до поры до времени в тени. Есть основания полагать, что на предстоящей чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР планировалось утвердить полномочия ГКЧП, легитимировав таким образом его статус. Во всяком случае, единственный законный представитель союзной верховной власти до самого конца так и не высказал публично своего негативного отношения к неконституционному ГКЧП. Так же, как не торопились решительно отмежеваться от путчистов и руководящие органы КПСС.

В среду поздно вечером Михаил Сергеевич вместе с Раисой Максимовной, дочерью и внучкой выехал из

Фороса на аэродром Бельбек, чтобы вылететь в Москву. Сел он не в свой самолет, а в самолет с прибывшей к нему делегацией. Лукьянов, Ивашко и другие летели обратно в другом самолете. Горбачев взял к себе на борт лишь одного из заговорщиков — Крючкова. Как я понимаю, береженого бог бережет: мало ли на что способен шеф КГБ, которому уже терять нечего...

Комсомольская правда. 1991. 23 августа

Д. ВОЛКОГОНОВ: «ПРОИЗОШЛА СМЕНА ЭПОХ»

В самые решающие моменты как-то не оказалось на политическом горизонте советника Бориса Ельцина известного ученого Д. Волкогонова. С большим трудом мы узнали, где он находится сейчас.

— Да, август для меня сложился драматически. Обнаружили большую опухоль. Помня мои лекции в Оксфорде, предложили сделать операцию там, в клинике. Все прошло, казалось, успешно, но, увы, во время операции была обнаружена новая опухоль. Другими словами, весть о попытке государственного переворота путчистами я встретил в реанимационном отделении...

— Как вы, философ и историк, оцениваете происходящее?

— Страна оказалась на перепутье: или переход к цивилизованному обществу путем реформ, или мелкий ремонт и возврат к тоталитаризму. Государственно-партийная верхушка выбрала второе. Я думаю, идея переворота в головах этих людей витала давно. Однажды на совещании крупных военных я услышал фразу, сказанную, правда, полухуливно: «Порядок в стране будет, если власть передать командующим округов». Да и недавний претендент Макашов весьма прозрачно намекал на необходимость прихода к власти военных. Но путчисты не учли, что младший и средний командный состав в своем большинстве давно уже политически был на стороне демократических сил.

— Но мог ли переворот увенчаться успехом?

— Нет, видимо, не мог. Прежде всего потому, что у народа был за спиной потенциал шести лет. Во-первых, у заговорщиков не оказалось мало-мальского лидера (хотя за кулисами, по-моему, давно стоял Лукьянов и осторожно дирижировал подготовкой), а у демократических сил такой лидер был, и это лидер исторического масштаба: Борис Ельцин.

— Каков главный результат драматического столкновения двух сил?

— Рухнула тоталитарная система. Теперь навсегда. В прошлом году, выступая на XXVIII съезде партии, я сказал: «Партия может выжить только в условиях ее полного отказа от коммунистической утопии и разрыва с преступным прошлым. В противном случае КПСС ждет судьба восточноевропейских партий».

— Какова была ваша первая реакция на события на Родине?

— Мне было трудно связаться из палаты с Москвой. Но в конце концов я передал в российский парламент телеграмму всемерной поддержки. Передал факс Борису Ельцину с глубоким сожалением, что не могу в данную минуту помочь ему. Но некоторые советы в отношении армии я сформулировал. Дал несколько интервью английским газетам и радио...

— Что же теперь?

— Перед каждым человеком рано или поздно возникает ситуация, когда он должен перешагнуть тонкую невидимую линию, делящую бытие от небытия, возврата откуда из-за этой линии нет никому. Я не знаю, сколько времени мне отведет судьба смотреть на восходы солнца. В начале сентября прилечу на Родину и с радостью вернусь к повседневным заботам... Произошла в течение нескольких дней смена эпох.

24.08.91 г.

Оксфорд.

Аргументы и факты. 1991. № 34

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ:

«НАШИ СЫНОВЬЯ БЫЛИ НА БАРРИКАДАХ»

«20 августа. 12.00. На мигинге перед зданием Моссовета Александр Яковлев, Гавриил Попов, Эдуард Шеварднадзе, Сергей Станкевич назвали членов Комитета по ЧП государственными преступниками. Яковлев сказал, что «контрреволюция, о которой так долго думали правящие большевики, свершилась».

(«Общая газета»)

Александр Яковлев, известнейший политик времен перестройки и давний друг «Огонька», с первых минут переворота занял место в ряду тех, кто стал моральной опорой и организующим центром сопротивления вооруженной реакции. С ним — наш разговор на второй день после разгрома путчистов. Александр Николаевич рассказывает:

— В половине пятого утра меня разбудил звонок бывшего генерала КГБ Олега Калугина. Он мне и сообщил о перевороте. Я ему: «Олег, ты в нормальном состоянии?» Он: «Более чем в нормальном». Встаю, смотрю в окно, с обеих сторон дома стоят машины с «мальчиками». Я позвонил Борису Николаевичу Ельцину. Он отдал распоряжения Баранникову, министру внутренних дел России, и приехала охрана. Те, прежние, машины сразу развернулись и ушли. Ну, а потом появились вы.

(А. Н. Яковлев обращается к фотокорреспонденту «Огонька» Льву Шерстенникову, который в то утро приехал к Александру Николаевичу с настоятельным предложением отвезти его в безопасное место за городом.)

— Знаете, после я получил таких же предложений еще больше двадцати, в том числе от людей, даже мне не очень знакомых.

— Почему же вы не захотели уйти хотя бы на время из-под возможного, а точнее, весьма вероятного удара?

— Надо было работать.

— Но работать можно не обязательно на виду у всех, но и «под зонтиком»...

— В таких случаях надо работать на виду, чтобы люди видели, знали, тогда они могут поверить в побе-

ду. Более важно, чем что-либо другое, скажем, выступить здесь, у Моссовета, перед огромной толпой в первые же часы путча, сказать людям какие-то вдохновляющие слова. Ведь на той стороне — танки, оружие, а тут только вера в свою правоту и энтузиазм.

— Я слышал в передаче радиостанции «Эхо Москвы» рассказ о том, как Яковлева видели в «Белом доме» России с радиоприемником в одной руке и с пистолетом в другой.

— Было и такое. Но это не самое важное.

— Существует мнение: как при любой серьезной болезни организма наступает момент, который называется кризисом, так и в общественном организме — при болезни кризис неминуем. И в этом смысле переворот или его попытка были предопределены судьбой (или логикой развития?), неизбежны...

— Это один из возможных вариантов ответа на вопрос о причинах случившегося. Я бы попытался взглянуть на вещи несколько с другой стороны. Раскол в обществе — идейный, политический, психологический, организационный — начался в 1985 году.

Образовались две тенденции: объективная тенденция к известным изменениям, понимание в народе, что действительно жить так дальше нельзя. И тенденция сугубо реакционная — на саботаж перестройки и преобразований. Особенно она проявилась тогда, когда встал вопрос о выборах и о том, чтобы партия была убрана из государственных властных структур. Вот тогда она, партия, и встала в центре сопротивления перестройке и преобразованиям.

Я в этой связи крайне удивлен попыткой Президента (или генерального секретаря в данном случае) на его первой пресс-конференции как-то обелить деятельность центрального руководства этой партии, людей, которые ни слова не сказали вслух против переворота, против захвата генерального секретаря, против убийства людей. Вроде бы они там друг с другом боролись.

А меня вот, например, не интересует, где и как они друг с другом боролись. Сейчас мне кое про кого говорят: внутренне он был против переворота. То есть как это «внутренне»?! Мой сын, отец троих детей, был на баррикадах в ту ночь, и дочь с мужем — там же. А тут, оказывается, деятели высокого ранга — они «внутренне» были против! Нет, это не позиция!

(Далее из интервью изъяты три страницы текста, ставшие анахронизмом на другой день после беседы, в связи с отставкой Горбачева с поста генсека и фактически начавшимся самороспуском КПСС.)

— Можно вашу позицию сформулировать примерно так: тоталитаризм в нашей стране не может считаться побежденным, пока живет и здравствует партия, исповедующая идею насилия,— КПСС?

— Я с вами согласен.

— Одна из основных проблем, решаемых носителями демократической идеи, много раз обсуждалась еще перед путчем: как правильно организовать — в жесткую партийную, строго дисциплинированную структуру или лучше в более широкое, более свободное течение? Какие уроки в этом отношении можно извлечь из прошедших событий?

— Тут я могу только личным мнением поделиться. До этих событий я, так сказать, в отношении 51 к 49 стоял за самое широкое движение. А теперь у меня осталось тоже 51 против 49, но наоборот: нужна действительно организованная сила, которая была бы демократическим гарантом против подобного рода вещей. Хотя, я вам должен сказать, уже и в этот раз подавляющее большинство членов политсовета Движения за демократические реформы проявили стойкость и заняли самую определенную позицию.

— То есть именно демократы, которые ратовали за широкое движение, оказались в нужный момент стойкими борцами.

— Бесспорно. За небольшими исключениями.

Мы постоянно были на связи и с Поповым, и с Ельциным, с Шеварднадзе, с Лаптевым, который нас постоянно информировал об обстановке в Кремле. Я был на связи с одним работником, мне лично он неизвестен, который сообщал о том, что происходит в Комитете по ЧП, какие у них планы. Все это нужно было знать. Один товарищ из ЦК, добрый знакомый, постоянно звонил: какие там движения, что собираются делать, как собираются поддерживать это ЧП, каким образом.

— Давайте поговорим и о действующих лицах из другого, противоположного стана. Скажите, среди членов ГКЧП были ли для вас неожиданные фигуры?

— Не было. Кроме одного человека. Я был удивлен и оскорблен одновременно тем, что там оказался

Язов. Фронтовик, солдат, командир роты, мы соседи были на фронте. Он солдат, и это в нем всегда проявлялось. Как он мог это сделать — для меня это остается психологической загадкой. Возможно, под влиянием армейских кругов определенного плана, которые привыкли измерять авторитет, могущество державы оружием. Чем больше орудий, пуль, винтовок, ракет, тем вроде бы могущественнее, авторитетнее держава. При Сталине, по их пониманию, страна тоталитаризма, репрессий, рефеодализма и крепостничества была «авторитетной». Встала на путь разоружения, установления добрососедских отношений, стала пытаться прорваться в цивилизованный мир — и она в их глазах превращается во второразрядную державу... Понимаете смысл этой гнусной пропаганды?..

— Путчисты начали бандитскую игру без правил. Почему же они, говоря попросту, «лопухнулись» — не накрыли сразу активистов демократического движения, всех тех, кто авторитетен в народе?

— Думаю, что прежде всего испугались реакции на это. Кроме того, подозреваю, что эти в высшей степени посредственности и оторванные от народа люди думали, что в нашей сложной, тяжелой социально-экономической обстановке стоит им выступить — и все вздохнут: ну, наконец-то будет порядок, будет пища. Будучи противниками демократии, свободы, они своим менталитетом были не в состоянии освоить ту реальность, в которой для людей ощущение свобод, демократия гораздо важнее.

Они же не могли поверить, что многие будут пренебрегать указаниями комендантов, запрещениями демонстраций, забастовок... Они в мыслях не допускали, что в Москве начнут строить баррикады. И уж конечно не предполагали, что в первые же часы некоторые воинские части откажутся стрелять или даже перейдут на сторону демократических сил.

Сейчас каждый из путчистов должен понести свою долю ответственности. Но по закону! Я бы очень не хотел сползания к расправе, мести, сведению счетов... Уж если мы берем курс на правовое государство, то должны держаться на позициях закона.

— Мне кажется, что некоторые демократы в своем святом порыве восстановления справедливости могут по инерции проскочить границы норм демократии и правопорядка.

— Таких людей я бы не относил к демократам. Это уже что-то другое. Ломать, крушить, бить — нет, это не демократы.

— Есть ли у нашего общества способы застраховать себя от повторения подобных эксцессов и в чем они могут заключаться?

— Я думаю, все-таки в установлении подлинной демократии. Ведь власть к народу перешла. Сейчас будут пытаться сделать все, чтобы эту власть обратно отнять. Новые шептуны, которые сейчас ползут и будут стучаться в двери Президента, будут давать свою версию событий, примерно такую, какая прозвучала вчера на пресс-конференции о печати, о партии, о Шеварднадзе, да и обо мне, кстати.

— Александр Николаевич, ходят слухи, будто создаваемое Движение демократических реформ — это своего рода лодка, которая в случае чего подхватит Горбачева. То есть, другими словами, у него есть свои надежные люди и в другом движении...

— Это утка, я думаю, пущенная Комитетом государственной безопасности в известных целях. Никакого подобного замысла не было. Даже в обсуждении ничего близкого к этому не было!

— До сих пор некоторые считают, что происшедшее — спектакль, разыгранный то ли Горбачевым, то ли левыми...

— Левыми? Это вообще... Как можно было организовать спектакль левым? Пойти, что ли, к Крючкову, к Пуго: давайте организуйте хунту? Это чушь. Что касается второго варианта... Я не думаю, что в этом заговоре участвовал Горбачев. Мне не хочется так думать!

— Можно ли о пережитом кризисе сказать, что нет худа без добра, в том смысле, что многие демократические процессы, на продвижение которых ушли бы месяцы, годы, сегодня случаются в течение суток, недели?

— Да. Я думаю, для демократических преобразований сейчас более широкий путь открыт — демократические силы могут диктовать условия. Консервативно-реакционные силы если не раздавлены, то придавлены.

— Вы сказали, что в отношении Язова вам пришлось пережить личное разочарование. А не случилось ли в эти дни чего-то обратного — приятных открытий?

— Мне приятно было, что наш Совет Движения демократических реформ проявил смелость, единство. Это хорошо!

— Момент истины?

— Да, да.

Беседу вел А. ЩЕРБАКОВ

Огонек. 1991. № 36

ЕЛЕНА БОННЭР: «СЛОВО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ»

— Переломное время, поистине — решаются судьбы России, страны, мира. Столько пережито за эти дни, и все яснее: это лишь начало...

В упоении победой мне хочется сказать несколько предостерегающих слов России и несколько слов республикам.

России. Давайте вспомним ближайшую историю. И ту, которая была до нас и называется новой, и новейшую — на наших глазах. Россия уже трижды была тюрьмой народов: до 17-го года, с 17-го по 45-й и с 45-го по 19 августа 1991 года. Правда, вот последние годы эта тюрьма расшаталась. Но в упоении своей большой победой 45-го года Россия в свою вонючую тюрьму затащила еще и народы половины Европы.

Пора остановиться России, не идти на четвертый виток создания тюрьмы народов. Никогда военное и любое другое могущество не приносило благополучия народам страны. Сегодня, когда прозвучали в общем-то слова и поступки по типу «единая и неделимая», опять возникла тенденция, что Россия сильнее и могущественнее других республик и такой ей надо быть как главе других.

Никаких глав не будет. И то, что сказал Назарбаев, очень серьезно: что Казахстан никогда не будет ничьим подбрюшьем и ничьим младшим братом. Я думаю, что это надо воспринять как постулат сегодняшнего дня: уже никто не будет ничьим подбрюшьем. И упоминание народного депутата митрополита Питирима о четырехстах миллионах славян было очень страшным! Что же, мы возродим панславизм?

И другие явления тоже очень страшны. Что же, мы возродим «самодержавие, православие и народность»? Мы все время ходим по кругу, а не вперед. Безусловно, независимость всех республик и, безусловно, буду-

щее свободное вхождение в будущее свободное содружество не нарушают экономических пространств. Но содружество может быть заключено и существовать только с будущими независимыми республиками. Сегодня мы, наверное, нуждаемся в наблюдениях международного сообщества, тогда, безусловно, будут соблюдаться скрупулезно права человека.

В этом отношении я снова сошлюсь на Назарбаева, мне его выступление показалось очень конструктивным. Он сказал, что в Казахстане уже теперь хотят создать международную комиссию, чтобы прекратить психушечные беды, международную комиссию по наблюдению за выполнением гарантий прав человека, и что уже сейчас они будут пересматривать все хозяйственные дела.

Это очень важные пункты. И я хочу предупредить все республики: лично моей задачей я вижу сегодня обращение к мировому сообществу. Будущие независимые республики, расположенные на территории Советского Союза, нуждаются в международной помощи. И международное сообщество должно оказать эту помощь. Но только при условии абсолютных гарантий прав человека — будь то в Белоруссии, или Прибалтике, или Молдове, или Грузии, Узбекистане, Туркмении. И тем паче в Азербайджане, где сегодня в эти дни, когда мы победили, идет геноцид армян.

Лично моя работа будет в этом направлении. И еще в другом: что никакая международная помощь не должна быть направлена только России. Помощь должна быть пропорционально разделена между всеми республиками. Но опять же повторяю: гарантии прав человека — единственное основание для оказания международной помощи.

— Только что мы были свидетелями драматического парламентского заседания... Выступали депутаты, имеющие документы, прямо свидетельствующие о прямом участии Лукьянова в заговоре, парламент проголосовал за сложение с него статуса депутатской неприкосновенности, предстоит расследование, суд.

— Конечно, но мы не должны предрешать решения суда, который непременно должен быть гласным. Я думаю, что многие такие человеческие драмы нас ожидают еще впереди. И что это будет касаться не только Лукьянова, и что в заговоре обязательно были какие-то крупные фигуры, которые еще не проявились, — нечто

вроде теневого кабинета или «серых кардиналов». Любой такой заговор имеет этот второй и иногда наиболее важный эшелон «деятелей». Так что нас еще драм много ожидает. И в этом свете я заклинаю и депутатов, и народы: не творите самосуд! Господи, сколько самосудов у нас было. Самосуд не должен относиться к человеку, который имел партбилет в кармане или даже имеет его сегодня. Ведь дело не в тех членах партии — учителях, рабочих, колхозниках и прочих, которые его имели. Дело в структуре этого общества, сталинского по существу.

Именно сталинская по существу неизменность этого общества привела нас к этому путчу. Вот в этом дело. Мы должны спокойно, направленно и решительно сломать структуру сталинского общества.

— Можно сказать, что это еще всего лишь только начинается. Вряд ли можно говорить то, что слышим мы в эти беспрецедентные дни: что сломан хребет тоталитаризма?

— Нет, ничего еще не сделано. И это безумный грех Михаила Сергеевича Горбачева и уголовников, которые были около него. Ведь Янаев и прочие — это просто уголовники, и давно, многолетне, которых КГБ прикрывал. А Михаил Сергеевич у нас, как вы знаете, «великий кадровый политик», великий — я таких великолепных никогда не видала, в истории, по-моему, нет подобных. Так вот, Закон о выборах 1988 года, все изменения Конституции, которые проводились на ходу и необдуманно, для того чтобы все время и неуклонно увеличивать его личную власть, — и привели нас к этому путчу. И ни одно изменение Конституции до сих пор не ломало сталинской структуры общества. Вот мы и пришли к тому, к чему пришли.

— Каким видится вам будущее?

— Будущее... Как бы Россия ни препятствовала этому, будущее — на пути реально независимых государств, вступающих в содружество. Я даже придумала аббревиатуру, которая позволит нам жить внешне под той же «шапкой»: Содружество Свободных Суверенных Республик Европы и Азии. Но это такая розовая моя мечта. Для того чтобы они стали реально свободными, ни одна из них — в том числе и в первую очередь Россия — не должна претендовать на роль «старшего брата». И это мне хотелось бы лично сказать Борису Николаевичу и его великолепной «трой-

ке», под эгидой которых мы жили эти дни. Иначе они нас загонят в четвертый виток тюрьмы народов. Сами не заметят, как загонят.

Распад на суверенные государства важен, потому что он поможет сломать структуру КГБ, структуры партии и структуры военно-промышленного комплекса. Если мы не допустим распада, то мы опять не заметим, как возродим военно-промышленный комплекс, которому надо будет торговать оружием. И которому надо будет держать армию — отнюдь не оборонного масштаба. А торговля оружием — это опять тайная или явная поддержка Хусейна и подобных дестабилизирующих режимов или организаций во всем мире.

«Организации» — я не случайно говорю: ООП тут прелестно становится на то место, которое ей и было положено, что путч выявил — именно ООП закричала ура путчу. Перед этим ее лидер, по-моему, неоднократно целовался своими мокрыми губами с нашим лидером Горбачевым. Такие дела... Неуклонное соблюдение прав человека в республиках и только на этом основании — оказание им международной помощи на сегодня главное, чего надо добиваться.

Я еще хотела бы напомнить друзьям и недругам. Особенно друзьям и тем людям, которые мне верят. Среди них много религиозных, истинно верующих людей. Я в течение десятилетий была активным участником защиты прав верующих: православных и буддистов, католиков, баптистов и других. И отец Глеб Якунин, который был руководителем комитета защиты прав верующих, может это подтвердить на любом слушании. Но «самодержавие, православие и народность», или панславизм, который проник в выступление народного депутата митрополита Питирима на сессии 27 августа, когда он упомянул 400 миллионов славян, прихватил не только наших, но и западных! Этот панславизм настораживает. Это мы исторически уже проходили. «Самодержавие, православие и народность» — это вчерашний день. И нельзя реанимировать трупы. панславизм — тоже, особенно сегодня, когда мы видим, что происходит в Сербии и Хорватии.

Мы должны настроить наше мышление на будущие возможности. Уоеение трехдневной победой не дает нам права — и России не дает права — предъявлять независимым республикам территориальные пре-

тензии. Сегодня наши лжедемократы уже говорят: Собчак не то сказал, другой не так выступил, третий... Но позавчера, 27 августа, было недвусмысленное заявление России, что если Украина независимая или Казахстан, так они предъявляют территориальные претензии. Это же сумасшествие! Мы потом разберемся с территориями, по которым, может быть, надо как-то по-другому решать вопросы в приграничных районах — путем взаимных уступок, без обид — потом, ну через три года, через пять лет. Но не сегодня! Сегодня гарантии прав любого человека, его защита — это первейшая обязанность республик. И их независимость — первейшее их право.

Я бы хотела, чтобы это было услышано. Это очень важно. Потому что сейчас уже такой крик идет — и в республиках, и здесь, в России, везде.

— Как сейчас уйти от самого опасного — разъедающего национализма? Ведь трагедия гибели во время путча людей, ставших нашими национальными героями, — символична. Смешалась на асфальте столицы России пролитая во имя свободы русская, украинская, азиатская, еврейская кровь — в том видится Божий промысел и великий урок всем нам...

— Вот она, реальная дружба народов, а не их дворцы, не их лозунги. Это наша Россия, наша родина, мы такой город, мы такая страна, и никуда от этого не деться. И точно так же было на фронтах Великой Отечественной, где мы добыли нашу великую победу и потеряли ее, потому что сразу решили: мы будем тюрьмой народов, еще прихватим к нам. Вот с чем надо покончить.

29 августа, 14.30.

Союз. 1991. Август (специальный выпуск)

А. Бутенко

АВГУСТ-91

Поскольку анализ происшедшего предполагает критическую оценку позиций и действий всех участников — как тех, кто выступал с реакционных позиций и потерпел фиаско, так и тех, кто отстаивал продолжение прогрессивных перемен и одержал победу, — следует сразу же дать общен историческую оценку случившегося.

Ни одно крупное общественно-политическое событие в жизни советского общества не может быть понято, если мы не уясним себе главную исходную истину: в современном советском обществе идет борьба за власть двух сил — подорвавшей свои позиции, но не сдающейся партийно-государственной бюрократии и стремящихся к безраздельному господству демократов, в рядах которых много экстремистски настроенных представителей нарождающейся буржуазии. В ходе противоборства главных сил, часто прибегающих к броским лозунгам, советский народ оказался глубоко расколотым, усилилось расшатывание авторитета конституционной власти, налицо рост опасности, «все ближе и ближе пододвигающей страну к пропасти». Отмечалось уже и то, что шаги М. Горбачева и Б. Ельцина навстречу друг другу, «соглашение десяти» смягчили ситуацию, в результате чего забрезжил свет в конце тоннеля. Но это обострило экстремистов на обоих флангах, стала нарастать опасность прямого выступления тех, кто боится углубления прогрессивных перемен.

Реакционные силы советского общества, представленные партийно-государственной бюрократией, не согласной с «горбачевской перестройкой», ее ходом и итогами, попытались использовать тяжелое положение в стране, недовольство масс и резкое падение популярности Президента М. Горбачева, чтобы, отстранив его от власти и реанимируя тоталитарный режим, вернуть советское общество к доперестроечным порядкам. Действуя по старому принципу «цель оправдывает средства», эти правореакционные силы, прикрываясь левацкой фразеологией, готовы были на применение любых способов и методов ради достижения задуманного, для того, чтобы «кассировать» перестройку, устранить ее инициатора, безжалостно раздавить демократию и демократов, и в первую очередь Президента России Б. Ельцина, российский парламент и всех активных защитников демократии в стране.

Что бы в дальнейшем ни случилось с участниками отшумевших событий, какую бы оценку прошлых и будущих их действий ни дала история, уже сегодня ясно, что катастрофа, надвигающаяся на страну в августе 1991 года, была остановлена сопротивлением всех демократов страны, а совершенный переворот был

пресечен мужественными и активными действиями россиян.

Инициатор перестройки М. Горбачев, оказавшись фактически заточенным, под прессом ультиматумов, проявил волю и личное мужество, отвергнув домогательства путчистов. Но бесспорно и то, что с самого начала переворота твердая и бескомпромиссная позиция Б. Ельцина, российского парламента и правительства и их продуманные меры, поддержанные массами, стали главным препятствием, о которое разбились действия заговорщиков.

1. О характере переворота

События, о которых идет речь, весьма скоротечны: они охватывают всего несколько дней — 18, 19, 20, 21 и 22 августа 1991 года. Но при всей своей стремительности они вобрали в себя взаимодействия и конфликты самых разнородных общественно-политических сил и социальных структур, поставили целый комплекс принципиальных проблем, в том числе и нерешенных в политологии. Сама жизнь сегодня требует от политологов и оперативности, и точности в ответах. Как говорится, не было печали, так горе помогло. Попытаемся обозначить эти проблемы.

ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА: что произошло — переворот или только попытка переворота? Нет надобности напоминать о спорах в парламентах Союза и России вокруг этого вопроса, всем очевидно и то, насколько важен и теоретически и практически правильный ответ.

Но чтобы его дать, необходим объективный критерий, позволяющий отделить попытку переворота от самого переворота, не спутать с ним простую передвижку лиц у власти. Таким критерием здесь является вопрос о реальной власти. Когда в ходе открытых или скрытых действий реальная власть переходит из рук одних общественно-политических сил в руки других сил, то налицо реальный переворот.

Что же имело место в драматические дни августа?

Нет никакого сомнения в том, что это была не простая перемена лиц у власти и вовсе не попытка переворота, а самый настоящий переворот. Президентская власть, находившаяся в руках М. Горбачева, инициатора перестройки, власть, опиравшаяся на поддержку

самых разнородных приверженцев демократии в Советском Союзе, была отобрана у этих сил силами партийно-государственной бюрократии, утратившей в ходе перестройки свое полномочие, а благодаря перевороту добившейся временного реванша.

Но здесь возникает такой вопрос: случайно или нет в парламенте России в качестве предмета обсуждения говорилось о перевороте в Союзе и попытке переворота в России? Я думаю, не случайно, и вот почему. Августовские события 1991 года происходили уже не в прежнем Союзе. Они протекали в обстановке, когда уже — благодаря декларациям о суверенитете и их осуществлению — республиканские власти стали намного самостоятельнее, чем раньше, по отношению к союзным властям. В таких условиях государственный переворот в союзных структурах еще не означает государственного переворота в России и других республиках. Более того, абстрактно говоря, если бы путчистам удалось укрепиться только в союзных структурах власти, это само по себе могло весьма слабо затронуть отдаленные и самостоятельные республиканские структуры. Подталкиванием к такой «самостийности» путч и нанес смертельный удар по прежнему Союзу. Не соглашаясь с происходящими здесь переменами, заговорщики после интернирования М. Горбачева видели своего главного противника в Президенте России, в российских структурах. Поэтому они и предприняли ряд попыток, направленных на слом российской власти, стремясь добиться переворота и здесь. Как раз неудача этих попыток, не обошедшаяся без кровопролития и жертв, привела к отступлению путчистов, а затем и к общему провалу переворота.

ВТОРАЯ ПРОБЛЕМА: с каких позиций следует оценивать поведение республиканских властей, если у них чрезвычайное положение не вводилось? Все видят, как сейчас кипят страсти при оценке заявлений и действий республиканских властей, когда в Москве объявился ГКЧП. Число притязующих на геройство увеличивается, а виновных — все меньше. И в этом нет ничего удивительного — давно известно: у победы много родителей, только поражение — всегда сирота.

Как же правильно подойти к этому вопросу? Что касается Москвы и республиканских властей России, то здесь все достаточно ясно: именно в Москве вводилось чрезвычайное положение, и изменение социаль-

ной природы как союзной, так и российской власти было главной целью заговорщиков. Поэтому все общественно-политические структуры здесь не могли не занять вполне определенное отношение к ГКЧП и его решениям.

По-другому выглядит ситуация, если речь идет о республиках, для которых следование приказам ГКЧП и подчинение чрезвычайному положению не было практическим делом, а потому и само поведение республиканских властей вовсе не выражало столь однозначно их отношения к ГКЧП, как это имело место в Москве, в России.

Возьмем, к примеру, Украину. Теперь известно, что 19 августа утром, когда танкисты, поднятые по тревоге в четыре часа ночи, уже двигались по улицам Москвы, а руководство России в лице ее Президента Б. Ельцина заняло бескомпромиссную позицию осуждения государственного переворота, Председатель Верховного Совета Украины Л. Кравчук еще только ехал к месту работы, где его поджидал генерал В. Варенников, участвовавший накануне в «выкручивании рук» М. Горбачеву. Когда в машине едущего на работу Л. Кравчука раздался звонок, которым Б. Ельцин извещал его о случившемся, на Украине речь не шла о введении чрезвычайного положения. Но в стране еще были одна Конституция, общие союзные законы, в силу чего конституционный и демократический порядок оставался неделимым: он или соблюдался, или нет, даже если нарушался в одной Москве. Можно было не сомневаться в том, что хунта, если бы она добилась своих целей в Москве, добралась бы затем до всех.

Л. Кравчук в своем интервью после провала переворота заявил, что они с Б. Ельциным были одинаково согласны, что ГКЧП незаконен. Однако действовали они не одинаково. Президент России сделал открытое и совершенно недвусмысленное заявление о том, что совершен правый, реакционный, антиконституционный переворот. Все решения ГКЧП он охарактеризовал как незаконные и обратился с призывом к армии не принимать участия в перевороте и не поддерживать путчистов, а народ призвал ко всеобщей и бессрочной забастовке. После разговора с генералом В. Варенниковым, на приказной тон которого Л. Кравчук ответил напоминанием, что он находится не в Киевском военном округе, а в Верховном Совете Украи-

ны, Председатель Верховного Совета республики выступил 19 августа с интервью по украинскому телевидению и радио. В этом интервью не было ни слова ни о неконституционности переворота, ни о незаконности ГКЧП. Л. Кравчук информировал граждан Украины о создании в Москве ГКЧП, о том, что обязанности Президента страны временно исполняет вице-президент Г. Янаев. Призвав к мудрости и спокойствию, сказав, что необходимо определенное время, чтобы во всем разобраться, он информировал всех, что этим и занимается Президиум Верховного Совета и сам Верховный Совет СССР. Самой сильной в заявлении была, пожалуй, фраза: «Но не вызывает сомнения,— сказал Л. Кравчук,— что в правовом государстве все должно совершаться на основе Закона, в том числе при объявлении чрезвычайного положения».

А как отнеслись к случившемуся в других республиках? Вот, например, как было в Казахстане. Здесь по республиканскому телевидению выступил Президент республики Н. Назарбаев. Экономическая, хозяйственная, да и политическая жизнь страны, сказал он, подошла к роковой черте, за которой — полный и окончательный развал общества. Президент напомнил о своей критике в адрес М. Горбачева на IV Съезде народных депутатов СССР — за пассивность, за его неспособность твердо проводить перестроечный курс. Вместе с тем он подчеркнул, что объявлять чрезвычайное положение можно, только опираясь на конституционный правопорядок. По мнению Н. Назарбаева, «созданный тремя лицами комитет, без участия Верховного Совета СССР и республик, порождает заведомо незаконные документы, которые, кроме всего прочего, попирают республиканские декларации о суверенитете, игнорируют избранный курс на рыночную экономику».

ТРЕТЬЯ ПРОБЛЕМА: как соотносятся ГКЧП и его действия с Конституцией СССР? И для внутренней жизни страны, и для отношения к ней других стран это был ключевой вопрос.

С самого начала при ответе на него столкнулись два подхода: с одной стороны, четко и ясно констатировалось, что совершен антиконституционный государственный переворот, в связи с чем и само создание ГКЧП, и все его действия объявлялись незаконными, а его постановления объявлялись не подлежащими ис-

полнению. Такой была позиция Президента России Б. Ельцина. С другой стороны, случившееся не квалифицировалось как государственный переворот, а объявлялось, что произошло лишь введение чрезвычайного положения, а потому шло обсуждение в другой плоскости: насколько конституционно само введение чрезвычайного положения, насколько правомочен ГКЧП в своем существовании и в осуществлении своих функций. Такой была позиция самого ГКЧП, доказывавшего конституционность и своего существования, и своих действий, с этих позиций выступали Комитет конституционного надзора СССР, руководители ряда союзных республик.

Прежде чем рассматривать эти подходы, остановимся на самом понятии «антиконституционный государственный переворот». Все помнят, как на сессии Верховного Совета СССР председатель Комитета конституционного надзора С. Алексеев на вопрос, имел ли место антиконституционный переворот, поразил многих, когда заявил, что в политическом и нравственном смысле можно утверждать, что переворот был, а вот в юридическом смысле, это, мол, установит суд. Уважая юридические знания С. Алексеева, я не могу не высказать своего предположения, что подобное утверждение было связано не с его обширными познаниями, а с его заангажированностью уже принятым 21 августа 1991 года заявлением Комитета конституционного надзора, в котором ГКЧП не квалифицировался как антиконституционный, что, безусловно, было беспринципной уступкой заговорщикам.

Разумеется, любая народная революция, устраняющая отжившую власть и приводящая к власти прогрессивные общественно-политические силы, неконституционна, будь то английская, французская или февральско-мартовская и октябрьская революции в России: отжившие классы, как правило, власть добровольно не уступают и революций не легализуют. И тем не менее вполне возможны и совершаются конституционные перевороты. Анализ того, как узаконивалось смещение Н. Хрущева в 1964 году, а также как осуществлялось изменение природы реальной власти в ряде республик в 1985—1991 годах, дает богатый материал для размышлений по этому непростому вопросу. Обратимся теперь к двум подходам в оценке случившегося в августе 1991 г.

Сегодня совершенно очевидно, что единственно правильным был подход, квалифицировавший происходящее как антиконституционный государственный переворот. Главным и неопровержимым аргументом в пользу такой оценки происходящего являлось то, что Президент СССР неконституционно, насильственным путем лишен государственной власти, а сама высшая власть в стране узурпирована самозванным комитетом — ГКЧП. Ведь законная власть Президента СССР — при отсутствии решения Съезда народных депутатов страны — могла перейти от М. Горбачева к другим лицам только в трех случаях: во-первых, в случае его смерти, во-вторых, в случае его тяжелой болезни, делающей действительно невозможным исполнение им своих президентских обязанностей, и, в-третьих, при его добровольном сложении с себя президентских полномочий. Ни одна из этих трех возможностей не имела места. Президент был жив, медицинских заключений о его сильном нездоровье не существовало, его заявлений о добровольном сложении полномочий представлено не было.

Уже при учете только этих обстоятельств любому грамотному человеку, даже не юристу, не говоря уже о Комитете конституционного надзора СССР, было ясно, что налицо антиконституционный государственный переворот.

2. Как все происходило

Если кто-нибудь рассчитывает, что в этом политическом эссе будут скрупулезно описаны все участники и все события случившегося, он глубоко заблуждается, ибо решение такой задачи — дело не одного дня и не одного тома исторических описаний. Моя задача — как я ее вижу — гораздо скромнее: здесь поставить ряд вопросов, отвечая на которые, очертить обещаемое.

Прежде всего надо выяснить: каковы временные рамки государственного переворота? Что следует считать его началом и когда наступил его конец?

Сегодня и у нас, и в других странах, когда говорят о днях заговора, то твердят о «трех днях, которые потрясли мир», имея в виду 19, 20 и 21 августа. Таким образом, людская молва, опережая научный анализ, диктует свои представления и мнения о времени переворота, имея на это вполне веские основания: ведь

Именно утром 19 августа москвичи, все советские люди и весь мир услышали весть о новой высшей власти, а 21-го — что союз заговорщиков распадается, что они мечутся в поисках спасения, что войска уходят из Москвы и ожидается возвращение в столицу Президента М. Горбачева.

И все же при таком подходе и в качестве начала переворота, и при определении его конца берут не какие-то переломные объективные изменения в общественной жизни, в расстановке сил и в локализации фактической власти, а нечто другое — пусть важные, но только констатирующие перемены сообщения средств массовой информации. Да, действительно рано утром 19 августа советские средства информации известили мир о переходе высшей государственной власти в руки ГКЧП, но на всех документах, извещавших мир о случившемся, стоит дата — 18 августа. Да, справедливо и то утверждение, что уже 21 августа пошли вести, свидетельствовавшие о поражении хунты, но только глубокой ночью, уже 22 августа, Президент СССР известил мир, что он «полностью контролирует ситуацию». Поэтому возникает вопрос: можно ли 19 и 21 августа считать рубежами начала и конца антиконституционного переворота? Я считаю, что нельзя, и вот почему.

Советский Союз остается великой ракетно-ядерной державой, как заметил А. Яковлев, мы — «страна одной кнопки». Это означает, что в Советском Союзе, как и в Соединенных Штатах, обладающих самыми мощными средствами массового уничтожения, верховная государственная власть — это не только власть над своим народом, но и власть над судьбами мира на Земле, власть в сущности над человеческим существованием. Поэтому главным и практическим символом власти здесь является вовсе не гетманская булава, не княжеский трезубец и не императорский жезл, а «ящик с пусковой кнопкой» (то есть часть пульта управления нанесением ответного ракетно-ядерного удара), принадлежащий власти президента.

Многие недалекие советские борзописцы выражали удивление: почему американские президенты и другие самые высокопоставленные политические лидеры Запада в не столь отдаленные времена предпочитали встречаться в СССР с Генеральным секретарем ЦК КПСС, а не с премьер-министром или Председате-

лем Верховного Совета СССР, зачастую более уравновешенными и здравомыслящими. В этом не было ничего странного, если не считать весьма странной саму организацию нашей политической системы, распределение в ней властных функций: как раз Генеральный секретарь ЦК КПСС являлся председателем Совета Обороны, фактическим Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил страны, а потому именно ему — совершенно неподвластному никаким избранным самим народом конституционным государственным структурам — принадлежало непререкаемое право «нажатия кнопки», а значит, право развязывания ракетно-ядерной войны. Взаимная блокировка действий лиц, причастных к кнопке, ничего не меняла — принятие окончательного решения оставалось за Генеральным секретарем. Стоит ли удивляться тому, что, прекрасно зная «кто есть ху», реалистически мыслящие политики Запада желали иметь дело не с фасадными марионетками, а с советскими лидерами, какими бы формальными постами они ни обладали, державшими палец на этой «пусковой кнопке».

Так вот, если не забывать об этом и заниматься не гаданиями на кофейной гуще, а научным анализом, то станет ясно, что государственный переворот как лишение реальной власти законного Президента СССР произошел вовсе не 19 августа, когда было объявлено о власти самозванного ГКЧП, а раньше — во второй половине воскресенья. А точнее — в 17 часов 18 августа 1991 года, когда эмиссары этого самозванного комитета бесцеремонно проникли на крымскую дачу Президента СССР и предъявили ему ультиматум: передать свои полномочия заговорщикам. Когда приехавшим стало ясно, что их ультиматум М. Горбачев не намерен выполнять, Президент страны оказался не только отключенным от всех видов связи — и государственной, и обычной, и стратегической и космической, — он был лишен и «ящика с пусковой кнопкой», который был изъят у Президента и вывезен заговорщиками, потому и возглавляемыми первым заместителем председателя Совета Обороны О. Баклановым. Мы даже не можем себе верно представить, в какой опасности оказался не только советский народ, но и весь мир, когда кучка весьма недалеких, полуграмотных заговорщиков овладела средствами управления, связанными с развязыванием ракетно-ядерной войны! Судьбы мира

оказались в руках авантюристов. Это случилось в 17 часов 18 августа 1991 года, а потому это время и следует считать началом свершившегося переворота.

22 августа М. Горбачев заявил миру, что он «полностью владеет ситуацией». Нашлись журналисты, которые по недомыслию эти слова истолковали как преждевременные и не соответствующие действительному положению. Как знать, может быть, именно таким путем Запад узнал, что «ящик с пусковой кнопкой» в надежных руках. Именно с того времени, когда в этом смысле Президент стал «полностью контролировать ситуацию», переворот окончательно провалился.

3. Социальная база заговора

Если подвергнуть весь этот конгломерат хорошо известных официальных заговорщиков социальной оценке, то окажется, что мы имеем дело с представителями государственно-военной и общественной администрации: министры и комитетчики, председатели союзов и ассоциаций. Среди них нет ни одного партийного функционера. Так что же, следует считать, что был «чистый» заговор военно-государственных администраторов или военно-административной бюрократии? Глубоко убежден, что это не так. Я не боюсь оказаться плохим пророком. Они составляют только видимую, надводную часть заговорщического айсберга. Есть еще усиленно маскирующаяся подводная часть идейных вдохновителей и организаторов переворота, гнездящихся в руководящих структурах, аппарате ЦК КПСС и РКП. Какие есть основания утверждать это?

Прежде всего то, что на протяжении всех дней переворота, когда еще не был ясен исход событий, я имею в виду 18, 19, 20 августа, руководящие органы ЦК КПСС — его Политбюро и Секретариат — хранили удивительное молчание как по отношению к пропаже своего собственного Генерального секретаря, так и по оценке происходящего в стране. А давно известно: молчание — знак согласия, а значит, поддержки как интернирования Генерального секретаря М. Горбачева, так и осуществления антиконституционного государственного переворота. Вскоре мы узнаем, как руководящие структуры КПСС оказались заняты вовсе

не поисками своего руководителя, не выяснением его здоровья и не тем, чтобы поднять пятнадцатимиллионную армию коммунистов против путча и на освобождение Генерального секретаря. Нет, они были заняты разработкой и рассылкой членам Политбюро (подавляющая их часть — одновременно первые секретари республиканских организаций) проектов документов, одобряющих антиконституционный переворот. 23 августа в «Комсомольской правде» были опубликованы две важные информации. Первая. «Президент Казахстана Н. Назарбаев, — говорилось в сообщении из Алма-Аты, — заявил о своем выходе из Политбюро и ЦК КПСС. Он объяснил это решение тем, что 19 и 20 августа в ЦК КП Казахстана постоянно поступали документы, свидетельствующие о полной поддержке Секретариатом ЦК КПСС действий ГКЧП. В одной из секретных записок прямо предписывалось коммунистам Казахстана принять меры по содействию ГКЧП. Кроме того, Н. Назарбаеву как члену Политбюро было предложено подписать проект заявления ЦК КПСС, в котором оправдывалась деятельность антиконституционного комитета. Он отказался». Здесь же была опубликована и вторая информация: «Прокофьев и Шенин вышли из Политбюро ЦК КПСС в знак протеста против того, что Политбюро недостаточно активно поддержало действия ГКЧП». Конечно, газетная информация — не официальный документ, но факт разработки — путем опроса членов Политбюро, находящихся в республиках, и рассылки им проектов — соответствующего документа подтверждает и первый секретарь ЦК Компартии Украины С. Гуренко. На своей пресс-конференции 22 августа он так объяснял удивительное молчание Политбюро и Секретариата ЦК КПСС: «Текущую работу вел Секретариат ЦК — те, кто был в то время в Москве. Они начали вырабатывать пропозицию для заявления от имени членов Политбюро. Я свою позицию определил во вторник, подал ее, однако, к сожалению, обсуждения не было, ибо не собрался кворум.

Так было. Однако я не оправдываю ситуацию. Думаю, что у Секретариата ЦК была возможность дать объективную характеристику ситуации».

Так обстоит дело с «онемением» Политбюро и Секретариата ЦК КПСС в первые дни переворота, когда втайне от коммунистов партюкраты усиленно вели ра-

боту по поддержке ГКЧП и когда исход событий еще не был очевиден. Но ситуация резко изменилась, как только выяснилось, что переворот терпит неудачу: сразу же появилось заявление вышедшего из больницы заместителя Генерального секретаря В. Ивашко, потребовавшего от ГКЧП встречи с М. Горбачевым, появилось и заявление Секретариата ЦК КПСС, в котором делалась жалкая попытка оправдаться: «В критический момент истории государства Секретариат ЦК считает необходимым довести свою позицию до коммунистов, до всех граждан нашей страны.

В очередной раз руководящие органы КПСС поставлены (интересно кем? — А. Б.) перед тяжелыми фактами и необходимостью давать свою оценку уже совершившимся политическим событиям». Никак не объяснив миллионам коммунистов, почему Б. Ельцин, например, уже утром 19 августа дал свою оценку событий и призвал россиян к борьбе с антиконституционным переворотом, а Секретариат ЦК так долго хранил молчание, скрыв, какие секретные документы он рассылал и что предлагал подписать членам Политбюро, Секретариат в своем заявлении задним числом признал «недопустимым использование временных чрезвычайных полномочий для установления авторитарного режима, создания антиконституционных органов власти, попыток использования силы».

Уже только те факты, которые здесь изложены, предоставляют все основания говорить о прямой причастности партократии, руководящих аппаратных структур ЦК КПСС к антиконституционному перевороту, о том, что мы имеем дело с переворотом, организованным не одними администраторами, а партийно-государственной бюрократией. Заговор и переворот — дело ее рук, и сделано это было не только втайне от миллионов коммунистов, но и вопреки их демократическим интересам и устремлениям, наперекор многим из них, мужественно боровшимся против заговора и сил путчистов.

4. Динамика борьбы

Здесь вряд ли стоит излагать ход событий, за которыми с напряженным вниманием следили советские люди, весь мир.

Хочу лишь обратить внимание на удивительно низ-

кий профессиональный уровень действий хунты. Вот как оценивает организацию переворота Ал. Проханов, один из авторов «Слова к народу», явившегося, на мой взгляд, идейным прологом к перевороту (его подписала и часть путчистов): «То, что произошло здесь,— это цирк-шапито. переворот должен быть сделан в одну ночь — все, кто мешает, арестованы, каналы связи перекрыты — и только тогда, на утро девятнадцатого вытаскивать на улицу технику, чтобы ошеломленное и подавленное население было еще больше депрессировано...

Все, что произошло, мне непонятно. Это за пределами. Дворец никто не штурмовал, спецназы отдыхали, а на улицы вытащили технику, которая взбудоражила людей, как будто в улей забрался медведь. И люди, сначала побоявшись, узнали, что нет боекомплектов, сели на эту технику, вставили цветочки в пустые дула и стали кормить солдат с ложечки, в первые же четыре часа армия была лишена способности действовать».

О неизбежности провала переворота говорили многие, и не только из числа демократов. И действительно, после того как в ночь с 20 на 21 августа провалилась попытка взять «Белый дом» на Краснопресненской набережной, лагерь заговорщиков стал быстро разваливаться, антиконституционный государственный переворот потерпел поражение. И все же мне думается, что причины поражения партийно-государственной бюрократии далеко не только в низких интеллектуальных и организаторских способностях членов хунты. Попробуем сделать более широкие выводы.

События конца лета 1991 года в Советском Союзе войдут в историю. И не только потому, что антиконституционный переворот 18—22 августа до основания потряс все советское общество и держал в напряжении весь мир. Он сдернул покрывало с действительной расстановки общественных сил в стране, обнажил настоящие цели этих сил, показал, кто есть кто, заставил каждого заново осмыслить свои интересы и свое место в идущей борьбе. В результате открытого столкновения сил прогресса и сил реакции заговорщики потерпели полное фиаско, и это коренным образом меняет соотношение сил, открывает путь для сдерживавшихся радикальных перемен, для реализации революционных целей перестройки.

Поэтому переломные дни августа 1991 года навсегда войдут в советскую историю как рубеж двух эпох: с одной стороны, как время, когда антиперестроечные силы пошли ва-банк, совершили антиконституционный государственный переворот и потерпели далеко идущее сокрушительное поражение; а с другой стороны, этим были сняты препятствия для глубочайших преобразований, завершающих антитоталитарную революцию в Советском Союзе, позволяющую вывести страну из социально-экономического тупика и вернуть ее в лоно мировой цивилизации. Именно в этих двух плоскостях: как *завершение* начатого в противоборстве процесса перестроечных перемен и как *начало* нового этапа антитоталитарной революции, уверенных и решительных мер по обновлению страны и следует рассматривать случившееся, делать выводы и извлекать уроки.

5. Выводы и уроки

Антиконституционный переворот и его поражение завершают начальную полосу перестройки, когда, предпринятая по инициативе сверху и далеко не сразу и не всеми поддерживаемая снизу, она с трудом продвигалась вперед в условиях все обостряющегося противоборства сил прогресса и маскирующихся сил реакции, ее сторонников и противников. А за кулисами этой борьбы вызревал тот революционный взрыв, который уже произошел в других европейских странах «реального социализма» в виде «бархатных» и «небархатных» революций против сталинизма и постсталинских форм казарменного псевдосоциализма и тоталитаризма.

В советской печати, в научной литературе не раз говорилось о том, что общий для всех стран «реального социализма» путь освобождения от сталинского и постсталинского тоталитаризма и казарменного псевдосоциализма в каждой стране проходит по-своему. В силу особенностей советской истории и длительности существования здесь казарменного псевдосоциализма советская антитоталитарная революция должна пойти своим особым путем, весьма отличающимся от того, что имело место в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Жизнь подтвердила этот прогноз.

Несмотря на то что именно в Советском Союзе по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева началась перестройка как революция сверху, ставшая эпицентром всех потрясений в «социалистическом мире», сама по себе эта революция сверху только подорвала тоталитарные структуры, но не сумела разрушить их, что вызывало нарастающее недовольство масс. Сопrotивляясь революционным переменам, партийно-государственная бюрократия обладала здесь наибольшим опытом, что позволило ей шесть лет тормозить перестройку, то срывая ее реформы, то делая попытки устранить ее инициатора, сделать своим заложником и пленником, обложить его со всех сторон своими людьми. На определенном рубеже, когда стало очевидно, что партийно-государственная бюрократия окончательно теряет бразды правления, она и пошла на прямой антиконституционный государственный переворот.

Первый и важнейший урок состоит в том, что вопреки всем хулителям перестройки ее шесть минувших лет, протекавших в ожесточенном противоборстве, в наступлениях и отступлениях давно назревших преобразований, отнюдь не прошли даром. Эти годы разрушения конформизма и перестройки сознания, связанные с развитием демократии и гласности, хотя и не перестроили всю страну, все же изменили ее народ, советских людей, которые в августе 1991 года с полным основанием могли писать на своих плакатах: «Мы не рабы, рабы — не мы!» Поэтому при всей важной роли лидеров и героев, отстаивавших свободу на баррикадах у «Белого дома», бесспорно то, что главным героем был советский народ, который всюду (на заводах и полях, в армии и учреждениях, вузах и школах) стал другим за эти годы. Именно он был главной, решающей силой, которая наперед обрекла на неудачу заговор партийно-государственной бюрократии, обусловила относительно бескровное подавление достаточно грозных сил путчистов.

К середине 1991 года идеи свободы, демократии и гласности уже глубоко проникли во все слои советского общества. При всей неодинаковости поведения различных социальных и возрастных групп особенно важными представляются два момента. Во-первых, за последние годы появилась новая молодежь 18—23 лет — а это около тридцати миллионов новых граждан, чье

сознание формировалось уже не в условиях тоталитаризма, а в обстановке шести лет свободы, пришедшей с перестройкой. Именно эта молодежь стала одной из самых боевых сил на баррикадах, именно ее жертвы оказались наибольшими на пути к победе. Во-вторых, несмотря на специфические условия страны, где многие десятилетия господствовал тоталитаризм и воспитывалось конформистское сознание, здесь все же не возникло сколько-нибудь существенного противостояния поколений: активное участие «шестидесятников» и части фронтовиков на стороне демократических сил показало, что и годы «хрущевской оттепели» не пропали даром.

Второй важный урок заключается в том, что при всем росте сознательности и активности советских граждан, огромной степени политизации и значительной демократизации общества главной слабостью пробудившихся к действию народных сил, чем и воспользовались путчисты, явилась несогласованность действий и даже раскол демократических сил. Ведь антиконституционный переворот случился после длительного разобщения демократических сил, группировавшихся, с одной стороны, вокруг инициатора перестройки М. Горбачева, а с другой — вокруг оппозиционера Б. Ельцина. Этот длительный период разобщения и взаимной борьбы привел к негативным последствиям. Нетерпимость, перерастающая во взаимную неприязнь, не только свидетельствовала о весьма невысоком уровне политической культуры, но и была показателем слабого понимания лидерами своего политического призвания, своих обязанностей перед народом, что и сделало их личные амбиции и антипатии важнейшим резервом реакции.

Действия демократов, группировавшихся вокруг Б. Ельцина и нацеливавших свои действия на подрыв позиций М. Горбачева, внесли в начале 1991 года свою весьма существенную лепту в подрыв авторитета конституционной власти, в разрушение управления союзной экономикой, что, как известно, широко использовали путчисты. Действия демократов, поддерживавших М. Горбачева и стремившихся ослабить позиции Б. Ельцина, существенно подорвали их собственный авторитет и значительно снизили общий потенциал демократических сил, что тоже стимулировало заговорщиков. Даже после начала антиконституционного пе-

реворота, когда каждому здравомыслящему человеку стала предельно ясна игра путчистов на расколе демократических сил, нашлись скрытые прислужники путчистов, которые, рядясь в тогу демократов, распространяли клеветнические слухи о якобы существующем сговоре Президента с совершившей переворот «восьмеркой».

Сегодня представляется бесспорным то, что заговорщиков подтолкнули к перевороту наметившееся уже в «соглашении десяти» сближение всех демократических сил страны, возможность подписания обновленного Союзного договора. Это могло привести к перерастанию сближения демократических сил в их сотрудничество, что являлось смертельно опасным для антидемократических сил, партийно-государственной бюрократии и амбиций всех экстремистов.

А это значит, что следует снова и снова говорить о важности и необходимости единства демократических сил как главном уроке завершившейся полосы, о недопустимости их разобщения, а тем более раскола. Поэтому главным итоговим выводом на сегодня и на завтра может быть только следующее: объективно сложившееся — вопреки личным симпатиям и антипатиям — в ходе борьбы с антиконституционным государственным переворотом взаимодействие и сотрудничество между М. Горбачевым и Б. Ельциным, между демократами всех направлений и оттенков должно быть не только сохранено, но и упрочено посредством превращения в сознательное взаимодействие и согласованное сотрудничество, ибо без этого нельзя закрепить достигнутую победу, но самое главное — нельзя успешно решать ключевую задачу современного этапа антитоталитарной революции — создание социально ориентированной смешанной рыночной экономики, восстановление механизмов прогресса и на основе этого вывод страны из социально-экономического тупика и возвращение ее в лоно мировой цивилизации.

Правда. 1991. 18, 19 сентября

ПЕРЕПЕЧАТКА ИЗ ЖУРНАЛА «ШПИГЕЛЬ»

Влиятельный немецкий еженедельник «Шпигель» в номере, датированном 7 октября, опубликовал стенограммы допросов членов ГКЧП, полученные, как говорят в редакции еженедельника, «по своим каналам». «Известия» перепечатали 10 октября 1991 года текст этих стенограмм в обратном переводе с немецкого, что, естественно, не исключает каких-то частичных расхождений с подлинником. Надеемся, читатели нас поймут, поскольку доступа к оригиналу стенограмм наша редакция не имеет.

ДОПРОС ДМИТРИЯ ЯЗОВА

22 августа

Следователь: Допрос ведут Леганов и Сычев. Мы снимаем показания бывшего министра обороны СССР маршала Дмитрия Тимофеевича Язова.

Язов вздыхает.

Следователь: Я должен заявить, вас допрашивают в связи с участием в преступлении, которое мы квалифицируем как измену Родине, заговор с целью захвата власти, злоупотребления служебным положением. Теперь я хотел услышать от вас, что вы скажете по поводу предъявленных вам обвинений.

Язов: У меня несколько иное понятие о том, что такое измена Родине, я этого не скрываю. Измена Президенту — пожалуй, но я не предавал своей Родины, своей страны. Я много лет знаю Горбачева. Мы работали вместе, мы вместе решали многие проблемы.

Следователь: Допрос снимается на видеокамеру «Панасоник». Мы допрашиваем маршала в санатории «Сенеж» Солнечногорского района под Москвой. Этот допрос начат 22 августа 1991 года в 11 часов 20 минут.

Язов: Лично я испытываю большие симпатии к Горбачеву. Должны быть очень серьезные причины, почему я выступил против Верховного Главнокомандующего нашими Вооруженными Силами. Пожалуй, у многих, в том числе и у меня, появились негативные эмоции. Я объясняю это тем, что жизненный уровень нашего народа упал, рухнула экономика, все больше обострялись национальные конфликты, конфликты между республиками... В известных кругах нашего партийного руководства начались дискуссии. Постепенно вызревала мысль, что Горбачев, собственно говоря, исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля. Где-то ощущалось, что он или очень устал, или потерял ориентир, как казалось. Его экономическая политика выражалась в том, что он выклянчивал кредиты, делал долги и очень мало делал для экономики внутри страны. Мы говорили об этом в Центральном Комитете с Михаилом Сергеевичем, на заседаниях Верховного Совета. Но этот курс продолжался: решать экономические проблемы с помощью внешней политики. Он и его правительство практически не занимались проблемами внутри страны. Наш экономический механизм полностью износился. А страна стояла на грани развала. 20 августа должен был быть подписан Союзный договор... Лично мне и многим другим товарищам, с которыми я беседовал, стало вдруг ясно, что тем самым на нас неумолимо надвигается развал Союза. Все выступали за Союз Советских Социалистических Республик, и вдруг поступает проект Союзного договора, в котором речь идет о суверенных государствах!

Мы были убеждены: здесь не простая ошибка, здесь идет целенаправленная работа на то, чтобы не было никакого Союза, а лишь конфедерация республик с собственными президентами.

Следователь: Вернемся снова к проблеме. Вас назначили министром обороны не без поддержки Горбачева, и вот вы внезапно приняли решение лишить его власти. Вы же давали присягу — Президенту, парламенту, народу. Вы сейчас кратко описали свои мотивы. Почему вы пришли к убеждению, что Президента надо лишить власти? Причем антиконституционным путем.

Язов: Вывода, что Президента следует лишить власти, я никогда не делал. Свою вину в этом преступле-

нии я вижу в том, что из-за моего участия все это стало возможным. Я мог бы предотвратить это, я был, вероятно, обязан проинформировать обо всем Президента. В воскресенье, 18 августа, мы решили, что к нему вылетят пять человек, чтобы поговорить с ним о добровольной отставке с поста Президента и о том, что эти функции должен взять на себя вице-президент Янаев. К сожалению, я не знал Янаева, я практически просто поддержал все это, не вдаваясь в подробности. Обо всем этом я сейчас вынужден очень сильно сожалеть, это была, пожалуй, очень грубая ошибка.

Следователь: Звучит весьма наивно для такого государственного деятеля, как министр обороны.

Язов: Мы и раньше собирались в различных местах, мы часто говорили об этом, и чаще всего при этом присутствовали товарищи Крючков, Бакланов, Болдин. Говорили о положении в стране, о развале партии, экономики, мы делаем долги, постепенно народ нищает, кто-то же должен нести за все это ответственность, руководить народом и страной. И непроизвольно пришли к тому, что вина должна ложиться на Президента, потому что он дистанцировался от партии, говорили одни, он предал армию...

Следователь: Вы можете конкретно сказать, кто это говорил?

Язов: Нет, это были просто дискуссии. Все сходилось на том, что Горбачев последние годы часто ездит по заграницам, и мы часто вообще не знали, какие важные дела он там обсуждает. Например, с каким докладом выступал Горбачев в Лондоне на заседании «семерки». Мы не очень знали, о чем он там говорил. До этого мы, по крайней мере, все всегда обсуждали на Политбюро или на Президентском совете. Или в Совете безопасности.

Следователь: И было лучше, когда в свое время все обсуждалось открыто?

Язов: Да, может быть, это и не конструктивно, но все решалось в коллективе. А когда решает один, то тогда... Мы, конечно, не были готовы пойти на еще большую зависимость от США — в политическом, экономическом, а также военном отношениях.

Следователь: И к какому же решению вы пришли?

Язов: Заговора и плана не было. В субботу мы собрались...

Следователь: Кто собирал?

Язов: Крючков,

Следователь: Где вы собирались?

Язов: На одном из военных объектов в Москве, в конце Ленинского проспекта, слева от поста ГАИ. Там есть одна улица... Просто в конце рабочего дня позвонил Крючков и сказал: «Мы должны кое-чего обсудить». И я приехал. Потом прибыл Шенин, потом Вакланов... И тогда началось: может быть, все-таки съездить к Горбачеву и поговорить с ним?

Следователь: Почему такая спешка? Не потому ли, что предстояло подписание Союзного договора?

Язов: Конечно, потому что мы были недовольны этим проектом и мы знали, что государство развалится. Я заявил, что предоставляю самолет, на котором пять человек вылетят из Чкаловской. Шенин, Варенников, Болдин, Плеханов и Бакланов. Плеханов — это человек, который знал всю тамошнюю систему охраны. Я уже знал, что Крючков поручил ему заменить там всю охрану.

Следователь: С какой целью?

Язов: Попытаться убедить его. И если он не согласится, то должны быть приняты решительные меры.

Следователь: Кому все это пришло в голову: полететь, убедить, потом отключить систему связи, поменять телохранителей?

Язов: Думаю, что это было коллективным решением. У меня был всегда известный скепсис в отношении того, стоит ли вообще что-то предпринимать. У меня были свои сомнения. Когда они вернулись, мы сидели в Кремле, в кабинете премьера Павлова.

Следователь: Итак, вы, Павлов, кто ещё? Был при этом Янаев?

Язов: Да, он подошел, около семи или восьми, то есть после их возвращения. Они прибыли около 21 часа... Был создан комитет после того, как посланцы вернулись от Горбачева — с довольно кислыми физиономиями. Тот их практически выгнал. В беседе он сказал: ну, вы должны сами решать, что вы делаете. Когда они сообщили, что они практически выдохлись, что идея нереализуема, то было ясно: Янаев должен подписать документ. Поскольку Горбачев не был болен, мы должны были сначала объявить его больным. Тут для нас стало ясно, что наш прежний план рухнул.

Следователь: Как возник Государственный комитет по чрезвычайному положению?

Язов: Мы сидели у Павлова. Около девяти появился Янаев. Потом пришел Лукьянов, он прибыл на самолете, его вызвали, он был в отпуске. Лукьянов сказал, что он не может стать членом какого-то комитета. Я, говорил он, Председатель Верховного Совета, это законодательный орган, которому подчиняется все и вся. Единственное, что я могу, это сделать заявление о нарушении Конституции, которое вызовет в любом случае подписание Союзного договора... Янаев к этому времени был довольно пьян, то есть он в какой-то степени как следует повеселился.

Следователь: А Крючков тоже был пьян?

Язов: Пуго, я и Крючков. Мы сказали Пуго: мы послали людей, но Горбачев целый час не принимал их. У него сейчас как раз какой-то врач с вакциной или с чем-то в этом роде. И если Горбачев сейчас согласится, Янаев какое-то время будет исполнять президентские функции.

Следователь: А если нет?

Язов: То, что вы сейчас имеете в виду — устранение, ликвидация или что-то в этом роде, — об этом никогда не говорилось. Около 23 часов к нам присоединился министр иностранных дел Бессмертных. Он сказал: «Если вы меня туда впишете, то конец всем иностранным делам». Около двенадцати ночи или в половине первого я был дома, в Баковке. Встал в половине шестого и поехал на службу.

Следователь: Вы уже успели отдать какие-то приказы?

Язов: Нет, вечером не отдавал никаких, пока не были подписаны документы. Телецентр с шести утра больше не функционировал. Мы послали туда наши подразделения. Это было около шести утра.

Следователь: Зачем?

Язов: Надо было объявить, что создан комитет по чрезвычайному положению, могли найтись люди, которые с этим бы не согласились.

Следователь: А не хотели ли выяснить реакцию населения? Не испугается ли оно? Тем самым проблема была бы решена.

Язов: Нет. Иметь две дивизии в десятиmillionном городе и рассчитывать на то, что все сразу перепугаются, — это было бы наивностью.

Следователь: Чисто психологически именно этот

ввод войск вызвал у народа сомнения, действительно ли болен Горбачев и подлинный ли документ?

Язов: Наш Президент — он непобедимый, и ввод войск был, вероятно, также ошибкой. Появились ложные слухи: злоупотребления положением Президента, им кто-то манипулирует. Возможно, это и привело к тому, что мы предприняли всю эту акцию, эту авантюру.

Следователь: Вы наверняка рассчитывали на то, что все это проглотят, что вас поддержат, не спрашивая, конституционно ли все это.

Язов: Хорошо, такая мысль у нас была в подсознании.

Следователь: Тогда вы увидели, что вы завязли в этой афере, откуда нужно выбираться?

Язов: Да, конечно. Я тогда начал кое-какие приготовления. Все это уже, собственно говоря, катилось под откос. Эти объявили: будем собираться два раза в день, а собрались всего один раз. А на следующее утро я вообще не пошел.

Следователь: Вы имеете в виду 21 августа?

Язов: Да, вчера. Я начал отвод своих войск.

Следователь: Если вы уже после пресс-конференции увидели, что зашли чересчур далеко и совершили преступление, почему вы продолжали? Я имею в виду ввод танков в ночь с 20-го на 21-е, комендантский час, назначение коменданта города.

Язов: Так уж случилось. Будем говорить откровенно, а я всегда говорю откровенно: когда было введено чрезвычайное положение, среди людей настолько широко распространился слух, что вслед за этим следует комендантский час. Только на следующий день этот вице-президент, этот Янаев ввел чрезвычайное положение. Но когда было объявлено чрезвычайное положение и я назначил генерала Калинина комендантом города, тому потребовались совершенно иные силы и средства, ибо чрезвычайное положение и комендантский час — это две разные вещи. Так и случилось, что он только 20-го вечером смог издать распоряжение о введении комендантского часа. На это требуются дополнительные силы — и все это в условиях проливного дождя и политизации народа.

Следователь: Кто мог рекомендовать Янаеву ввести комендантский час? Янаев же не военный. Но только честно.

Язов: Я же и говорю только честно. Вы пытаетесь заострить на этом после каждого вопроса, а я всегда говорю только честно. Он ввел в Москве чрезвычайное положение, а Калинин, комендант, объявил комендантский час.

Следователь: По чьей рекомендации?

Язов: По моей рекомендации.

Следователь: Ваша рекомендация разогнать силы, защищавшие Белый дом? Ведь формальный повод был бы: в 23 часа все должны разойтись по домам.

Язов: Но там было 70 тысяч человек.

Следователь: Но по городу же ездили танки.

Язов: Они передвигались, но я запретил применение огнестрельного оружия. Они должны были только блокировать улицы.

Следователь: Ситуация, сравнимая со спичкой перед пороховой бочкой. Достаточно было и случайностей.

Язов: Кто же мог представить, что сверху с этого подземного перехода будут бросать бутылки с зажигательной смесью? Там же построили баррикады из автобусов... Там были пять или шесть БТР в подземном переходе, как в ловушке.

Следователь: Заменялись ли войска, например, те, которые стояли перед Белым домом? И не потому ли, что военнослужащие входили в контакт с народом и были уже политически ненадежны?

Язов: Был батальон Тульской дивизии, и его командир — бывший начальник этой дивизии и личный друг Ельцина, тот отвел батальон — для разрядки, для спокойствия.

Следователь: И кого послали на замену?

Язов: Из той же самой дивизии, снова одно подразделение. Но они же не могли находиться там все время, им надо было что-то есть, поспать. Поэтому замены были запланированы. И когда начался второй день, я видел, что туда к ним подвозят большое количество водки, целыми автобусами. Тем самым пытались побудить солдат к нарушению своего долга. Представьте — пьяные в БТР, это же совершенно особая угроза.

Следователь: Когда вы осознали, что государственный путч или этот переворот...

Язов: Как можно это называть государственным переворотом? Мы сказали Янаеву: это какая-то шут-

ка, не правда ли? В конце пресс-конференции представить все как некую шутку. Он же заявил: Михаил Сергеевич — мой друг, когда он поправится, будет снова выполнять свои функции — чтобы народ успокоить.

Следователь: И тогда вы решили отвести войска и со вчерашнего дня практически стали на путь покаяния?

Язов: Да, боже мой, я с раннего утра приказал вывести войска и при этом еще помочь разобрать баррикады, с тем чтобы наконец покончить с этим позором. По собственной воле и решению я начал отвод войск, я знал, что такие шуточки с народом делать нельзя.

Следователь: А теперь скажите, пожалуйста, честно: все было запланировано так, что люди все это молчком проглотят?

Язов: Думаю, так бы никогда не случилось. Я говорю вам это честно.

Следователь: Снова вопрос: если бы проглотили, как бы дальше поступили с Горбачевым?

Язов: Думаю, что тогда снова бы включили связь и вернули бы его к выполнению своих функций. Ибо те, кто взял на себя эти функции, были к этому неспособны.

Следователь: Но человек, чья честь была столь оскорблена, которого арестовали вместе со всей семьей, как бы он стал продолжать дальше?

Язов: Законный вопрос. Для меня это сейчас чистое мучение.

Следователь: Но вы же должны были продумать ситуацию немного вперед.

Язов: Мы ни о чем не думали ни на ближайшую, ни на длительную перспективу.

Следователь: Если бы все получилось, нужно же было все-таки что-то придумать, как дальше поступить с Горбачевым?

Язов: Об этом никто не думал. Я считал, что Горбачев должен быть возвращен.

Следователь: Чтобы суметь убедить его?

Язов: Я это не планировал, но рассчитывал на это.

Следователь: Как вы хотели завоевать тогда симпатии народа?

Язов: Мы рассчитывали на то, что есть какие-то товары, где-нибудь какие-нибудь резервы, запасы, для

этого мы специально вызвали Щербакова. Он сказал: то, чего вы хотите, всего этого не существует. Все это есть у союзных республик, а у нас полностью отсутствует. Того не имеем, другого, нам отказали в кредитах. Через пять дней завоюем как волки.

Следователь: А что за причина болезни Павлова?

Язов: Думаю, злоупотребление алкоголем. Может быть, он сделал это нарочно, чтобы устраниваться от игры. Я видел его два или три раза — пьяным в стельку. Когда он позвонил, я уже по голосу почувствовал, он сказал: «Арестовать всех». Это было после заседания Кабинета министров, то есть 19-го вечером.

Следователь: Зачем вы вообще все это затеяли?

Язов: Так всегда бывает с авантюрами: плана нет, никакой подготовки, и хорошо, что у нас не было никакого плана и что все рухнуло. То, что произошло теперь с нами, это мы переживем, расстреляют ли нас, повесят или заставят мучаться. Это лучше, чем позор, который мог бы случиться. Из людей, совершавших государственный переворот, ни одного не было на службе: один заболел, другой пьяный...

Следователь: Теперь надо задернуть гардины. Мы должны пойти на это, как возможную меру безопасности.

Язов: Неужели кто-то думает, что кто-то предпримет штурм?

Следователь: Неизвестно. Но провокацию нельзя исключать. Может быть, и такую, с целью вашего освобождения?

Язов: Раньше об этом надо было думать.

Следователь: Какой сейчас вы видите свою роль?

Язов: Лучше всего провалиться бы мне сквозь землю, чувствую себя бесконечно несчастным. Хотел бы попросить прощения и у Горбачевой, и у Михаила Сергеевича. Осознаю свою вину перед народом. Единственное, что сейчас можно было бы сделать, — предпринять все для того, чтобы в Вооруженных Силах никто больше не повторил такой глупости. Я хочу сказать, этот пример должен послужить уроком для всех нас.

Следователь: Хотел бы поверить, что вы все осознали, в какую драматическую ситуацию вы завели страну.

Язов: Не могу исключить, что в это время оборона нашей страны находилась не в лучшем виде — когда

Президент и Верховный Главнокомандующий лишен связи, информации и не может передать ее сам.

Следователь: Ракетные войска и все остальное — сейчас снова в порядке?

Язов: Да, все коды находятся в Генеральном штабе, у Верховного Главнокомандующего ракетными войсками, все приборы и установки с десяти часов сегодняшнего дня в руках у Горбачева. Ракетные войска, стратегическое и гражданское ПВО, а также флот, никто из них никоим образом не имел каких-либо дел с этой авантюрой. Они были не в курсе и даже не поддерживали контакта с нами.

Следователь: У вас есть сейчас возможность направить послание Президенту Горбачеву.

Язов: В ноябре исполнится 50 лет моего пребывания в Вооруженных Силах, а я, старый дурак, участвовал в этой аванюре. Сейчас я сожалею и осознаю, какой кошмар я вам приготовил. И сейчас сожалею. Наверное, это чересчур поздно — обо всем, что я сделал, чтобы вывести войска на улицы Москвы. Я знаю, что вы человек с добрым сердцем и что по возможности проявляете столько понимания. Я воевал, дважды ранен. Хотел бы попросить вас, чтобы меня не предавали суду военного трибунала, а просто отправили на покой. Я осуждаю эту авантюру. И буду осуждать до конца жизни то, что я причинил вам, нашей стране и нашему народу.

ДОПРОС ВЛАДИМИРА КРЮЧКОВА

22 августа

Следователь: Опишите, пожалуйста, детально, когда, при каких обстоятельствах было решено лететь к Президенту в Крым?

Крючков: Мы собирались открыто сказать Горбачеву, что после его отъезда в отпуск мы пришли к выводу: страна парализована. Например, урожай не собирается. И сахарная свекла. Полная безответственность, никаких поставок, и если сейчас не принять мгновенных мер по стабилизации нашего государства, то следует рассчитывать, что вскоре государство рухнет. Мы хотели его преинформировать. К тому же мы хотели выслушать позицию Горбачева, и затем мы

считали, нужно принять меры по стабилизации. Это были жесткие меры, которые мы собирались предложить, но другого пути мы не видели. Мы хотели все предпринять для того, чтобы рабочие были заняты, чтобы поменьше предприятий было закрыто. Положение нам казалось настолько критическим, что тянуть до сентября — октября невозможно. И мы собирались сказать Горбачеву, чтобы на какое-то время он, возможно, сложил бы с себя полномочия, и когда он затем мог бы вернуться...

Следователь: ...Вы хотели предложить ему, чтобы он объявил о своей отставке.

Крючков: Чтобы он на время делегировал свои полномочия вице-президенту Янаеву. Но мы знали, что Горбачев вскоре...

Согласно статье 127 пункт 7 он мог передать свои полномочия кому-то другому.

Следователь: Значит, речь не шла о какой-то болезни. Горбачев воспротивился делегировать кому-то свои полномочия?

Крючков: Он сказал, что вы можете попытаться, но ничего не выйдет. Он также заявил, что чувствует себя неважно. Но сегодня, конечно, никто не может сказать, что он чувствовал себя хорошо.

Мы отключили связь, чтобы создать порядок в нашем смысле, а также усилили охрану побережья.

Следователь: Послушать вас, так все звучит несколько наивно: как будто собрались несколько юнцов и решили затеять игру.

Крючков: Отключение связи и отстранение от должности сами по себе являются деянием, предусмотренным Уголовным кодексом.

Следователь: На случай, если Горбачев не согласится...

Крючков: На этот случай мы должны были все еще раз поговорить в Москве.

Следователь: Кто сообщил Горбачеву, что линия связи отключена, а охранников заменили?

Крючков: Не заменяли. Мы договорились лишь усилить охрану... Там ведь небольшая территория.

Следователь: Конкретно обсуждалась изоляция Горбачева?

Крючков: Говорю еще раз, территория небольшая, изолировать несложно.

Следователь: Имел ли он возможность выехать в Москву или Киев, если бы захотел?

Крючков: Нет, если бы он захотел, такой возможности у него не было ни 19-го, ни 20-го.

Следователь: Можно прямо сказать: он был изолирован.

Крючков: Конечно, да.

Следователь: Почему мы ходим вокруг да около.

Крючков: Да, к этому времени мы блокировали коммуникации и изолировали его, ну хорошо: мы ограничили свободу его передвижения этой территорией.

Следователь: Кто так решил?

Крючков: Мы все.

Следователь: А специально от вашего заведения? Инструкцию Плеханову давали вы?

Крючков: Да, лично я.

Следователь: Как были отключены коммуникации?

Крючков: Я отдал приказ начальнику управления.

Следователь: Когда вы отдали этот приказ?

Крючков: 18-го вечером.

Следователь: Анатолию Георгиевичу Лябеде. Он был таким образом в курсе дела?

Крючков: Нет, он был не в курсе. Мы заявили: коммуникации отключить, и ничего больше.

Следователь: Он был обязан выполнить этот приказ?

Крючков: Разумеется, обязан. Такова его должность.

Следователь: Но ведь речь шла о Президенте, о Верховном Главнокомандующем.

Крючков: Но у него был мой приказ, и он обязан был его выполнить.

Следователь: По инструкции? Он должен был бы, вероятно, обратиться к Председателю Верховного Совета или к другому лицу.

Крючков: Нет, в подобных случаях достаточно моего приказа...

Следователь: Вы заявили, что разговаривали с Горбачевым, описали ему обстановку и что вначале дискуссия протекала довольно остро.

Крючков: Мы предложили ему объявить чрезвычайное положение и передать власть Янаеву с тем, чтобы когда-нибудь позднее вернуться снова к должности. На это он прореагировал очень бурно. Потом он успокоился, но остался на своей позиции: свое со-

гласие он не даст никогда. Речь не шла о том, чтобы полностью лишить власти Президента. Это очень важно: ни в одной беседе мы не говорили об этом...

Следователь: Вы имеете в виду физическое уничтожение?

Крючков: О чем вы говорите. То, что вы имеете в виду, мы вообще не думали и не обсуждали. Об этом и речи не было. Горбачев должен был жить. Когда речь заходила о Янаеве, все мы, конечно, очень хорошо могли себе представить, что он может быть лишь очень короткое время. Нам было заранее известно: если бы дело дошло до конфронтации и подобного, то нам пришлось бы тогда немедленно уходить в отставку или пойти совершенно иным путем.

Следователь: Имелись ли устные или письменные приказы штурмовать Белый дом? Вы вообще вступали в переговоры с людьми Ельцина?

Крючков: Наш ГКЧП не предпринял никаких шагов, никаких акций, каким-либо образом направленных против российского руководства и России. Мы осознавали, что здесь не хватит никаких сил.

Следователь: Были ли попытки помешать Ельцину вернуться со своей дачи в Москву?

Крючков: Ни в коем случае. Мы знали, что он выехал, мы хотя за ним и не следили, но были в курсе.

Следователь: Были ли задействованы ваши вооруженные силы?

Крючков. В Москве мы усилили охрану Кремля. Мы это сделали уже 19-го... Мы не были подготовлены. И утром 19-го мы не издавали никаких приказов. Все это было отложено на потом. И из всего, что намечили на 19-е, ничего не вышло. Мы сделали это позднее. Вот вы говорите: народ был против и т. п. Народ реагировал двояко. Первая реакция напоминала что-то вроде чувства доверия, пробуждающихся надежд — призыву к забастовке люди не последовали. Где-то бастовали 4 шахты, в республике Коми и возле Свердловска. А страна реагировала намного спокойнее, чем можно было себе представить. Однако на следующий день ситуация ужесточилась. И снова ведь в промышленности до забастовок дело не дошло, а только до митингов. Крупнейший был в Ленинграде, на это есть причина, а Москва в этом смысле показала себя слабее. Там было всего около 160 тысяч демонстрантов.

Следователь: Отдавался ли когда-либо тайный или устный приказ на арест российского руководства?

Крючков: Нет, ничего подобного не было.

Следователь: Вам ведь звонили из российского руководства.

Крючков: И я теперь могу вам сказать, что я на это ответил. Первое: мы знали, что в Белом доме находится известное число вооруженных людей. Я не могу сейчас назвать это число, оно вам будет известно. Это были люди, пришедшие по доброй воле, я думаю, что их действия были правильными. Но находились и такие, которые попросту хотели использовать ситуацию в своих целях.

Следователь: Просило ли вас российское правительство, парламент об усилении охраны?

Крючков: Чет, нужно спросить милицию, нас там не было. Но нам звонили постоянно: сейчас должен начаться штурм. Я все время отвечал: можете спать спокойно и отпустить спать остальных...

Следователь: Вокруг Белого дома стояли же люди, защищавшие здание. А откуда у них могла возникнуть такая озабоченность?

Крючков: Да, раздавались выстрелы по БТР. Не было бы этих выстрелов, танки и не стреляли в ответ.

Следователь: Вопрос сейчас не в этом. Вы забегаете вперед.

Крючков: Это вы забегаете. Я думаю, будет лучше, если мы продолжим в форме вопросов и ответов. 21-го вся военная техника была выведена из Москвы.

Следователь: Почему?

Крючков: Потому что мы увидели, что это может привести к серьезной конфронтации. И 21-го мы в любом случае хотели избежать обострения обстановки.

Следователь: А не было ли так: вы увидели, что ваши намерения потерпели полный крах?

Крючков: Полного краха не было. Еще раз отчетливо выяснилось, что порядок есть порядок и что его можно создавать. Все предприятия функционировали. И чрезвычайное положение доказало всем нам, что нигде нельзя вводить чрезвычайное положение — ни в Средней Азии, ни в республиках. Республики звонили нам и спрашивали: вводить ли нам чрезвычайное положение? На это я говорил: если обстановка спокойная, то вам не нужно этого делать.

ДОПРОС ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВА

30 августа

Следователь: Валентин Сергеевич, признаете ли вы себя виновным в том обвинении, которое вам предъявлено?

Павлов: Нет.

Следователь: По какой причине?

Павлов: Прежде всего потому, что не было никакого заговора. В этом отношении нельзя говорить о том, был ли он преступным или нет. Если что-то подобное было, то мне об этом ничего не известно.

Я не нуждался в дополнительной власти сверх той, которой я уже обладал. Президенту, вероятно, известно, что у меня было очень сильное желание отказаться от этой власти.

После повышения цен в апреле, 22 апреля, в тот день, когда отмечался день смерти... день рождения Ленина, Горбачев сказал мне: «Я тоже, вероятно, скоро буду стоять на Красной площади с плакатом в руках: «Долой Павлова!».

На это я сказал: «А я буду идти за вами с плакатом: «Большое спасибо моему Президенту». И в этой шуточной форме я несколько раз выражал свое желание об отставке, и Президент часто мне говорил: «Я знаю, что ты хочешь уйти».

С другой стороны, после заседания этого комитета мне не было предоставлено больше власти, чем я имел до сих пор...

Когда Президента нет, то его функции исполняет вице-президент. Когда мы провожали Президента в отпуск, то Президент, в присутствии многих людей, сказал вице-президенту Янаеву: «Ты остаешься здесь и отвечаешь за все».

Так как Янаев все равно до заседания Верховного Совета был исполняющим обязанности Президента, я и дальше был обязан как премьер-министр выполнять указания исполняющего обязанности Президента. Так что здесь нет никакого нарушения Конституции.

Янаев также заявил, что он берет на себя функции Президента только до заседания Верховного Совета или до возвращения Президента. В воскресенье вечером мы говорили о том, что нужно созвать Верховный Совет во вторник. Это предложение мы, Янаев и дру-

гие, сделали Лукьянову. Его ответ был таким, что чисто технически это невозможно, заседание состоится, по всей видимости, 16-го (сентября). И тогда все будет решено. Тогда мы все сказали: «Если это невозможно сделать во вторник, то самое позднее это нужно сделать в среду». Это значит: создавая комитет, мы думали, что нам необходимо два-три дня, чтобы созвать Верховный Совет. И тогда это было бы все автоматически узаконено. У власти останется или комитет, или Верховный Совет скажет, что нужно предпринять другие шаги.

Во время заседания, на котором был образован этот комитет, у меня начались уже очень сильные головные боли и очень поднялось давление, и я принял таблетки. Они называются «валиметон», или как-то по-другому, это средство, которое я регулярно принимаю, и они постоянно при мне.

Во время этих очень резких дебатов нам принесли еще кофе и к тому же немного алкоголя. Через какое-то время я, вероятно, потерял сознание. Моя охрана говорила мне, что они вынесли меня из комнаты отдыха, где я лежал на диване. Так что я, мягко говоря, не мог самостоятельно передвигаться. Они меня отнесли на руках в автомобиль. Участвовать в дискуссиях или решениях я был просто не в состоянии. Единственная моя активность состояла в том, что в понедельник вечером я смог с помощью моих врачей все же поехать на заседание Кабинета министров. Там люди должны были рассказать, что же они хотели, но мое состояние было, во всяком случае, не лучшее. Это правда. И я хотел бы обратить внимание на то, что я ничего не слышал о каком-то вводе войск, о штурме Белого дома или о чем-то еще подобном, о лишении власти российского руководства. Если об этом и велась какая-то дискуссия, то я был вообще не в состоянии ее воспринимать.

Следователь: Когда слушаешь вас, то приходишь к заключению: вы целиком и полностью отрицаете свою вину.

Павлов: Возможно, я уже и несу эту вину.

Следователь: Могли бы вы это объяснить?

Павлов: Во время заседания Кабинета министров я сказал: «Не должно быть допущено никакой конфронтации, никакой остановки предприятий, никакого кровопролития, никакого разбоя на улицах и в мага-

знах». Я мог бы и должен был бы занять более активную позицию. Я мог бы присоединиться к другой стороне, которая защищала Белый дом.

Следователь: Тогда бы вы были среди защитников Белого дома?

Павлов: Вероятно. Но днем, как я знаю от своего врача, он пытался поставить меня на ноги — если вы это знаете, тогда вы должны представить, что это, собственно говоря, означает давление 200 : 100.

Еще раз: единственное оправдание для меня — это мое состояние здоровья.

Следователь: Из ваших прежних показаний следует, что вы были в курсе, что Президент отказался подчиниться оказываемому на него давлению.

Павлов: Группа, которая возвратилась из Крыма, сообщила: «Президент сегодня не в состоянии что-либо делать. И он отказался что-либо подписать. Он недееспособен, и с ним нельзя даже разговаривать». Так они говорили.

Среди прочего они рассказали, что они должны были ждать более часа, прежде чем он их принял, так что они видели его семью, которая выглядела так, будто была в очень большом шоке, как это большей частью бывает, когда в семье кто-то тяжело болен. У него были врачи. И только после того как врачи ушли, он был... он не был в форме. Он выгнал Плеханова (командира личной охраны). Он вообще не хотел с ним говорить. Он бушевал, и тот был вынужден просто оставить помещение. Вести с ним разговор было просто невозможно. Он был не в форме, не как нормальный человек. И из этого следовало, что он ничего не подписал.

Следователь: Как я должен интерпретировать ваши слова, которые вы сказали в прошлую пятницу: «Мне сообщили, что Президент категорически отказался подписать какие-либо документы о чрезвычайном положении»?

Павлов: Люди из той группы сказали, что с ним вообще нельзя было разговаривать. То есть он был не в состоянии разговаривать. Поэтому мы сказали, что он сейчас болен... Они сообщили, что с ним сейчас нельзя спокойно разговаривать. Поэтому на какое-то время нужно было принимать такие решения самим. А когда он вернется, 20—21-го, тогда все снова уладится. Ну так мы это представляли.

Следователь: Кто-то из участников сказал: «Итак, этой поездкой мы себя, конечно, полностью раскрыли. Все, кто здесь сейчас сидит, мы завязаны в этом. Теперь мы должны принять решение». Тогда было решено: так как мы зашли так далеко, то нужно идти дальше. И передать Янаеву всю полноту власти и так далее. Это правильное изложение?

Павлов: В этой ситуации я не мог не поверить Болдину, руководителю президентского аппарата. Это уже было не первый раз, что Президент реагировал не сразу. Ему нужно было всегда два-три раза, прежде чем он был готов принять решение. И в конце мы узнавали решение от Болдина. И я, конечно, не мог не поверить Болдину, уверявшему, что Президенту нельзя было ничего объяснить.

Следователь: Но это не означает, что у Президента нужно было отнять власть?

Павлов: Нет, этого мы не решали.

Следователь: Почему же нет? Если создается комитет по чрезвычайному положению, а власть передается Янаеву?

Павлов: Если врачи говорят, что он нездоров и недееспособен, что ж я должен был делать? Пришли люди, которые уже вечно работают с Президентом, и они говорят, что он сейчас недееспособен. Он заставил нас ждать целый час, так как у него были врачи, и так далее. Он когда-нибудь выздоровеет, и тогда мы ему еще раз доложим все это. А теперь мы должны принять решение уже сами и взять власть. Если он вернется, тогда...

Следователь: Что же за решение, это лишение власти?

Павлов: Мы исполняем наши функции, когда Президента здесь нет, когда он болен, когда он отсутствует...

Следователь: Вы не пытались позвонить Президенту?

Павлов: В этом случае я лично был не в состоянии, так как с середины этого заседания я лежал уже пластом и не участвовал в нем. То есть я чисто физически не мог позвонить.

Следователь: Вы принимали спиртное или кофе днем?

Павлов: Нет, нет.

Следователь: Хотя ваши охранники говорят совсем другое.

Павлов: То есть у нас был кофе и немного спиртного. Теперь я знаю, что это было виски, так как на столе стояла бутылка виски. И вероятно, я выпил глоток.

Следователь: Если бы у вас была возможность поговорить с Горбачевым, могли бы вы смотреть ему прямо в глаза?

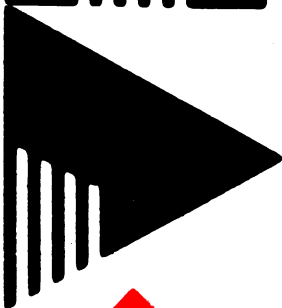
Павлов: Я тогда, вероятно, попросил бы у него извинения за то, что было сделано...

Следователь: Была ли все же попытка захвата власти?

Павлов: Я твердо убежден, что никто не намеревался лишить Президента власти. Это совершенно другое дело. Пытались убедить Президента в том, что следует предпринять решительные шаги. То, что Янаев намеревался взять власть у Президента в свои руки, никто в это не верил.

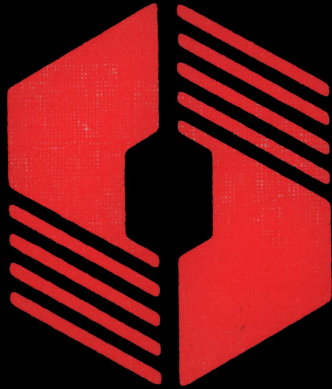
СОДЕРЖАНИЕ

Уроки августовских событий (из выступления М. С. Горбачева перед участниками московского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе)	8
Истинные устремления народа (из выступления Б. Н. Ельцина перед участниками московского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе)	7
Хроника событий. Документы. Официальные сообщения	
День первый, 19 августа	14
День второй, 20 августа	63
День третий, 21 августа	81
Несколько дней после путча, 22—25 августа	98
Свидетельства. Размышления. Оценки	
Форос, август-91. Дневник помощника Президента СССР Анатолия Чернышева	160
73 часа. Беседа Р. М. Горбачевой с корреспондентом Советского телевидения 6 октября 1991 года	179
Анатолий Собчак. Прорыв. Интервью без единого вопроса	183
Как мы защищались и защищали демократию	189
Н. Бурбыга. На звонок Ельцина генерал Грачев ответил: «Мы на стороне России»	192
Ю Хайтина. Оборона по плану «Икс»	197
Резервный совмин в бункере	204
Вернулся я на Родину — в саду... солдаты с танками	208
Страшно вылезать из-под гусениц БМП	210
Указ Президента СССР. О присвоении звания Героя Советского Союза Комарю Д. А., Кричевскому И. М. и Усову В. А.	212
С. Романовский, М. Сердюков. Их смерть — на совести путчистов	—
В. Коновалов, Э. Максимова, Л. Савельева. Прощание	213
И. Сичка. Как мы летали в Форос за Президентом СССР	219
Д. Волкогонов: «Произошла смена эпох»	224
Александр Яковлев: «Наши сыновья были на баррикадах»	226
Елена Боннэр: «Слово предостережения»	231
А. Бутенко. Август-91	235
Перепечатка из журнала «Шпигель»	253

2 р. 20 к.

**ХРОНИКА СОБЫТИЙ
ДОКУМЕНТЫ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

**СВИДЕТЕЛЬСТВА
РАЗМЫШЛЕНИЯ
ОЦЕНКИ**